Z 51/29
т. 5. в. 4. 1909

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

XXV-4350

25 илл

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

V томъ
4 выпускъ

TOME V
FASCICULE 4

1909

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ETAT

2007088101

S1
-23

Князь ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ, 1739—1791, сынъ майора Александра Васильевича Потемкина, отъ второго его брака съ Дарьей Васильевной Кондыревой (по первому мужу Скуратовой), родился въ селѣ Чижовѣ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, 13 Сентября 1739 года. Уволенный изъ Московскаго университета „за лѣность и нехожденіе въ классы", онъ въ 1761 году началъ военную службу вахмистромъ Конной гвардіи. Какъ приверженецъ Екатерины, онъ послѣ переворота 28 Іюня 1762 года получилъ чинъ подпоручика и 400 душъ; пожалованный въ камеръ-юнкеры, а затѣмъ въ камергеры, онъ занималъ должность помощника Сѵнодальнаго оберъ-прокурора. Въ качествѣ „волонтира" Потемкинъ отличился въ Турецкой войнѣ и получилъ генералъ-поручика; 1774 годъ былъ началомъ фавора Потемкина: онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ получилъ званіе подполковника Преображенскаго полка, мѣсто вице-президента Военной Коллегіи, чинъ генералъ-аншефа, орденъ св. Андрея, графское, а затѣмъ и княжеское достоинство Римской имперіи, съ титуломъ свѣтлости. Главнымъ дѣломъ Потемкина было присоединеніе Крыма и колонизація Новороссіи. Награды и почести лились на него безпрерывно: онъ былъ пожалованъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, Екатеринославскимъ и Таврическимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-фельдмаршаломъ и президентомъ Военной Коллегіи и, наконецъ, украшенъ титуломъ князя Таврическаго. Во вторую Турецкую войну Потемкинъ сначала командовалъ Екатеринославской арміей, а съ 1789 года былъ главнокомандующимъ. Онъ взялъ послѣ продолжительной осады Очаковъ и безъ боя Аккерманъ и Бендеры. Онъ умеръ въ Молдавской степи, въ 40 верстахъ отъ Яссъ, 5 Октября 1791 года и былъ погребенъ въ Херсонѣ, въ церкви св. Екатерины. Щедро одаренный отъ природы и несомнѣнно самый выдающійся изъ всѣхъ дѣятелей вѣка Екатерины II, Потемкинъ представлялъ сочетаніе самыхъ противоположныхъ качествъ: выносливый и изнѣженный, лѣнивый и неутомимо дѣятельный, жизнерадостный и временами погружавшійся въ крайнюю апатію, увлекавшійся пышными пирами и временами разочарованный и рвавшійся отъ Двора въ уединеніе монастырской кельи, благочестивый и развратный, онъ, по словамъ принца де-Линь, „одною рукою дѣлалъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравились, а другою набожно крестился; съ генералами говорилъ о богословіи, съ архіереями—о войнѣ; появлялся то въ рубашкѣ, то въ мундирѣ, расшитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ". Причудамъ его не было конца, а ненасытное сластолюбіе доводило его до связей съ родными племянницами. Но Екатерина II вѣрно опредѣлила сущность характера Потемкина, говоря, что у него „смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце!" Онъ всегда былъ оригиналенъ.

„Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ! Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Парящій замыслами умъ! Но проложилъ ихъ самъ",

такъ охарактеризовалъ Потемкина Державинъ въ одѣ „Водопадъ". Въ общемъ онъ всегда стоялъ на практической почвѣ, понималъ выгоды Россіи и шелъ къ нимъ вѣрнымъ путемъ. Его реформы въ арміи были основаны на здравомъ смыслѣ и знаніи военнаго дѣла: онъ стремился освободить солдатъ отъ всякой „дряни", въ родѣ формы съ косою и пудрой и вахтпарадной муштровки. Какъ покоритель Крыма, колонизаторъ Новороссіи и основатель Черноморскаго флота, Потемкинъ былъ достойнымъ продолжателемъ дѣла Петра Великаго, осуществилъ первоначальную мысль Преобразователя о созданіи морского могущества Россіи на Южномъ морѣ и положилъ прочное основаніе русскому вліянію на Ближнемъ Востокѣ.

Отношенія Потемкина къ Екатеринѣ доказываютъ его умъ и ловкость, но не говорятъ въ пользу высоты его нравственныхъ принциповъ. Пріобрѣтя сильное вліяніе на старѣвшую, но юную сердцемъ Царицу, Потемкинъ, зная страстный темпераментъ своей повелительницы и перемѣнчивость ея вкусовъ и не желая имѣть соперниковъ во власти, не только мирился съ ними, когда дѣло шло лишь объ одномъ сердцѣ Екатерины, но и самъ поставлялъ ко Двору видныхъ, но не слишкомъ далекихъ молодыхъ людей. Отношенія между нимъ и Екатериною до конца были отношеніями сжившихся и искренно преданныхъ другъ другу людей; „батько", „батенька", „другъ-сердечный", „божокъ"—вотъ названія, какими надѣляла Царица своего вѣрнаго спутника жизни. Вліяніе Потемкина на дѣла было громадное. „Я безъ тебя, какъ безъ рукъ", вполнѣ искренно писала Екатерина живому Потемкину; „Теперь не на кого опереться, теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ одной", не менѣе искренно сѣтовала она послѣ его смерти.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

Le prince GRÉGOIRE ALEXANDROWITCH POTEMKINE DE TAURIDE, 1739—1791, fils du major Alexandre Vassiliewitch Potemkine et de sa seconde femme Daria Vassiliewna, née Kondyreff, en premières noces Skouratoff, naquit à Tchijovo, gouvernement de Smolensk, le 13 septembre 1739. Renvoyé de l'université de Moscou pour sa paresse et ses absences, il s'enrôla en 1761 vaguemestre à la Garde à cheval. Partisan de Catherine, il reçut à la suite du coup d'état du 28 juin 1762 le grade de sous-lieutenant et 400 têtes de paysans, puis, fait gentilhomme de la chambre et ensuite chambellan, fut adjoint du haut procureur du Saint Synode. La campagne de Turquie, qu'il fit comme volontaire, lui valut le grade de général lieutenant. L'année 1774 marque le début de sa faveur: nommé alors général aide de camp, il devient successivement au cours des deux années suivantes lieutenant-colonel du régiment Préobragensky, vice-président du Collège Militaire, général en chef, chevalier de St-André et comte, puis prince, de l'Empire Romain avec titre d'altesse sérénissime. Son œuvre principale fut l'annexion de la Crimée et la colonisation de la Nouvelle-Russie. Incessamment comblé de récompenses et d'honneurs, il fut ainsi nommé chef du corps des Chevaliers-Gardes, général gouverneur d'Ekatérinoslav et de Tauride, général feld-maréchal et président du Collège Militaire, et enfin, gratifié du titre de prince de Tauride. A la seconde campagne de Turquie, il commanda d'abord l'armée d'Ekatérinoslav, puis devint en 1789 commandant en chef, prit Otchakoff après un siège prolongé et enleva sans coup férir Akkermann et Bender. Il mourut dans les steppes de Moldavie, à 40 verstes de Yassy, le 5 octobre 1791, et fut inhumé à Kherson, dans l'église Ste-Catherine.

Richement doué par la nature et sans contredit le plus éminent des hommes du siècle de Catherine, Potemkine était un composé des contrastes les plus heurtés: il joignait l'endurance à la mollesse, la paresse à une infatigable activité, une exubérance de vie à une extrême apathie, la piété à la débauche, tantôt se complaisant en de somptueux festins, tantôt fuyant la Cour pour faire retraite en quelque cloître, „d'une main", dit le prince de Ligne, „faisant des gestes d'intelligence à la femme qu'il aimait, et de l'autre des signes de croix, causant religion aux généraux et batailles aux archevêques, paraissant tantôt en camisole, tantôt en uniforme chamarré d'or". Ses bizarreries n'avaient pas de bornes, et son insatiable lubricité en vint à le jeter dans les bras de ses propres nièces. Catherine II donne une idée bien juste du fond de son caractère lorsqu'elle le proclame „rude tête, rude âme, rude cœur!" Toujours il fut original. Et Derjavine, dans son ode La Cascade, l'apostrophe en ces termes:

„C'est toi! Le plus audacieux des hommes,
„Esprit aux pensers grandioses,
„Qui dédaignas tous les chemins battus
„Pour t'en frayer un bien à toi!"

Esprit essentiellement pratique, Potemkine avait bien l'intelligence des intérêts de la Russie et y travaillait à coup sûr. Ses réformes à l'armée étaient affaire de vrai bon sens et témoignaient de sa compétence en matière militaire; il tenait à débarrasser les hommes de „saletés" d'ordonnance comme la queue de cheveux et la poudre, et aussi des dressages de pure parade. Conquérant de la Crimée, colonisateur de la Nouvelle-Russie et fondateur de la flotte de la Mer Noire, il fut le digne continuateur de l'œuvre de Pierre-le-Grand, réalisa sa conception mère d'une Russie puissance maritime au Midi et jeta les bases durables de l'influence russe dans le Levant.

Les rapports de Potemkine et de Catherine II témoignent bien de sa tête et de son habileté, mais donnent une triste idée de ses principes. Jeune de cœur en dépit de l'âge, elle lui avait laissé prendre sur elle un puissant ascendant: il connaissait la fougue de son tempérament et la mobilité de ses goûts, et, pour écarter toute rivalité politique, d'abord il était prêt à toutes les concessions en matière d'amour, et de plus il allait jusqu'à présenter lui-même à la Cour des jeunes gens de belle apparence, mais sans trop de fond. Ses rapports avec l'Impératrice ne cessèrent jamais d'être ceux d'une vieille intimité et d'un dévouement sincère et réciproque; „Cher vieux", „Bon ami", „Mon idole", telles sont les appellations que prodiguait la Souveraine au fidèle compagnon de toute sa vie. Aux affaires, l'influence de Potemkine était considérable: „Je suis sans toi comme sans bras", lui écrivait-elle en toute franchise de son vivant, et, lorsqu'il fut disparu: „Plus personne sur qui m'appuyer maintenant, et seule à porter tout le faix du pouvoir!" déplorait-elle non moins sincèrement.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouv. de Kieff.)

153

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, 172.—17.., дочь подполковника Александра Васильевича Потемкина (р. 1673 г., † 1746 г.) отъ второго брака съ вдовой Дарьей Васильевной Скуратовой, рожденной Кондыревой (р. 1704 г., † 1780 г.), сестра свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, жена ротмистра Смоленской шляхты Василія Андреевича Энгельгардта († до 1794 г.). Овдовѣвъ, она, по приглашенію брата, бывшаго въ то время первымъ лицомъ въ Россіи послѣ Государыни, переѣхала со своей большой семьей въ Петербургъ, и дочери ея заняли здѣсь видное положеніе при дворѣ. У нея было 2 сына: Петръ и Василій, и 6 дочерей: Анна (р. 1740 г., † 1820 г.), въ замужствѣ за М. М. Жуковымъ, Александра (р. 1754 г., † 1838 г.), за графомъ К. П. Браницкимъ, Варвара (р. 1757 г., † 1815 г.), за княземъ С. Ѳ. Голицынымъ, Надежда (р. 1761 г., † 1834 г.), за П. А. Измайловымъ и вторично за П. А. Шепелевымъ, Екатерина (р. 1761 г., † 1829 г.), за графомъ П. М. Скавронскимъ и за графомъ Ю. П. Литтой, и Татьяна (р. 1767 г., † 1841 г.), за генераломъ М. С. Потемкинымъ и за княземъ Н. Б. Юсуповымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

153

HÉLÈNE ALEXANDROWNA ENGELHARDT, 172.—17.., fille du lieutenant-colonel Alexandre Vassiliewitch Potemkine (1673—1746) et de sa seconde femme Daria Vassiliewna, Vve Skouratoff, née Kondyreff (1704—1780), était sœur du prince sérénissime Potemkine de Tauride et femme du capitaine de cavalerie Basile Andréewitch Engelhardt († avant 1794), noble de Smolensk. Devenue veuve, son frère, alors le premier en Russie après l'Impératrice, la fit venir avec toute sa famille à Pétersbourg, où ses filles se firent une situation marquante à la Cour. Elle avait deux fils, Pierre et Basile, et six filles, Anne (1740—1820), mariée à M. Joukoff, Alexandrine (1754—1838) au comte C. Branicki, Varvara (1757—1815) au prince S. Golitzyne, Nadejda (1761—1834) à P. Izmaïloff et P. Chépéleff, Catherine (1761—1829) au comte P. Skavronsky et au comte J. Litta, et Tatiana (1767—1841) au général M. Potemkine et au prince N. Youssoupoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouvernement de Kieff.)

Графъ ФРАНЦИСКЪ-КСАВЕРІЙ ПЕТРОВИЧЪ БРАНИЦКІЙ, 1731—1817, потомокъ польскаго дворянскаго рода герба Корчакъ червонно-русскаго происхожденія, извѣстнаго съ XVI вѣка, сынъ каштеляна Брацлавскаго Петра († 1762 г.), отъ брака съ Валеріей Шембекъ, родился въ 1731 г. и молодость свою провелъ очень бурно; въ погонѣ за приключеніями онъ принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, сначала въ рядахъ французской арміи, сражавшейся противъ пруссаковъ, а затѣмъ въ свитѣ младшаго сына короля Августа III, герцога Карла Курляндскаго. Благодаря дружбѣ съ герцогомъ, онъ получилъ затѣмъ мѣсто при Польскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, во главѣ котораго стоялъ Станиславъ Понятовскій, и здѣсь снискалъ дружбу будущаго короля Польши и расположеніе будущей Императрицы Екатерины II. Въ 1764 г. Понятовскій сдѣлался королемъ, и Браницкій быстро достигъ высокаго положенія: въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ первымъ генералъ-адъютантомъ короля, генеральнымъ регименгаріемъ коронныхъ войскъ, старостой Перемышльскимъ и подстолѣмъ, въ 1765 г. получилъ ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла, въ 1766 г. пожалованъ въ великіе ловчіе, въ 1768 г. назначенъ генераломъ Литовской артиллеріи. Поддерживая короля противъ враждебной ему партіи, онъ во время Барской конфедераціи дѣйствовалъ совмѣстно съ русскими войсками противъ конфедераціи, но собственно больше боролся съ гайдамаками. Въ 1771 г. Браницкій ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы увѣрить Екатерину II въ преданности короля, а въ 1772 г. въ Парижъ просить о заступничествѣ, въ виду слуховъ о готовящемся раздѣлѣ Польши. Въ 1773 г. онъ былъ назначенъ польнымъ гетманомъ, а въ 1774 г. — великимъ коронным гетманомъ и въ томъ же году получилъ богатое Бѣлоцерковское староство. Въ это же время Браницкій разошелся съ королемъ, недовольный тѣмъ, что вновь учрежденный постоянный совѣтъ уменьшалъ его гетманскую власть, и примкнулъ къ оппозиціи. Во время путешествія Екатерины II въ Крымъ онъ находился при ней и Потемкинѣ, на племянницѣ котораго женился въ 1781 году, и безуспѣшно старался ихъ возстановить противъ короля, также прибывшаго на свиданіе съ Императрицей. Несмотря на свое несочувствіе конституціи 3 Мая 1791 г., онъ присягнулъ ей и даже сдѣлался Военнымъ министромъ, но сейчасъ же сталъ дѣйствовать противъ нея и примкнулъ къ Торговицкой конфедераціи. По уничтоженіи при помощи Россіи конституціи, онъ, во главѣ депутаціи, ѣздилъ въ Петербургъ благодарить Екатерину II за возстановленіе старопольской вольности. Въ 1793 г., послѣ того, какъ обширныя владѣнія Браницкаго на Украйнѣ по второму раздѣлу Польши отошли къ Россіи, онъ перешелъ на русскую службу, съ чиномъ генералъ-аншефа, но на дѣйствительной службѣ не былъ, а поселился въ Бѣлой Церкви. Въ 1798 г. Браницкій былъ уволенъ, съ переименованіемъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ Бѣлой Церкви онъ прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1817 году, и погребенъ тамъ же, въ католической церкви. Прекрасную характеристику Браницкаго даетъ Костомаровъ: „По происхожденію своему отъ предковъ онъ былъ козакъ и по характеру походилъ къ типу тѣхъ ошляхтѣвшихъ малороссовъ, которые полвѣка волновали Малороссію, съ любовью къ смутамъ, интригамъ и безурядицамъ. Веселаго права, разгульный, буйный, щедрый, съ воинственными замашками, онъ имѣлъ много такого, что могло къ нему привязать толпу шляхты: съ виду казался открытымъ и прямымъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хитеръ и двоедушенъ. Это былъ эгоистъ, думавшій только о себѣ, безъ чести, безъ вѣры, безъ убѣжденій, мстительный, самолюбивый.... Онъ всегда былъ покоренъ Екатеринѣ, но не по истинной привязанности къ Россіи, напротивъ, не терпѣлъ москалей, а держался ихъ потому, что видѣлъ въ этомъ свою силу и свои выгоды“. Вигель, познакомившійся съ Браницкимъ уже въ Бѣлой Церкви, говоритъ о немъ: „Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго, славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ къ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ-быть, мѣшаться“. Отъ брака съ Александрой Васильевной Энгельгардтъ (р. 1754 г., † 1838 г.) Браницкій имѣлъ 2 сыновей: Владислава (р. 1782 г., † 1843 г.) и Александра, и 3 дочерей: Екатерину, за графомъ Станиславомъ Потоцкимъ, Софію (р. 1790 г., † 1879 г.), за графомъ Артуромъ Потоцкимъ, и Елизавету (р. 1796 г., † 1881 г.), за княземъ М. С. Воронцовымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая Церковь, Кіевской губ.)

Le comte FRANÇOIS-XAVIER PÉTROWITCH BRANICKI, 1731—1817, descendant de la famille noble polonaise des Korczak, originaire de Russie-Rouge et connue dès le XVIe siècle, était fils du castellan de Braclaw, Pierre († 1762), et de Valérie Szembek; il naquit en 1731 et eut une jeunesse des plus orageuses. En quête d'aventures, il fit la guerre de Sept-Ans, d'abord dans les rangs de l'armée française contre les Prussiens, puis dans la Suite du fils du Roi Auguste III, le jeune Duc Charles de Courlande, dont la bonne amitié lui fit avoir un emploi à l'ambassade de Pologne à Pétersbourg, alors dirigée par Stanislas Poniatowsky: ce fut pour lui l'origine de la faveur du futur Roi de Pologne et de celle de la future Impératrice Catherine. Poniatowsky parvenu au Trône en 1764, il eut une élévation rapide, et devint la même année son premier général aide de camp, commandant en chef des troupes de la Couronne, staroste de Pérémysl et échanson, l'année suivante chevalier des ordres de St-Stanislas et de l'Aigle Blanc, en 1766 grand veneur, et en 1768 général de l'artillerie Lithuanienne. Rallié à la cause du Roi contre le parti de l'opposition, il opéra lors de la confédération de Bar de concert avec les troupes russes contre les Confédérés, mais en réalité fut plutôt aux prises avec les Petits-Russiens. En 1771, il vint à Pétersbourg assurer Catherine II du dévouement du Roi, et, en 1772, alla à Paris solliciter une intervention en raison des bruits de partage de la Pologne. Hetman de camp en 1773, il devint l'année suivante grand hetman de la Couronne et titulaire du riche starostat de Bélaïa Tzerkov. En même temps, mécontent de voir son autorité d'hetman restreinte par la création d'un Conseil Permanent, il rompait avec le Roi pour se rallier à l'opposition. Lors du voyage de Crimée, il fut aux côtés de Catherine et de Potemkine, dont il épousa une nièce en 1781, et fit de vaines tentatives pour les soulever contre le Roi, venu aussi saluer l'Impératrice. Opposé à la constitution du 3 mai 1791, il y prêta pourtant serment, et accepta même le ministère de la guerre, mais pour la combattre aussitôt et adhérer à la confédération de Targowice. La constitution renversée grâce à l'appui de la Russie, il se mit à la tête de la députation qui alla à Pétersbourg remercier Catherine II d'avoir rendu à la Pologne ses anciennes libertés. Lorsqu'en 1793 ses immenses propriétés d'Ukraine se trouvèrent en territoire russe à la suite du second partage, il passa au service russe avec le grade de général en chef, mais sans prendre de service actif, et se retira à Bélaïa Tzerkov, où il resta jusqu'à sa mort en 1817, et fut inhumé dans l'église catholique. Il était à la retraite depuis 1798 avec le grade de général d'infanterie.

„Cosaque de souche", dit excellemment Kostomaroff, Branicki „avait bien le caractère de ces petits-russiens polonisés de fraîche noblesse, passionnés de désordre, d'intrigue et de sédition, qui agitèrent cinquante ans le pays. Bon vivant, débauché, turbulent, généreux, des allures de bravache, il était bien fait pour plaire à la noblesse polonaise. Avec ses airs de droiture et de franchise, il était tout astuce et duplicité, égoïste ne pensant qu'à lui, sans honneur, sans foi, sans convictions, pétri de rancune et d'amour-propre.... S'il se montra toujours soumis avec Catherine, ce ne fut pas par attachement véritable pour la Russie, car il détestait les „Moscovites", et sa loyauté n'était affaire que d'ambition et d'intérêt". Et Wiegel, qui ne fit sa connaissance qu'à Bélaïa Tzerkov, le dépeint comme „un homme d'âge, mais cultivé et encore assez aimable, rien d'extraordinaire comme esprit, d'ailleurs gros mangeur et très porté sur sa bouche. Toute intéressée qu'elle était, la comtesse sa femme avait pris un cuisinier français des plus habiles et ne ménageait rien pour la table, afin de le détourner par cette agréable occupation des affaires d'intérieur, auxquelles il n'entendait rien et où le désœuvrement aurait pu l'engager".

Branicki avait épousé Alexandrine Vassiliewna Engelhardt (1754—1838), dont il eut deux fils, Vladislas (1782—1843) et Alexandre, et trois filles, Catherine, mariée au comte Stanislas Potocki, Sophie (1790—1879) au comte Arthur Potocki, et Elisabeth (1796—1881) au prince M. Worontzoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouv. de Kieff.)

Графъ ВЛАДИСЛАВЪ КСАВЕРІЕВИЧЪ БРАНИЦКІЙ, 1782—1843, сынъ великаго коронnаго гетмана, генералъ-аншефа русской службы графа Франциска-Ксаверія Петровича (р. 1731 г., † 1817 г.), отъ брака его съ племянницей Потемкина Александрой Васильевной Энгельгардтъ (р. 1754 г., † 1838 г.), родился въ 1782 году и вскорѣ послѣ рожденія пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка; пяти лѣтъ получилъ чинъ подпоручика, девяти—поручика. Павелъ I пожаловалъ ему Мальтійскій крестъ. Въ 1807 г. Браницкій принялъ участіе въ Турецкой войнѣ въ составѣ Кіевскаго ополченія, а въ 1809 г. пожалованъ во флигель-адъютанты. Въ 1812 г. онъ произведенъ въ полковники и затѣмъ принялъ участіе въ войнахъ Отечественной и за освобожденіе Европы; за Красное награжденъ золотымъ оружіемъ, за Бородино—Владиміромъ 4 ст., за Лейпцигъ—Владиміромъ 3 ст., а за отличіе при взятіи Парижа—чиномъ генералъ-майора. Во время кампаніи 1815 г. онъ находился въ свитѣ Александра I. Въ 1826 г. Браницкій пожалованъ въ егермейстеры, въ 1831 г. назначенъ сенаторомъ, въ 1838 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіе оберъ-шенка. Указомъ 18 Іюня 1838 г. онъ утвержденъ въ графскомъ достоинствѣ.

Браницкій скончался 15 Августа 1843 г. въ Варшавѣ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Розѣ Станиславовнѣ Потоцкой (р. 1780 г., † 1862 г.) и имѣлъ 4 сыновей: Ксаверія († 1879 г.; флигель-адъютантъ, эмигрантъ), Александра († 1877 г.), Владислава († 1884 г.; камеръ-юнкеръ, Таращанскій предводитель дворянства) и Константина (р. 1824 г., † 1884 г.), и 2 дочерей: Екатерину, за графомъ Адамомъ Потоцкимъ, и Софію (р. 1821 г., † 1886 г.), за княземъ Ливіо Одескальки.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

155

Le comte VLADISLAS XAVÉRIEWITCH BRANICKI, 1782—1843, fils du comte François-Xavier Branicki (1731—1817), grand hetman de la Couronne, général en chef au service de Russie, et d'une des nièces de Potemkine, Alexandrine Vassiliewna Engelhardt (1754—1838), naquit en 1782, et, enrôlé quelques jours plus tard porte-enseigne au régiment Préobragensky, y fut promu à cinq ans sous-lieutenant et à neuf lieutenant. Paul Ier lui conféra la croix de Malte. Il fit en 1807 la campagne de Turquie dans les rangs de la milice de Kieff, et devint en 1809 aide de camp de Sa Majesté. Colonel en 1812, il fit ensuite la Guerre Patriotique et les campagnes d'Europe; Krasnoïé lui valut une épée d'or, Borodino St-Vladimir de 4e classe, Leipzig la 3e classe du même ordre, enfin la prise de Paris le grade de général major. Il fit la campagne de 1815 à la Suite d'Alexandre Ier. Veneur en 1826 et sénateur en 1831, il obtint en 1838 le rang de conseiller privé actuel et la dignité de grand échanson. Son titre de comte lui fut confirmé par oukaze du 18 juin 1838.

Branicki mourut à Varsovie le 15 août 1843. Il avait épousé la comtesse Rose Stanislavowna Potocki (1780—1862), dont il eut quatre fils: Xavier († 1879), aide de camp de Sa Majesté, émigré, Alexandre († 1877), Vladislas († 1884), gentilhomme de la Chambre, maréchal de la noblesse de Tarachtcha, près Kieff, et Constantin (1824—1884), et deux filles, Catherine, mariée au comte Adam Potocki, et Sophie (1821—1886) au prince Livio Odescalchi.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ КАРЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕССЕЛЬРОДЕ, 1780—1862, сынъ русскаго посланника въ Лиссабонѣ и Берлинѣ графа Нессельроде отъ брака съ баронессой Лунзой Гонтарь, родился 2 Декабря 1780 года. Записанный въ 8-лѣтнемъ возрастѣ въ мичманы, онъ прошелъ классическую школу въ Берлинѣ и 16 лѣтъ явился на службу въ Россію, гдѣ Павелъ I назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ, перевелъ изъ флота въ Конную гвардію и въ 1799 г. пожаловалъ въ полковники. Пожалованный въ камергеры, графъ Нессельроде съ 1801 г. состоялъ при посольствахъ въ Берлинѣ и Гаагѣ, а въ 1807 г. былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Здѣсь онъ исполнялъ должность агента Сперанскаго, съ которымъ велъ переписку, оставшуюся неизвѣстной и послу князю Куракину, и канцлеру графу Н. П. Румянцеву. Назначенный въ 1811 г. статсъ-секретаремъ, онъ съ 1812 по 1814 годъ былъ начальникомъ Походной дипломатической канцеляріи. При Александрѣ I участвовалъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ и послѣ выхода въ отставку графа Румянцева получилъ въ управленіе дипломатическое вѣдомство, съ титуломъ „статсъ-секретаря, завѣдывающаго Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ“. Раздѣляя до 1821 г. власть съ графомъ Каподистріа, Нессельроде послѣ выхода его въ отставку сдѣлался полнымъ руководителемъ русской политики—съ 1828 года въ званіи вице-канцлера, а съ 1845 года канцлера. Неудачный исходъ Крымской войны заставилъ графа Нессельроде выйти въ отставку 15 Апрѣля 1856 года. Онъ умеръ 11 Марта 1862 года.

Отъ брака съ Маріей Дмитріевной Гурьевой, дочерью извѣстнаго министра финансовъ, графъ Нессельроде имѣлъ сына Дмитрія (оберъ-гофмейстеръ) и дочерей Елену (за гр. Мих. Ирин. Хрептовичемъ) и Марію (за бар. Львомъ Зеебахъ). Сынъ исповѣдывавшей протестантство еврейки и нѣмца-католика, друга энциклопедистовъ, пять разъ мѣнявшаго подданство, крещенный по англиканскому обряду, рожденный въ Португаліи и воспитанный во Франкфуртѣ и Берлинѣ, до конца жизни не умѣвшій правильно говорить и писать по-русски, графъ Нессельроде былъ совершенно чуждъ той странѣ, національные интересы которой онъ долженъ былъ отстаивать въ теченіе 40 лѣтъ. Карьеризмъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ опредѣлялъ всю его дѣятельность. По наивному признанію Нессельроде, онъ „имѣлъ счастіе любить всякую выпадавшую на его долю службу“; готовъ былъ сдѣлаться и морякомъ, и кавалеристомъ, и придворнымъ, и дипломатомъ, лишь бы „вступить на поприще подъ счастливыми предзнаменованіями“ карьеры, обезпеченной протекціей и милостью начальства. Кромѣ протекціи, у графа К. В. Нессельроде не было ничего, что давало бы ему право на „прекрасное, обширное поприще, которое“, по его убѣжденію, „Господь далъ ему пройти“. Готовясь въ руководители политики, онъ велъ „восхитительную“ жизнь атташе, которому „костюмированные и другіе балы, спектакли любительскіе, обѣды едва давали вздохнуть“, а тѣмъ менѣе слушать лекціи. Роста малаго, худощавый, близорукій, съ едва слышною походкою, „вѣжливый и доброжелательный“ въ обращеніи, любившій музыку и цвѣты, графъ Нессельроде не обладалъ ни силою ума, ни силою характера. Современники считали его „посредственностью“ или даже прямо „ничтожностью“, къ тому же „полагавшимся на здравый умъ графини“, которая „подчинялась своимъ симпатіямъ и антипатіямъ“. Спокойный и осторожный или, вѣрнѣе сказать, робкій, онъ избѣгалъ всякихъ крайностей и обладалъ „рѣдкимъ умѣньемъ никогда не дѣйствовать слишкомъ поспѣшно“. Александръ I, пришедшій къ убѣжденію, что „министръ Иностранныхъ дѣлъ ему вовсе не нуженъ“, не нашелъ лучшаго номинальнаго министра, чѣмъ графъ Нессельроде, съ его „безотвѣтною робостью и покорностью“. При Николаѣ I „самоотверженная готовность стушеваться“ еще болѣе упрочила положеніе Нессельроде. Впрочемъ, защитники графа К. В. Нессельроде утверждаютъ, что онъ не сочувствовалъ вообще политикѣ Николая I.

(Съ миніатюры Изабе, 1814 г.; собственность Е. А. Евреиновой, С.-Петербургъ.)

Le comte CHARLES VASSILIEWITCH NESSELRODE, 1780—1862, fils du comte Nesselrode, ministre de Russie à Lisbonne et à Berlin, et de la comtesse, née baronne Louise Gontard, naquit le 2 décembre 1780. Enrôlé enseigne de vaisseau à 8 ans, il alla faire ses études à Berlin, et, à l'âge de 16 ans, revint en Russie prendre son service. Paul lui conféra la dignité d'aide de camp de Sa Majesté, le fit permuter de la marine à la Garde à cheval et, en 1799, le promut colonel. Chambellan, il devint en 1801 attaché d'ambassade à Berlin, puis à La Haye, et, en 1807, conseiller d'ambassade à Paris. Là il joua le rôle d'agent de Spéransky, entretenant avec lui toute une correspondance à l'insu du prince Kourakine, l'ambassadeur, et du chancelier, le comte Roumiantzeff. Secrétaire d'état en 1811, il fut de 1812 à 1814 chef de la chancellerie diplomatique en campagne, puis prit part au congrès de Vienne comme attaché à l'Empereur Alexandre, et, à la retraite du comte Roumiantzeff, fut investi de la direction des affaires diplomatiques avec le titre de „secrétaire d'état, gérant du Collège des affaires étrangères". Il partagea d'abord l'autorité avec le comte Capo d'Istria, puis, à sa retraite, en 1821, eut à lui seul la direction de la politique russe, comme vice-chancelier en 1828 et chancelier en 1845. La malheureuse issue de la campagne de Crimée lui fit donner sa démission le 15 avril 1856. Il mourut le 11 mars 1862.

Le comte Nesselrode épousa la fille Marie du célèbre ministre des finances Dmitri Gourieff, et eut un fils, Dmitri, grand maître de la Cour, et deux filles, Hélène, mariée au comte Michel Khreptowitch, et Marie au baron Léon Seebach.

Fils d'une juive convertie au protestantisme et d'un catholique allemand, ami des encyclopédistes et qui avait cinq fois changé de nationalité, le comte Nesselrode, baptisé selon le rite anglican, né au Portugal et élevé à Francfort et à Berlin, n'arriva jamais à parler et écrire correctement le russe, et resta toujours complètement étranger au pays dont il eut quarante ans à défendre les intérêts. Depuis sa plus tendre jeunesse, son orientation ne se régla jamais que d'après des considérations de carrière, et, de son naïf aveu même, il eut „le bonheur de trouver à son goût tout service qui pouvait lui échoir en partage"; marine ou cavalerie, Cour ou diplomatie, il n'avait pas de préférence: le tout était „d'entrer dans la carrière sous d'heureux auspices" et avec des garanties de protection et de faveur. C'étaient d'ailleurs là les seuls titres qu'il eût à „la belle et vaste carrière qui lui fut", dit-il lui-même, „envoyée par le Seigneur", et l'unique préparation du futur chef de la politique russe fut surtout la délicieuse existence d'attaché, avec ces „bals masqués et soirées, dîners et spectacles d'amateur qui ne lui laissaient pas le temps de respirer", et encore moins de suivre des cours. Petit et malingre, avec sa myopie, sa démarche furtive, ses manières „courtoises et avenantes", son goût pour la musique et les fleurs, il était insignifiant, comme tête et comme caractère. Pour les contemporains, c'était une „médiocrité", ou même une simple „nullité", toujours prête à „s'en remettre à l'esprit sensé de sa femme", de son côté „esclave de ses sympathies et antipathies personnelles". D'un calme, d'une prudence ou, pour mieux dire, d'une pusillanimité, qui lui faisaient éviter toute espèce d'extrêmes, il avait „un talent peu commun de ne jamais agir précipitamment". Alexandre Ier, qui en était venu à se convaincre de „l'inutilité pour lui d'un ministre des affaires étrangères", ne vit rien de mieux pour la forme que „la mansuétude pusillanime et résignée" du comte Nesselrode. Sous le règne suivant, „l'abnégation avec laquelle il s'évertua à rester effacé" ne fit que du bien à sa situation; aussi bien, ses apologistes prétendent qu'il n'était pas partisan de la politique de l'Empereur Nicolas.

(D'après une miniature d'Isabey, 1814, appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

157

Графиня МАРІЯ ДМИТРІЕВНА НЕССЕЛЬРОДЕ, 1786—1849, дочь министра финансовъ графа Дмитрія Александровича Гурьева, отъ брака его съ графиней Прасковьей Николаевной Салтыковой, родилась 2 Іюня 1786 года. Пожалованная во фрейлины къ Императрицамъ 2 Ноября 1802 года, она въ Январѣ 1812 г. вышла замужъ за графа Карла Васильевича Нессельроде (р. 1780 г., † 1862 г.), дѣлавшаго блестящую карьеру въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ и въ 1816 г. вступившаго въ управленіе Министерствомъ. 12 Января того же года, въ день бракосочетанія Великой Княжны Екатерины Павловны съ королемъ Виртембергскимъ, графиня Марія Дмитріевна пожалована была въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, а 21 Апрѣля 1836 года назначена статсъ-дамой. Скончалась она скоропостижно отъ апоплексическаго удара въ Гастейнѣ, въ Тиролѣ, 6 Августа 1849 г.; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры.

Имя графини М. Д. Нессельроде почти не встрѣчается въ запискахъ ея современниковъ; она считалась одной изъ самыхъ богатыхъ Петербургскихъ невѣстъ, была вполнѣ свѣтской женщиной, гостепріимной и любезной въ обращеніи; нессельродовскіе обѣды и повара славились по всей Европѣ. Сильно не любившій графа Нессельроде Вигель, намекая въ своихъ запискахъ на его темное происхожденіе и желаніе посредствомъ женитьбы на дочери графа Гурьева разбогатѣть и создать себѣ связи въ Петербургскомъ свѣтѣ, попутно задѣваетъ и его невѣсту: „Зрѣлая, немного перезрѣлая, дочь его, Марія Дмитріевна, какъ сочный плодъ висѣла гордо и печально на родимомъ деревѣ и безпрепятственно дала Нессельроду сорвать себя съ него. Золото съ нею на него посыпалось, которое для такихъ людей, какъ онъ, то же, что магнитъ для желѣза".

Графиня М. Д. Нессельроде оставила одного сына, графа Дмитрія Карловича (женатаго на Лидіи Арсеньевнѣ Закревской), и двухъ дочерей: Елену за графомъ Михаиломъ Ириневичемъ Хрептовичемъ и Марію за барономъ Зесбахъ.

(Съ миніатюры Изабе, 1814 г.; собственность Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

157

La comtesse MARIE DMITRIEWNA NESSELRODE, 1786—1849, fille du comte Dmitri Alexandrowitch Gourieff, ministre des finances, et de la comtesse Prascovie Nikolaewna, née Saltykoff, naquit le 2 juin 1786. Demoiselle d'honneur des Impératrices le 2 novembre 1802, elle épousa en janvier 1812 le comte Charles Vassiliewitch Nesselrode (1780—1862), qui fit une brillante carrière au ministère des affaires étrangères et en devint gérant en 1816. Le 12 janvier de cette même année, jour du mariage de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna avec le Roi de Wurtemberg, elle fut faite dame de Ste-Catherine, et, le 21 avril 1836, obtint la dignité de dame d'honneur. Elle mourut d'une attaque d'apoplexie à Gastein, en Tyrol, le 6 août 1849; son corps fut ramené en Russie, et inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le nom de la comtesse Nesselrode ne se rencontre presque jamais sous la plume des contemporains. Elle passait pour un des plus riches partis de Pétersbourg; femme du monde accomplie, elle aimait recevoir et était d'un commerce agréable: les dîners et les cuisiniers des Nesselrode jouissaient d'une renommée européenne. Wiegel, qui détestait le comte Nesselrode, daube dans ses Mémoires sur son origine roturière et sur son calcul d'épouser la fille du comte Gourieff pour se créer une fortune et des relations dans le monde de Pétersbourg, et touche aussi un mot en passant de sa fiancée: „Mûr, un peu passé, le fruit fièrement et tristement resté sur l'arbre se détacha de lui-même pour Nesselrode en l'inondant d'une pluie d'or, qui est pour les gens comme lui ce que l'aimant est pour le fer".

La comtesse Nesselrode laissa un fils, Dmitri, qui épousa Lydie Arséniewna Zakrewsky, et deux filles, Hélène, mariée au comte Michel Irénéewitch Khreptowitch, et Marie au baron Seebach.

(D'après un original d'Isabey, 1814, appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

Князь АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1752—1836, третій сынъ гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился въ Глуховѣ 22 Октября 1752 года. Зачисленный 10 лѣтъ въ мичманы, онъ, послѣ практической службы въ Англійскомъ флотѣ, участвовалъ въ 1770 г. въ русской экспедиціи въ Архипелагѣ, командовалъ фрегатомъ „Екатерина“ и въ 1775 году получилъ чинъ генералъ-майора. Будучи товарищемъ дѣтства Павла Петровича, Разумовскій пользовался большимъ значеніемъ при „Маломъ Дворѣ“, но смерть Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, обнаружившая любовную переписку между покойной и графомъ Разумовскимъ, вызвала ссылку этого послѣдняго сначала въ Ревель, а потомъ въ Батуринъ, къ отцу. Впрочемъ, черезъ полгода, 1 Января 1777 г., Разумовскій былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Въ 1784 г. онъ былъ переведенъ въ Данію, а въ 1786 году въ Швецію. Въ 1790 г. онъ былъ назначенъ посломъ въ Вѣну (до 1792 г., въ качествѣ помощника посла князя Д. М. Голицына). Павелъ I, не довольный образомъ дѣйствій Разумовскаго во время Итальянскаго похода Суворова, 25 Сентября 1799 г. вызвалъ его въ Россію и приказалъ жить у отца въ Батуринѣ. Александръ I возвратилъ Разумовскому пость посла въ Вѣнѣ, но Тильзитскій миръ вызвалъ увольненіе въ отставку Разумовскаго, бывшаго ярымъ противникомъ Наполеона. Въ концѣ 1812 г. Разумовскому было поручено вести переговоры съ Австріей о союзѣ противъ Наполеона; онъ участвовалъ въ Шатильонскомъ и Вѣнскомъ конгрессахъ и былъ уполномоченнымъ при заключеніи второго Парижскаго мира. За эти труды ему было пожаловано въ 1815 году княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости, а въ 1819 г. онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса. Послѣ Вѣнскаго конгресса Разумовскій велъ жизнь частнаго человѣка за границей, преимущественно въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ 11 Сентября 1836 года. Онъ былъ женатъ: 1) на графинѣ Елизаветѣ Тунъ-Гогенштейнъ († 1807 г.) и 2) на графинѣ Константинѣ-Доминикѣ Тюргеймъ, но дѣтей не имѣлъ. Красивый и изящный, широко, хотя и поверхностно образованный на иностранный ладъ, Разумовскій былъ въ полномъ смыслѣ „un chevalier accompli“, во вкусѣ дореволюціонныхъ французскихъ салоновъ. Онъ былъ другомъ Гайдна и Бетховена и самъ хорошо игралъ на скрипкѣ. Его дворецъ былъ настоящимъ „храмомъ искусствъ“, гдѣ царилъ Канова и другіе первоклассные художники; его библіотека и оранжереи поражали всякаго своимъ богатствомъ. Забывая, что его отецъ былъ пастухомъ прежде, чѣмъ сдѣлался гетманомъ и фельдмаршаломъ, Разумовскій считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ и находилъ достойнымъ себя лишь общество „маркизовъ и шевалье“. Въ его посольскомъ дворцѣ этикетъ строго соблюдался; вопреки новой модѣ держались пудра и пукли, и жители Вѣны не безъ основанія окрестили великолѣпнаго и чопорнаго посла именемъ „Erzherzog Andreas“. Расточительность его не знала предѣловъ. Его „знаменитая гардероба“ заключала въ себѣ нѣсколько сотъ однихъ жилетовъ. Его дворецъ въ Вѣнѣ, съ парочно построеннымъ мостомъ черезъ Дунай, стоилъ ему громадныхъ денегъ. Задолженность Разумовскаго дѣлала до извѣстной степени правдоподобными инсинуаціи о томъ, что онъ „получалъ большую часть своего дохода“ отъ иностранныхъ правительствъ, сначала „отъ Бурбонскихъ Дворовъ“, потомъ отъ Англіи и Австріи. „Всегдашняя страсть къ прекрасному полу“ была отличительной чертой Разумовскаго, а его „goûts passagers“ заставляли его постоянно мѣнять свои привязанности. Наравнѣ съ „комедьянками“ ему отвѣчали взаимностью женщины самаго высокаго положенія: его „жаловала“ Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, имъ увлекалась Неаполитанская королева Каролина, и ходили слухи, что къ нему не осталась равнодушною и супруга Густава III. Будучи вполнѣ человѣкомъ „sans principes“, Разумовскій при всей своей гордости унижался до угодливости передъ нужными людьми: онъ одинъ изъ всѣхъ братьевъ сохранилъ благосклонность отца, не гнушаясь предстательствомъ „какой-нибудь“ графини С. О. Апраксиной, опутавшей стараго фельдмаршала; онъ былъ заграничнымъ комиссіонеромъ для Потемкина и Зубова и такъ умѣлъ обворожить обманываемыхъ имъ мужей, что король Фердинандъ Неаполитанскій, черезъ 40 лѣтъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ чуть не со слезами вспоминалъ съ Разумовскимъ „добрые дни“ ихъ совмѣстнаго сожительства съ королевой Каролиной. „Космополитъ въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова“, не умѣвшій написать по-русски депеши, женатый на нѣмкахъ и передъ смертью перешедшій въ католичество, Разумовскій былъ образцомъ довольно многочисленныхъ русскихъ дипломатовъ, совершенно чуждыхъ Россіи.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte ANDRÉ KIRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1752—1836, troisième fils de l'hetman comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky et de Catherine Ivanowna, née Narychkine, naquit à Gloukhovo le 22 octobre 1752. Enrôlé enseigne de vaisseau à 10 ans, il fit d'abord du service pratique dans la marine anglaise, prit part en 1770 à l'expédition russe de l'Archipel, commanda la frégate Catherine, et fut promu général major en 1775. Camarade d'enfance du Grand-Duc Paul Pétrowitch, il eut d'abord une situation influente à la Jeune Cour, mais la découverte faite à la mort de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna d'une correspondance amoureuse avec lui le fit exiler à Rével, puis chez son père à Batourine. Dix-huit mois plus tard, d'ailleurs, le 1er janvier 1777, il était fait ministre à Naples, d'où il passa en 1784 en Danemark, et en 1786 en Suède. Adjoint en 1790 au prince D. Golitzyne, ambassadeur à Vienne, il le remplaça au bout de deux ans; mais l'Empereur, mécontent de son rôle lors de la campagne d'Italie de Souvoroff, le rappela le 25 septembre 1799 et l'exila de nouveau chez son père. Réintégré à Vienne par Alexandre Ier, il dut pourtant, ennemi acharné de Napoléon, donner sa démission à la paix de Tilsitt. Il fut chargé à la fin de 1812 de négocier avec l'Autriche la conclusion d'une alliance contre Napoléon, siégea aux congrès de Châtillon et de Vienne, et fut plénipotentiaire au second traité de Paris. Ces travaux lui valurent en 1815 la dignité de prince avec titre d'altesse sérénissime, et en 1819 le rang de conseiller privé actuel de 1re classe. Après le congrès de Vienne, il se retira dans la vie privée à l'étranger, la plupart du temps à Vienne, où il mourut le 11 septembre 1836. Il avait épousé en premières noces la comtesse Elisabeth de Thun-Hohenstein († 1807), et en secondes la comtesse Constance-Dominique Türheim; il n'eut pas d'enfants.

Elégant et bel homme, avec son instruction à l'européenne, étendue, quoique un peu superficielle, Razoumowsky était dans toute l'acception du terme „un chevalier accompli" au goût des salons français de l'ancien régime. Ami de Haydn et de Beethoven, il était lui-même bon violoniste. Il avait fait de son palais un vrai „temple des arts", sanctuaire de Canova et autres artistes de premier ordre, avec une bibliothèque et des serres d'une richesse inouïe. Oubliant qu'il était fils d'un simple berger devenu hetman, puis feld-maréchal, il se considérait comme aristocrate pur sang et ne trouvait de société digne de lui que celle des „marquis et chevaliers". Au Palais de l'ambassade, l'étiquette était des plus rigoureuses; au mépris de la nouvelle mode, la poudre et les boucles étaient toujours en honneur, et les Viennois étaient assez dans la note en décorant cet ambassadeur magnifique et gourmé du titre de l'Archiduc André. D'une prodigalité sans bornes, il avait une garderobe célèbre, où les gilets seuls se comptaient par centaines, et son palais de Vienne, avec un pont particulier sur le Danube, lui avait coûté des sommes formidables. Les dettes qu'il accumulait sans scrupule donnaient une certaine vraisemblance aux insinuations qui attribuaient le plus clair de ses ressources aux générosités des gouvernements étrangers, ceux des Bourbons d'abord, et aussi l'Angleterre et l'Autriche. Il avait comme trait distinctif „une insatiable passion pour le beau sexe", avec des „goûts passagers" qui le portaient à un changement continuel: à côté de „comédiennes", il eut des femmes de la plus haute condition, la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, la Reine Caroline de Naples, et même, à en croire la rumeur publique, la femme de Gustave III. Absolument dénué de principes, sa fierté, le cas échéant, ne reculait pas devant la flagornerie: seul de tous ses frères, il resta bien avec son père au prix des ménagements qu'il eut le courage de témoigner à une comtesse Apraxine „quelconque" qui avait circonvenu le vieillard; commissionnaire à l'étranger de Potemkine et Zouboff, il sut si bien enjôler les maris trompés, que le Roi de Naples Ferdinand lui rappelait presque les larmes aux yeux, au congrès de Vérone, après quarante ans, „le bon temps" de leur vie commune avec la Reine Caroline. „Cosmopolite dans toute l'acception du terme", incapable de rédiger une dépêche en russe, marié successivement à deux allemandes et converti au catholicisme peu avant de mourir, Razoumowsky est bien le type du bon nombre de diplomates russes qui n'eurent rien de commun avec la Russie.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ, 1770—1837, сынъ графа Петра Ивановича Панина, отъ брака его съ Маріей Родіоновной Вейдель, родился въ Харьковѣ 17 Апрѣля 1770 года (См. т. I, № 51). Послѣ тщательнаго домашняго образованія графъ Н. П. Панинъ состоялъ, въ чинѣ бригадира, при Цесаревичѣ во время Шведской войны, затѣмъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, церемоніймейстеры и камергеры. Въ чинѣ генералъ-майора онъ въ 1795 г. былъ назначенъ Литовскимъ губернаторомъ. Павелъ I назначилъ его третьимъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а въ 1797 г. послалъ его въ Берлинъ для переговоровъ съ Пруссіей и Франціей. Въ 1799 г. графъ Панинъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ вице-канцлеромъ. Интриги Ростопчина и сближеніе Павла съ Франціей, къ которой относился враждебно графъ Панинъ, имѣли слѣдствіемъ ссылку вице-канцлера въ его Смоленское имѣніе Дугино въ Ноябрѣ 1800 года. Первые мѣсяцы царствованія Александра II. П. Панинъ пользовался большимъ вліяніемъ, и Александръ I, предоставивъ ему руководство всей иностранной политикой, „не хотѣлъ ничего дѣлать, не выслушавъ его“. Но уже черезъ полгода Панина постигла опала, непосредственная причина которой остается невыясненной и, повидимому, заключалась въ придворныхъ интригахъ, личномъ неудовольствіи Александра I противъ несовсѣмъ тактичнаго министра и въ склонности Императора къ сближенію съ Франціей; 30 Сентября 1801 года Панинъ былъ уволенъ въ трехлѣтній отпускъ и съ того времени жилъ въ удаленіи отъ дѣлъ въ своемъ Дугинѣ, гдѣ и умеръ 1 Марта 1837 года.

Отъ брака съ графиней Софіей Владиміровной Орловой онъ имѣлъ 6 сыновей и 4 дочерей; изъ нихъ достигли совершеннолѣтія только сыновья Александръ и Викторъ (министръ юстиціи) и дочери Софія, Аглаида и Вѣра, умершія дѣвицами. Графъ Н. П. Панинъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ судьбы, которые предназначены къ власти и почестямъ, независимо отъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ: сынъ знаменитаго генерала и племянникъ не менѣе знаменитаго вице-канцлера и воспитателя Павла I, онъ въ 18 лѣтъ былъ бригадиромъ, въ 24 года генераломъ, въ 25 лѣтъ губернаторомъ, а въ 29 лѣтъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ любилъ выставлять себя человѣкомъ независимымъ, „не просящимъ ничего“, но чины и должности сами шли къ нему, и у него, помимо его желанія, кстати всегда, оказывался какой-нибудь вліятельный покровитель въ лицѣ то князя Репнина, то Безбородка, то лейбъ-медика Роджерсона. Современники отзывались съ похвалою объ его способностяхъ и „рѣдкихъ знаніяхъ“, утверждали, что онъ „уменъ, нравственъ, чудно пишетъ“ не только по-французски, но и по-русски, что встрѣчалось весьма рѣдко у дипломатовъ этого, да и позднѣйшаго времени. Графъ Панинъ слишкомъ мало находился у дѣлъ, чтобъ его политика могла принести пользу Россіи. Программа его не была оригинальной: онъ являлся послѣдователемъ своего дяди и сторонникомъ „Сѣвернаго аккорда“, т.-е. союза съ Пруссіей и Англіей; онъ ненавидѣлъ „ложные принципы и опасные софизмы“, внушенные Александру I „коварнымъ“ воспитателемъ, „негодяемъ“ Лагарпомъ, а французское республиканское правительство онъ называлъ „пятью разбойниками, правящими Франціей подъ именемъ директоровъ“. Самъ Панинъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ талантахъ, „захлебывался въ сознаніи собственныхъ достоинствъ“. „Сухой, всегда чопорный, замкнутый и крайне сдержанный“, онъ не отличался „привѣтливымъ обращеніемъ“. Вообще, по мнѣнію современниковъ, у него „расположеніе души не соотвѣтствовало украшенію ума“, и даже по отношенію къ безъ памяти любившему его отцу онъ оставался „сыномъ-ледышкой“. Рисуясь своимъ крайнимъ ригоризмомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать въ Берлинъ „по причинѣ развращенности“ Двора Фридриха-Вильгельма II. Онъ выставлялъ цѣлью своей службы „благо человѣчества“ и утверждалъ, что никогда „не свернетъ съ пути чести“. Но властолюбіе и честолюбіе, преобладавшія въ его холодной и сухой натурѣ, не всегда позволяли ему удержаться на пути рыцарской доблести. По слухамъ, онъ участвовалъ въ двухъ заговорахъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I; безъ сомнѣнія, онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ заговора противъ Павла I, въ той, правда, стадіи, когда предполагалось учредить регентство, въ виду душевной болѣзни Императора, и на тайныхъ свиданіяхъ съ Александромъ I въ дворцовой банѣ онъ, по собственному признанію, „первый развернулъ передъ глазами Наслѣдника горестную картину опасностей, которыя грозили гибелью государства“.

(Съ миніатюры Мансіонъ, 1822 г.; собственность Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte NIKITA PÉTROWITCH PANINE, 1770—1837, fils du comte Pierre Ivanowitch Panine et de Marie Rodionowna, née Weidel, naquit à Kharkoff le 17 avril 1770 (V. T. I, № 31). Il reçut dans sa famille une éducation soignée, puis fut attaché à la personne du Césarewitch pendant la guerre de Suède avec grade de brigadier. Il devint ensuite successivement gentilhomme de la chambre, maître des cérémonies et chambellan. Il était général major lorsqu'il fut nommé en 1795 gouverneur de la Lithuanie. Paul Ier le fit troisième membre du Collège des affaires étrangères et, en 1797, le chargea de négociations à Berlin avec la Prusse et la France. Conseiller privé actuel en 1799, puis vice-chancelier, il détestait la France, avec laquelle Paul Ier faisait alors alliance, et ceci, joint aux intrigues de Rostoptchine, eut pour résultat de le faire reléguer en novembre 1800 dans ses propriétés de Douguino, près de Smolensk. Il jouit d'un crédit considérable au début du règne d'Alexandre Ier, qui lui confia toute la politique extérieure et „ne voulait rien faire sans avoir pris son avis". Mais en moins de six mois, il tomba dans une disgrâce dont la raison immédiate n'est pas connue et qui devait tenir à la fois à des intrigues de Cour, à du mécontentement personnel d'Alexandre, froissé de quelque manque de tact, et aussi aux projets de rapprochement avec la France. Il reçut le 30 septembre 1801 un congé de trois ans, et rentra dès lors dans la vie privée pour ne plus revenir aux affaires ni à la Cour: il ne quitta guère son Douguino, et y mourut le 1er mars 1837. Il avait épousé la comtesse Sophie Vladimirowna Orloff, dont il eut six fils et quatre filles: de ses enfants parvinrent seuls à l'âge d'homme deux fils, Alexandre et Victor, ministre de la justice, et trois filles, Sophie, Aglaé et Véra, mortes sans alliance.

Le comte Panine était de ces heureux mortels destinés par la fortune au pouvoir et aux honneurs indépendamment même de leur valeur intellectuelle et morale: fils du célèbre général et neveu du non moins célèbre vice-chancelier et précepteur de Paul Ier, il était à 18 ans brigadier, à 24 ans général, à 25 ans gouverneur, et à 29 ans vice-chancelier et conseiller privé actuel. Il aimait se faire passer pour un indépendant qui „ne demandait rien" et auquel s'offraient spontanément les honneurs et les charges; sans qu'il y fût pour rien, il lui survenait toujours au bon moment quelque protection puissante, celle du prince Repnine, de Bezborodko ou du médecin de la Cour Rogerson. Les contemporains avaient grande opinion de ses talents et de ses „connaissances peu communes": d'une haute valeur „intellectuelle et morale", disaient-ils, „il écrit à merveille" non seulement le français, mais le russe, chose très rare alors, et même plus tard, pour un diplomate. Il ne resta pas assez aux affaires pour pouvoir être utile à son pays. Son programme, sans rien d'original, n'était autre que celui de son oncle: partisan d'un „accord des puissances du Nord", Russie, Prusse et Angleterre, il maudissait les „faux principes et dangereux sophismes" légués à Alexandre Ier par son „astucieux" précepteur, ce „vaurien" de Laharpe, et, quant à la République de France, il ne voyait dans son gouvernement que „cinq brigands qui mènent le pays sous le nom de Directeurs". Personnellement, il avait une haute opinion de lui-même, et „se rengorgeait à l'idée de ses propres mérites". „Sec, toujours guindé, renfermé et d'une extrême réserve", ses manières n'avaient rien d'aimable. Au témoignage des contemporains, „son humeur n'était pas à la hauteur de la distinction de son esprit", et, même avec son père qui l'idolâtrait, il était toujours „glacial". Affectant un rigorisme exagéré, il ne voulait pas aller à Berlin „à cause de la dissolution" qui régnait à la Cour de Frédéric-Guillaume II. Il prétendait se vouer comme homme d'état „au bien de l'humanité" et „ne jamais dévier du chemin de l'honneur". Pourtant sa froide et sèche nature, dominatrice et ambitieuse comme elle l'était, le fourvoya parfois dans une direction qui n'avait rien de chevaleresque. Il aurait été, dit-on, de deux conspirations, sous Catherine II et sous Alexandre Ier; en tout cas, il fut un des principaux meneurs du complot contre Paul Ier, pour autant, du moins, qu'il s'agissait d'instituer une régence en raison de l'état mental de l'Empereur. Il eut avec Alexandre dans la salle de bains du Palais des entrevues secrètes où, déclare-t-il lui-même, „il fut le premier à dérouler devant les yeux du Grand-Duc le triste tableau des dangers qui menaçaient de conduire le pays à sa perte".

(D'après une miniature de Mansion, 1822, appartenant à Mme Xido, St-Pétersbourg.)

ГРИГОРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ТЕПЛОВЪ, 1711—1779, воспитанникъ Новгородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича, родился 20 Ноября 1711 года. Получивъ первоначальное образованіе въ устроенной Ѳеофаномъ семинаріи, Тепловъ затѣмъ былъ студентомъ Академіи Наукъ и обучался въ Германіи языкамъ и ботаникѣ. 3 Октября 1740 года онъ былъ назначенъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, а затѣмъ адъюнктомъ натуральной исторіи. Графъ А. Г. Разумовскій избралъ Теплова въ менторы своему брату К. Г. Разумовскому, отправленному въ 1743 году за границу. Послѣ назначенія графа К. Г. Разумовскаго президентомъ Академіи Наукъ, Тепловъ въ 1746 году получилъ мѣсто асессора академической канцеляріи, а въ 1747 году сдѣланъ членомъ Академическаго Собранія. Послѣ назначенія графа К. Г. Разумовскаго гетманомъ Малороссіи, Теплову въ 1751 году было повелѣно состоять при гетманѣ „всегда въ томъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоразсудитъ“ и для „управленія его домашнихъ гетманскихъ дѣлъ“. Завѣдуя гетманской канцеляріей, Тепловъ держалъ въ своихъ рукахъ все управленіе Малороссіей, но 24 Декабря 1758 года былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Петръ III приписывалъ Теплову, хотя и носившему званіе „Голстинскаго Двора камергера“, непріятности, испытанныя имъ отъ гетмана въ бытность великимъ княземъ, и подвергнулъ его аресту за неосторожныя слова, но вскорѣ освободилъ и 23 Марта 1762 года „за извѣстную его къ службѣ ревность“ произвелъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, однако, съ повелѣніемъ „быть въ отставкѣ“. Тепловъ принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ противъ Петра III и писалъ первый манифестъ Екатеринѣ II. Награжденный 20.000 рублями Тепловъ получилъ назначеніе состоять „при дѣлахъ, отъ собственныхъ Ея Величества повелѣній зависящихъ“, и у принятія челобитныхъ и неоднократно назначался къ участію въ самыхъ разнообразныхъ комиссіяхъ. Въ 1765 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны, въ 1767 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ почетнымъ опекуномъ, въ 1768 году былъ пожалованъ въ сенаторы, а 10 Іюля 1775 года получилъ орденъ Александра Невскаго. Тепловъ умеръ 30 Марта 1779 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ былъ женатъ дважды: 1) на шведкѣ Елизаветѣ Марковнѣ NN и 2) на родственницѣ Разумовскихъ, Матренѣ Гераскмовнѣ Стрѣшенцовой-Демешко. Отъ перваго брака онъ имѣлъ дочерей: Анну (за Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ) и Елизавету (за И. И. Демидовымъ), отъ второго брака, не особенно счастливаго, сына Алексѣя и дочерей Наталію (за Лобачевскимъ-Ледуховскимъ) и Марію.

Тепловъ имѣлъ большое сходство со своимъ воспитателемъ, имѣлъ тѣ же самыя „пригодность способностей и вредность характера“, какъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Вопреки увѣренію эпитафіи, Тепловъ вовсе не „сіялъ рѣдкими добродѣтелями“, но былъ коварнымъ, властолюбивымъ и мстительнымъ интриганомъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ „искатель фортуны“. Онъ не гнушался ни вѣроломствомъ, ни злодѣяніемъ. Въ день смерти Петра III онъ, не забывшій удара палкой, полученнаго отъ Петра III съ благодушнымъ совѣтомъ „исправиться“, былъ въ Ропшѣ съ Орловымъ и княземъ Барятинскимъ. Онъ велъ самыя гнусныя интриги противъ своего благодѣтеля графа К. Г. Разумовскаго, прикрываясь личиной преданности, въ буквальномъ смыслѣ, по выраженію графа Орлова, „лобзе, его же предаде“, и былъ „тайнымъ доносителемъ“ на Бестужева. Онъ отличался необыкновенною пронырливостью и умѣньемъ подлаживаться къ нужнымъ ему людямъ. При графѣ Разумовскомъ Тепловъ ворочалъ всѣми академическими и домашними дѣлами графа; говорили, что „въ домѣ Его Сіятельства, что прикажетъ оный Тепловъ который день кушать готовить, то де по его приказу и дѣлается“. Вращаясь въ высшемъ обществѣ, Тепловъ нерѣдко заставлялъ вспоминать объ его плебейскомъ происхожденіи и семинарскомъ воспитаніи. Съ людьми не вліятельными онъ былъ до крайности грубъ; со всѣми почти профессорами онъ былъ на ножахъ; съ Ломоносовымъ чуть не доходилъ до драки, а Третіаковскаго „ругалъ, какъ хотѣлъ, и грозилъ шпагою заколоть“. По свидѣтельству Бестужева, Тепловъ даже „во многіе дома незваный пріѣзжалъ, гораздо у старшихъ себя за столомъ мѣсто снималъ, да и дамъ не щадилъ“, и вообще былъ человѣкъ, „обыкшій въ грубіянствѣ“, какъ и подобало сыну архіерейскаго истопника. Способности Теплова были блестящія и самыя разносторонніе. Онъ былъ спеціалистъ и по ботаникѣ, и по географіи, переводилъ на латинскій языкъ сатиры Кантемира, а на русскій латинскія оды, занимался и нравственной философіей и „засѣвомъ иностранныхъ табаковъ“, плѣнялъ придворное общество игрой на скрипкѣ и фортепіано....

(Съ портрета Левицкаго; собственность А. Г. Теплова, с. Молодовое, Орловской губ.)

GRÉGOIRE NIKOLAEWITCH TÉPLOFF, 1711—1779, pupille de l'archevêque de Novgorod Théophane Prokopowitch, naquit le 20 novembre 1711. D'abord élève du séminaire fondé par Théophane, il alla ensuite achever ses études à l'Académie des Sciences et apprendre en Allemagne les langues et la botanique. Il fut nommé le 3 octobre 1740 traducteur à l'Académie, et plus tard suppléant d'histoire naturelle. Lorsque le comte Cyrille Razoumowsky, auquel son frère Alexis l'avait donné comme mentor pour son voyage à l'étranger en 1743, eut été nommé président de l'Académie des Sciences, il y devint en 1746 assesseur de la chancellerie et en 1747 membre du Conseil. Puis, le comte fait hetman de Petite-Russie, il fut en 1751 attaché à sa personne „au titre que l'hetman jugera bon" et pour „l'expédition de ses affaires personnelles": gérant de la chancellerie, il avait en mains toute l'administration de la Petite-Russie, quand, le 24 décembre 1758, il fut destitué avec rang de conseiller d'état: Pierre III, rendant ainsi son „chambellan de la Cour de Holstein" responsable des désagréments qu'il avait eus avec l'hetman étant Grand-Duc, le mit aux arrêts pour quelque imprudence de langage, mais le rendit peu après à la liberté et, le 23 mars 1762, „en récompense de son zèle insigne dans le service", le promut conseiller d'état actuel, en le laissant toutefois en disponibilité. Téploff prit une part active au complot et rédigea le premier manifeste à Catherine II, qui lui accorda 20.000 roubles de gratification et lui assigna un poste „aux affaires relevant des ordres personnels de Sa Majesté" et à la Commission des Requêtes. Membre en plusieurs occasions de commissions de toute sorte, il fut en 1765 décoré de Ste-Anne, en 1767 promu conseiller privé et nommé tuteur honoraire, en 1768 fait sénateur, et le 10 juillet 1775 décoré de St-Alexandre Newsky.

Il mourut le 30 mars 1779 d'une grave affection chronique, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé, en premières noces, une suédoise de famille inconnue, Elisabeth Markowna, dont il eut deux filles, Anne, mariée à Simon Alexandrowitch Néplueff, et Elisabeth à I. Démidoff, et, en secondes noces, une parente des Razoumowsky, Matrone Guérassimowna Stréchentzoff-Démechko; il eut de ce second mariage, qui ne fut pas particulièrement heureux, un fils, Alexis, et deux filles, Natalie, mariée à Lobatchewsky-Lédoukhowsky, et Marie.

Téploff avait une grande ressemblance avec son tuteur Théophane: mêmes „aptitudes", même „caractère malfaisant". Fourbe, ambitieux, vindicatif et intrigant, il n'avait rien des „rares vertus" que lui attribue son épitaphe, et n'était qu'un „faiseur", dans toute l'acception du terme, à ne reculer ni devant la trahison, ni devant le crime: la mémoire du coup de bâton reçu de Pierre III avec le conseil bon enfant de „s'amender" le conduisit à Ropcha le jour de la mort de l'Empereur avec Orloff et le prince Bariatinsky. Sous le masque du dévouement, il machina contre son bienfaiteur le comte Cyrille Razoumowsky les plus noires intrigues, „l'embrassant pour le trahir", selon l'expression du comte Orloff, et fit de la délation contre Bestoujeff. D'une pénétration peu commune, il possédait l'art de s'insinuer près de ceux dont il avait besoin. Chez le comte Razoumowsky, il avait la haute main sur toutes ses affaires, tant personnelles que de l'Académie: „Chez Son Altesse, le jour où ce Téploff s'avisera de composer le menu, il sera fait selon ses ordres!" Ses allures dans le grand monde sentaient fréquemment leur origine plébéienne et leur éducation de séminaire. De la dernière grossièreté avec les petites gens, il était à couteau tiré avec presque tous les professeurs: avec Lomonossoff il faillit en venir aux mains, et à Trétiakoff, „il ne se gênait pas pour envoyer des injures en le menaçant de lui passer son épée au travers du corps". Souvent même, dit Bestoujeff, „il s'invitait lui-même, s'installant sans façons à table avec des personnes beaucoup plus vieilles que lui et sans le moindre égard pour les dames"; en somme, c'était „un rustre fieffé", comme pouvait l'être le fils d'un chauffeur d'archevêché. Il était doué des aptitudes les plus brillantes et les plus variées: spécialiste en botanique et en géographie, il traduisit en latin les satires de Kantémir et en russe des odes latines, fit aussi de la philosophie morale, „de la culture de tabacs étrangers", et charma la société de la Cour par son talent sur le violon et le piano....

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à A. Téploff, Molodovoïé, gouvernement d'Orel.)

161

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ВОЛКОВЪ, 1726—178., сынъ Степана Алексѣевича, происходилъ изъ древней русской дворянской фамиліи. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. По нѣкоторымъ соображеніямъ, однако, есть основаніе предполагать, что опредѣленіе прилагаемаго портрета весьма сомнительное. Впрочемъ, подъ именемъ А. С. Волкова онъ числится въ описяхъ Гатчинскаго дворца и съ этимъ же опредѣленіемъ, хотя и съ знакомъ вопроса (?), помѣщенъ въ изданіи С. П. Дягилева „Русская живопись въ XVIII вѣкѣ. Томъ I. Д. Г. Левицкій“ (стр. 22).

Воспитанникъ Шляхетскаго корпуса, Волковъ скоро сдѣлалъ блестящую карьеру. Секретарь разныхъ посольствъ, въ томъ числѣ въ Варшавѣ, Волковъ завѣдывалъ канцеляріей по управленію Восточной Пруссіей, занятой русскими войсками въ Семилѣтнюю войну. Членъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, одинъ выполнившій переводъ на русскій языкъ всего дѣйствовавшаго кодекса мѣстныхъ законовъ, подъ заглавіемъ „Право Лифляндіи и Эстляндіи“, А. С. Волковъ всего болѣе потрудился въ дѣлѣ переселенія сербовъ въ Россію, въ степи между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ. Умеръ Волковъ въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія, будучи въ отставкѣ. У него былъ сынъ Петръ.

Не изображаетъ ли настоящій портретъ какого-либо другого Волкова, напримѣръ, генералъ-поручика Алексѣя Андреевича Волкова († 1796 г.), Александровскаго кавалера, Рязанскаго генералъ-губернатора.

(Съ портрета Левицкаго; Гатчинскій дворецъ.)

161

ALEXIS STÉPANOWITCH VOLKOFF, 1726—178., fils de Stéphane Alexéewitch Volkoff, était de vieille noblesse russe. On n'a sur lui que peu de renseignements. Il y a cependant lieu de considérer comme tout au moins fort douteuse l'identification du présent portrait, qui figure d'ailleurs sous ce nom de A. S. Volkoff à l'inventaire du Palais de Gatchina et est reproduit sous la même désignation, mais avec point d'interrogation, dans La Peinture Russe au XVIIIe siècle de S. Diaguileff, T. I, „D. Lévitzky" (p. 22).

Elève au Corps des Cadets, Volkoff eut ensuite une rapide et brillante carrière. Secrétaire de diverses ambassades, entre autres celle de Varsovie, il géra la chancellerie de l'administration de la Prusse Orientale, lors de l'occupation russe pendant la Guerre de Sept-Ans. Membre du Collège de Justice pour les affaires de Livonie et d'Esthonie, il traduisit à lui seul en russe sous le titre de Le Droit de Livonie et d'Esthonie tout le code de législation locale alors en vigueur. Mais le principal objet de ses travaux fut l'émigration des serbes en Russie et leur installation dans les steppes entre le Dnièper et le Boug. Il mourut peu après 1780, en retraite. Il eut un fils, Pierre.

Le portrait ci-joint pourrait être aussi celui d'un autre Volkoff, par exemple le général lieutenant Alexis Andréewitch Volkoff († 1796), chevalier de St-Alexandre, général gouverneur de Riazan.

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Gatchina.)

162

Графъ АРТЕМІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ, 1748—1813, сынъ генералъ-поручика графа Ивана Ларіоновича (р. 1719 г., † 1786 г.), отъ брака его съ Маріей Артемьевной Волынской (р. 1725 г., † 1793 г.), племянникъ канцлера и внукъ знаменитаго кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, пожалованъ въ камеръ-юнкеры въ 1774 г., въ дѣйствительные камергеры въ 1783 г. и дослужился до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званія сенатора. Высокаго роста, но съ маленькой аристократической ногой, крѣпкаго сложенія, статный мужчина, онъ, по свидѣтельству его внука, графа М. Д. Бутурлина, отличался въ молодости въ верховой ѣздѣ и фехтованіи и до самой смерти былъ бодръ не по лѣтамъ; сохранивъ густые кудреватые волосы, онъ ихъ зачесывалъ назадъ и отпускалъ длиннѣе, чѣмъ тогда носили. Воронцовъ обладалъ значительнымъ состояніемъ, но подъ конецъ разстроилъ его; разореніе отчасти побудило его согласиться на неравный бракъ младшей дочери съ сыномъ откупщика. Ему принадлежали: Тамбовское имѣніе Воронцово, въ которомъ онъ построилъ великолѣпную церковь, напоминавшую Петербургскій Казанскій соборъ, Калужское—Бѣлкино, переданное имъ при жизни старшей дочери, Костромское—Филисово, знаменитая подмосковная Вороново, которую онъ продалъ Ростопчину, домъ въ Петербургѣ (Пажескій корпусъ) и обширное владѣніе въ Москвѣ, по Кузнецкому мосту, отъ Рождественки и до Неглинаго проѣзда (прежде Университетскія клиники, теперь Строгановское училище). Графъ А. И. Воронцовъ скончался лѣтомъ 1813 г. въ Бѣлкинѣ (Боровскаго у., Калужской губ.) „отъ неумѣреннаго употребленія холодной воды въ жаркіе дни“ и погребенъ въ Пафнутіевомъ Боровскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ Прасковьей Ѳедоровной Квашниной-Самариной онъ имѣлъ 4 дочерей: Анну (р. 1777 г.), за графомъ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ, Марію († 1866 г.), Екатерину (р. 1780 г., † 1836 г.) и Прасковью (р. 1786 г., † 1842 г.), за Александромъ Ульяновичемъ Тимоѳеевымъ.

(Съ портрета Левицкаго; собственность А. К. Болдырева, с. Воронцовка, Тамбовской губ.)

162

Le comte ARTHEME IVANOWITCH WORONTZOFF, 1748—1813, fils du comte Ivan Larionowitch Worontzoff (1719—1786), général lieutenant, et de Marie Artémiewna, née Volynsky (1725—1793), neveu du chancelier et petit-fils du célèbre ministre de cabinet Arthème Volynsky, fut fait gentilhomme de la chambre en 1774, chambellan actuel en 1783, et parvint au rang de conseiller privé actuel et à la dignité de sénateur. De haute taille, mais avec un petit pied aristocratique, bien découplé, élégant de tournure, il était dans sa jeunesse, dit son petit-fils le comte M. Boutourline, de première force en équitation et en escrime, et resta jusqu'à la fin très vert en dépit de l'âge; il avait conservé d'épais cheveux bouclés qu'il relevait en arrière et portait beaucoup plus longs qu'on ne faisait alors. Possesseur d'une grosse fortune, il finit par la compromettre entièrement: ce fut en partie la raison de la mésalliance de sa fille cadette, qu'il dut donner au fils d'un fermier de l'Etat. Il avait plusieurs propriétés: au gouvernement de Tamboff, le domaine de Worontzovo, où il fit élever une église magnifique rappelant Notre-Dame-de-Kazan à Pétersbourg; au gouvernement de Kalouga, Belkino, qu'il céda de son vivant à sa fille aînée; au gouvernement de Kostroma, Filissovo. Ajoutons, aux environs de Moscou, le célèbre domaine de Voronovo qu'il vendit à Rostoptchine, sa maison de Pétersbourg (le Corps des Pages), enfin ses énormes immeubles de Moscou, au Pont des Maréchaux, entre la Rojdestvenka et le Boulevard Néglinny (les anciennes cliniques de l'Université, aujourd'hui l'Ecole Stroganoff). Il mourut l'été de 1813 à Belkino, district de Borovsk, gouvernement de Kalouga, „pour avoir pris trop d'eau froide pendant les chaleurs", et fut inhumé au monastère St-Paphnuce, à Borovsk.

Il eut, de son mariage avec Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine, quatre filles: Anne (née 1777), mariée au comte Dmitri Pétrowitch Boutourline, Marie († 1866), Catherine (1780—1836) et Prascovie (1786—1842), mariée à Alexandre Oulianowitch Timoféeff.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à A. Boldyreff, Worontzovka, gouv. de Tamboff.)

163

Графиня **ПРАСКОВІЯ ѲЕДОРОВНА ВОРОНЦОВА**, 1750—1797, жена графа Артемія Ивановича Воронцова (р. 1748 г., † 1813 г.), дѣйствительнаго камергера и сенатора, происходила изъ рода Квашниныхъ-Самариныхъ. О родителяхъ ея неизвѣстно ничего, кромѣ того, что отца ея звали Ѳедоръ Алексѣевичъ. Братъ ея, Петръ Ѳедоровичъ, былъ при Екатеринѣ II президентомъ Юстицъ-коллегіи и женатъ былъ на графинѣ Настасьѣ Петровнѣ Салтыковой, дочери фельдмаршала. На могильномъ памятникѣ графини Прасковьи Ѳедоровны Воронцовой на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры значится, что она скончалась 26 Октября 1797 года, на 48-мъ году отъ роду.

У графини П. Ѳ. Воронцовой было четыре дочери, изъ коихъ одна, Анна Артемьевна, въ замужствѣ графиня Бутурлина, родилась въ 1777 году, а другая, Екатерина Артемьевна, фрейлина, въ 1780 году. Въ своихъ запискахъ графъ М. Д. Бутурлинъ говоритъ, что во время женитьбы его отца на графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой, въ 1793 году, мать ея, графиня Прасковья Ѳедоровна, находилась въ живыхъ. Въ письмѣ къ отцу отъ 4 Іюня 1782 г. графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, разсказывая о крестинахъ своего сына, воспріемницей коего была Екатерина II, упоминаетъ, что онъ возилъ его въ „Сарское Село“ съ графиней Прасковьей Ѳедоровной. Наконецъ, женившійся въ 1793 г. на ея дочери, Аннѣ Артемьевнѣ, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ въ письмахъ къ графу А. Р. Воронцову о приготовленіяхъ къ своей женитьбѣ отзывается о своей будущей тещѣ, графинѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, какъ о женщинѣ „весьма разсудительной и пользовавшейся его полнымъ довѣріемъ“.

(Съ портрета Левицкаго; собственность А. К. Болдырева, с. Воронцовка, Тамбовской губ.)

163

La comtesse **PRASCOVIE FÉODOROWNA WORONTZOFF**, 1750—1797, femme du comte Arthème Ivanowitch Worontzoff (1748—1813), chambellan actuel et sénateur, était de la famille Kvachnine-Samarine. De ses parents on sait seulement que son père s'appelait Théodore Alexéewitch. Elle eut un frère, Pierre, président du Collège de Justice sous Catherine II et marié à la comtesse Nastasie Pétrowna Saltykoff, fille du feld-maréchal. Son épitaphe, au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky, porte qu'elle mourut le 26 octobre 1797 dans sa 48e année.

La comtesse Worontzoff eut quatre filles, dont une, Anne, née en 1777, épousa le comte Dmitri Boutourline, et une autre, Catherine, née en 1780, fut demoiselle d'honneur. Le comte M. Boutourline dit dans ses Mémoires que le mariage de son père avec la comtesse Anne Worontzoff en 1793 se fit du vivant de la mère de la fiancée. Dans une lettre à son père en date du 4 juin 1782, le comte Simon Romanowitch Worontzoff, à propos du baptême de son fils, qui eut Catherine II pour marraine, dit qu'il le mena à „Sarskoïé Sélo“ avec la comtesse Prascovie Féodorowna. Enfin le comte Dmitri Boutourline, qui épousa la comtesse Anne en 1793, parlant dans ses lettres au comte Alexandre Romanowitch Worontzoff des préparatifs de son mariage, donne sa future belle-mère comme une personne „d'un grand jugement et lui inspirant une entière confiance“.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à A. Boldyreff, Worontzovka, gouv. de Tamboff.)

Митрополитъ СТАНИСЛАВЪ СЕСТРЕНЦЕВИЧЪ-БОГУШЪ, 1731—1826, сынъ стражника (custos) Стародубскаго Яна Сестренцевича отъ брака съ Корнеліей Одынецъ, родился 3 Сентября 1731 года и былъ крещенъ по обряду кальвинистовъ. Получивъ образованіе въ кальвинистскомъ пансіонѣ въ Кейданахъ и въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ, Сестренцевичъ служилъ сначала въ Прусскихъ гусарахъ, а затѣмъ въ Литовскомъ войскѣ. Будучи въ чинѣ капитана, онъ перешелъ въ католичество и, прослушавъ богословскій курсъ въ Варшавской коллегіи піаровъ, занялъ мѣсто каноника съ 1763 года въ Самогитскомъ, а съ 1767 года въ Виленскомъ каптулѣ. Въ 1773 г. онъ былъ посвященъ во епископа Малльскаго (Mallensis) „in partibus infidelium“. Екатерина II поручила ему управленіе основанной въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ Бѣлорусской епархіей. Въ 1785 г. Сестренцевичъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа Могилевскаго, а въ 1795 г. былъ „почтенъ папскою грамотою преимуществомъ легата“. Положеніе Сестренцевича не пошатнулось со смертью благоволившей къ нему Екатерины II. Павелъ I, до воцаренія пользовавшійся у богатаго прелата денежнымъ кредитомъ, далъ ему титулъ „metropolita unicus omnium romano-catholicarum Ecclesiarum in Imperio Russico“, украсилъ орденами св. Александра Невскаго, св. Андрея и Мальтійскимъ, сдѣлавъ его великимъ милостынедателемъ ордена. „Je veux que vous soyez cardinal“, говаривалъ Павелъ Сестренцевичу, но добился лишь того, что буллой „Inter gravissimos“ отъ 3/14 Февраля 1798 г. Пій VI предоставилъ Сестренцевичу право носить кардинальскую одежду, „habitum rubri seu purpurei coloris ad instar S. R. Ecclesiæ cardinalium“, но безъ шляпы, „excepto tamen pileo“. Измѣнчивый Павелъ, по навѣтамъ патера Грубера, въ 1800 г. выслалъ Сестренцевича въ его деревни. Послѣ смерти Павла Сестренцевичъ четверть вѣка управлялъ католическою церковью въ Россіи и скончался 1 Декабря 1826 года. Онъ погребенъ въ костелѣ св. Станислава, въ С.-Петербургѣ.

Получивъ широкое и при томъ антикатолическое образованіе, Сестренцевичъ былъ совершенно чуждъ ультрамонтанскихъ тенденцій. Онъ былъ „камнемъ преткновенія“ для іезуитовъ, этихъ, по его мнѣнію, „недостойныхъ св. Игнатія послѣдователей“. Сестренцевичъ велъ чрезвычайно воздержанную жизнь трезвенника и сторонника безубойнаго питанія, но не для умерщвленія плоти, а въ діэтическихъ видахъ, желая доказать на себѣ, что „всякій порядочный человѣкъ долженъ дожить, по крайней мѣрѣ, до ста лѣтъ“. Не гоняясь за почетными наградами, властолюбивый прелатъ всячески старался объ упроченіи и расширеніи своей пастырской власти. Секретари его и другіе приближенные не забывали себя, и Могилевская архидіоцеза, особенно въ послѣдніе годы жизни престарѣлаго митрополита, не была вполнѣ образцовой. Сестренцевичъ былъ идеаломъ іерарха въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма во вкусѣ Іосифа II и другихъ реформаторовъ XVIII вѣка. Екатерина II нашла въ Сестренцевичѣ въ избыткѣ тѣ „резонабельные сентименты“, которые она не всегда могла найти въ православныхъ архіереяхъ. Ловкій придворный, онъ былъ способенъ искусно подслужиться къ сильнымъ міра сего: онъ не усумнился прославлять, какъ Providentiæ Divinæ evidens argumentum, спасеніе отъ заговорщиковъ ничтожнаго Станислава Понятовскаго, для Потемкина углубился въ нѣдра исторіи и поднесъ ему „Histoire de la Tauride“, тѣшилъ Павла, выступая въ митрѣ, украшенной его вензелемъ, для князя А. И. Голицына сдѣлался усерднѣйшимъ членомъ весьма сомнительнаго съ католической точки зрѣнія Библейскаго Общества. Угодливость передъ свѣтской и при томъ схизматической властью сильно вредила Сестренцевичу у Св. Престола. Попытки русскаго правительства доставить митрополиту кардинальство встрѣчали въ Куріи непреодолимыя препятствія. Сестренцевичъ, исполняя волю своего правительства, оказывался то черезчуръ консервативнымъ, то черезчуръ либеральнымъ: Пій VI не далъ Сестренцевичу кардинальской шляпы за то, что архіепископъ, по приказанію Екатерины II, дозволилъ учредить въ Полоцкѣ новиціатъ опальнымъ въ то время іезуитамъ, и папа „съ величайшимъ прискорбіемъ“ отказалъ Императрицѣ, боясь навлечь на себя гнѣвъ враждебныхъ іезуитамъ Бурбонскихъ Дворовъ, у которыхъ Сестренцевичъ сдѣлался „persona ingratissima“; при Александрѣ I Пій VII, послѣ только-что изданной буллы „Sollicitudo omnium“, возвратившей іезуитамъ ихъ права, не безъ вліянія учениковъ Лойолы, также не счелъ возможнымъ сдѣлать митрополита кардиналомъ. Православные хвалили руссофильствовавшаго прелата; но эти же свойства Сестренцевича, по увѣренію его противниковъ, „навлекли на него ненависть всѣхъ добрыхъ католиковъ въ Россіи“.

(Съ портрета, находящагося въ Римско-Католической духовной академіи, въ С.-Петербургѣ.)

Le Métropolite STANISLAS SIESTRENCEWICZ de BOHUSZ, 1731—1826, fils du magistrat de Starodoub Jean Siestrencewicz et de Cornélie Olynec, naquit le 3 septembre 1731 et fut baptisé calviniste. Il fit ses études dans une pension calviniste de Keidany, puis à quelques universités étrangères, et prit du service d'abord aux hussards prussiens, et ensuite dans la milice lithuanienne. Il était capitaine lorsqu'il se convertit au catholicisme, et, après des études de théologie à Varsovie, devint en 1763 chanoine au chapitre de Samogitie, d'où il passa en 1767 à celui de Vilna. En 1773, il fut intronisé episcopus Mallensis in partibus infidelium. Catherine II lui confia la direction du diocèse de Russie Blanche, formé des territoires polonais récemment annexés, et, archevêque de Mohileff en 1783, Siestrencewicz fut en 1795 „investi par bulle du Pape des prérogatives de légat". Sa situation ne fut nullement compromise par la mort de Catherine II, qui lui avait toujours témoigné sa faveur. Paul Ier, que le riche prélat avait souvent obligé de sa bourse étant Grand-Duc, lui conféra le titre de Metropolita unicus omnium romano-catholicarum Ecclesiarum in Imperio Russico, les ordres de St-Alexandre Newsky et de St-André, et la croix de celui de Malte, dont il le fit grand aumônier. „Je veux que vous soyez cardinal", lui répétait Paul, mais sans pouvoir réussir qu'à lui faire délivrer par Pie VI le 3/14 février 1798 la bulle Inter gravissimos lui conférant le droit de revêtir la pourpre cardinalice, „habitum rubri seu purpurei coloris ad instar S.-R. Ecclesiæ cardinalium", sans chapeau cependant, „excepto tamen pileo". Après quoi, il fut en 1800, à l'instigation du Père Gruber, renvoyé dans ses terres par l'inconstant Souverain, à la mort duquel il revint pourtant diriger un quart de siècle l'église catholique en Russie. Il mourut le 1er décembre 1826, et fut inhumé dans l'église St-Stanislas, à St-Pétersbourg.

Avec son instruction étendue et toute anticatholique, Siestrencewicz était complètement exempt d'ultramontanisme. Il fut la „pierre d'achoppement" des Jésuites, ces „indignes disciples de St-Ignace", disait-il. D'une sobriété des plus rigides, il s'abstenait de toute espèce de chair, non pas par mortification, mais par régime, pour prouver par le fait que „tout homme comme il faut doit vivre au moins cent ans". Sans guère tenir aux honneurs, son ambition était surtout préoccupée d'affermir et d'étendre l'autorité pastorale. Ses secrétaires et autres auxiliaires soignaient plus que de raison leurs intérêts personnels, et, sur ses vieux jours, son diocèse de Mohileff était loin d'être un modèle d'ordre. Il était l'idéal du prélat selon l'absolutisme éclairé au goût de Joseph II et autres réformateurs du XVIIIe siècle, et Catherine II trouva abondamment en lui les „sentiments raisonnables" qu'elle cherchait en vain chez les archevêques orthodoxes. Habile courtisan, il était passé maître en matière de flagornerie: il ne craignit pas de proclamer „Providentiæ Divinæ evidens argumentum" l'échec de la conspiration contre l'insignifiant Stanislas Poniatowsky, se plongea à corps perdu dans l'histoire en l'honneur de Potemkine et lui dédia son Histoire de la Tauride, tint à complaire à Paul en arborant une mitre à son chiffre, et devint pour l'amour du prince A. Golitzyne un des plus fervents adeptes d'une institution plutôt suspecte au point de vue catholique, la Société Biblique. Cette obséquiosité avec des autorités laïques et, qui plus est, schismatiques, lui fit le plus grand tort près du Saint-Siège, et tous les efforts du gouvernement russe pour lui faire avoir le chapeau de cardinal se heurtèrent à d'insurmontables obstacles. Dans sa docilité aux vues de son gouvernement, il était tantôt trop conservateur, tantôt trop libéral: sous Pie VI, il avait, conformément à la volonté de l'Impératrice, laissé les Jésuites, alors en disgrâce, fonder leur noviciat à Polotzk, et le Pape, qui craignait de se mettre à dos les Bourbons, ennemis de Jésuites et près desquels Siestrencewicz était „persona ingratissima", dut, „à son très grand regret", refuser à Catherine le cardinalat sollicité pour lui; Pie VII, à son tour, après avoir délivré aux Jésuites la bulle Sollicitudo omnium qui les rétablissait dans leurs droits, se laissa sans doute quelque peu circonvenir par eux pour ne pas le lui accorder non plus. Il était très bien vu des orthodoxes pour ses sentiments russophiles, qui, prétendent ses adversaires, furent précisément ce qui le rendit „odieux à tous les bons catholiques en Russie".

(D'après un original de l'Académie Ecclésiastique Catholique-Romaine, St-Pétersbourg.)

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ, 1732—1798, король Польскій, пятый сынъ графа Станислава Понятовскаго отъ брака съ княжной Констанціей Чарторижской, родился въ замкѣ Волчинѣ, въ Брестскомъ воеводствѣ 6 (17) Января 1732 года. Во время заграничнаго путешествія Понятовскій познакомился съ англійскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ Уильямсомъ, который сдѣлался его ментороиъ и покровителемъ. Переведенный въ С.-Петербургъ, Уильямсъ въ 1755 г. вызвалъ къ себѣ Понятовскаго, получившаго уже тогда титулъ стольника Литовскаго, и рѣшилъ воспользоваться имъ для пріобрѣтенія вліянія на Великую Княгиню Екатерину Алексѣевну. Придворная и дипломатическая игра окончилась тѣмъ, что въ одинъ вечеръ Левъ Нарышкинъ привелъ Понятовскаго къ двери хорошо знакомой и самому путеводителю опочивальни Великой Княгини, которой изъ опасенія прохода Великаго Князя „ничего не осталось дѣлать другого, какъ впустить къ себѣ“ Понятовскаго. Въ концѣ 1756 года Понятовскій былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ Польши при Русскомъ дворѣ. Французскіе дипломаты всѣми силами старались удалить Понятовскаго изъ С.-Петербурга, и отозваніе его состоялось въ Іюлѣ 1758 года. Екатерина долго тосковала по Понятовскомъ, который „раздѣлялъ съ ней горе“ о потерѣ умершей какъ разъ въ это время годовалой Великой Княжны Анны Петровны. Найдя утѣшителя въ лицѣ графа Орлова, Екатерина не забыла о Понятовскомъ и, овладѣвъ властью, рѣшила сдѣлать его Польскимъ королемъ послѣ смерти Августа III. При русской поддержкѣ Понятовскій былъ избранъ королемъ 28 Августа (8 Сентября) 1764 года. Самоубійственная борьба польскихъ партій, интриги и насилія сосѣднихъ съ Польшею державъ, неудачныя попытки реформъ, конфедераціи и заговоры—вотъ общеизвѣстная картина печальнаго царствованія послѣдняго короля Польши. Лишенный по двумъ раздѣламъ 1772 и 1793 гг. большей части своихъ владѣній, Станиславъ-Августъ послѣ усмиренія возстанія 1794 года и взятія Варшавы Суворовымъ былъ вынужденъ 15 (26) Ноября 1794 года сложить съ себя корону; экс-король поселился сначала въ Гроднѣ, а въ Мартѣ 1797 года переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ ему былъ отведенъ Мраморный дворецъ. Понятовскій умеръ отъ апоплексіи 1 Февраля 1798 г. и погребенъ въ костелѣ св. Станислава, въ С.-Петербургѣ.

Строгое воспитаніе подъ ферулой богомольной и чопорной матери, основанное на удаленіи отъ „дурного товарищества“, сохранило, правда, въ Понятовскомъ „достоинство, почти невѣроятное въ молодомъ человѣкѣ, побывавшемъ въ Парижѣ“, и дало ему возможность „преподнести“ Екатеринѣ „ce que personne n'avait eu“, но не подготовило его къ его будущему высокому поприщу. Высоконравственная графиня Констанція, не рискуя карьерой сына, не могла не дать ему модпаго образованія во французскомъ вкусѣ. Этотъ, нѣсколько неуклюжій польскій юноша, „arlequin sauvage“, по его собственному выраженію, подъ руководствомъ Mme Жофрэнъ сдѣлался блестящимъ bel esprit и неотразимымъ салоннымъ сердцѣдомъ. Для него были „мамашами“ и Mme Жофрэнъ, и графиня Брюль, и паша простоватая Анна Ивановна Бестужева, не отпускавшая отъ себя „сынка“ ни во время карточной игры, ни во время ужина. Молодыхъ женщинъ онъ не только привлекалъ своею внѣшностью совершеннаго „gentilhomme'a“, но и просвѣщалъ ихъ, умѣя кстати подсунуть изящный томикъ какого-нибудь новѣйшаго произведенія въ родѣ „La Pucelle d'Orléans“. Но подъ „цвѣтами“ салонной утонченности, „съ легкимъ налетомъ философіи“ и съ сентиментальною окраскою во вкусѣ вѣка, Понятовскій, по выраженію Валишевскаго, „скрывалъ сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизмъ, даже неисчерпаемый запасъ цинизма“. Онъ обладалъ, правда, „огромнымъ и пламеннымъ честолюбіемъ“, но „зыбкій духъ“ дѣлалъ неспособнымъ къ отвѣтственной дѣятельности этого короля, котораго, по выраженію Шлоссера, „природа создала гофмаршаломъ или оберъ-гофмаршаломъ“. Понятовскій понималъ, что одна Екатерина можетъ быть для него „Компасомъ“ на взбаламученномъ морѣ Польской государственности, но въ то же время лелѣялъ несбыточную мечту „нажить и хорошее имя на свѣтѣ“. „Терпѣніе, осторожность, мужество“ было его девизомъ на словахъ, но на дѣлѣ у него не хватило ни ума, ни энергіи, чтобы выйти изъ „затруднительнаго положенія между Компасомъ (Екатериною) и Площадью (т.-е. Польскимъ общественнымъ мнѣніемъ)“, и въ результатѣ его двусмысленной политики оказалось, что Екатерина стала считать его „неблагодарнымъ“, а „прирожденнымъ грѣхомъ“ поляковъ сдѣлалась ненависть къ королю. Понятовскій былъ правъ, когда въ письмѣ къ Mme Жофрэнъ изъ-подъ его пера вылились слова: „Ахъ, мама! трудная и печальная комиссія быть королемъ Польскимъ“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

STANISLAS-AUGUSTE PONIATOWSKY, 1732—1798, Roi de Pologne, cinquième fils du comte Stanislas Poniatowsky et de la princesse Constance Czartoryski, naquit au château de Wolczyno, voyvodie de Brzesc, le 6/17 janvier 1732. Il était panetier de Lithuanie, lorsqu'en 1755, comptant s'appuyer sur lui pour acquérir de l'ascendant sur la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, le nouvel ambassadeur d'Angleterre en Russie, Williams, qu'il avait connu ambassadeur à Dresde au cours d'un voyage à l'étranger et en qui il avait alors trouvé un mentor et un protecteur, le fit venir à Pétersbourg. Le résultat des petits jeux de Cour et de diplomatie fut qu'un beau soir, Léon Narychkine le guida sur le chemin, qu'il connaissait fort bien pour son compte personnel, de la chambre de la Grande-Duchesse, et celle-ci, pour ne pas laisser surprendre le visiteur par le Grand-Duc, „n'eut pas d'autre moyen que de le faire entrer“: à la fin de 1756, Poniatowsky était ambassadeur extraordinaire de Pologne près la Cour de Russie. Pourtant, sous les efforts de la diplomatie française, il fut rappelé en juillet 1758. Il manqua beaucoup à Catherine, et „prit part à son chagrin“ de la perte de la petite Grande-Duchesse Anne Pétrowna, qui venait précisément de mourir à l'âge d'un an; si elle se laissa consoler par le comte Orloff, ce fut sans cesser de penser à lui: parvenue au pouvoir, elle résolut de le faire Roi à la mort d'Auguste III. Il fut effectivement élu, grâce à l'appui de la Russie, le 28 août/8 septembre 1764. Luttes fratricides de partis, intrigues et violences des puissances voisines, tentatives malheureuses de réformes, confédérations et conspirations, on sait ce que fut ce règne lamentable du dernier Roi de Pologne. Dépouillé par les deux partages de 1772 et 1793 de la plus grande partie de ses états, Stanislas-Auguste dut, après la répression de l'insurrection de 1794 et la prise de Varsovie par Souvoroff, renoncer à la couronne le 15/26 novembre 1794. Il se retira d'abord à Grodno, puis vint en mars 1797 à Pétersbourg, où on lui donna comme résidence le Palais de Marbre. Il mourut d'une attaque d'apoplexie le 1/12 février 1798, et fut inhumé dans l'église St-Stanislas, à Pétersbourg.

Elevé sous la rigide férule d'une mère pieuse et collet monté, soucieuse avant tout de le préserver des „mauvaises fréquentations“, Poniatowsky avait conservé, sans doute, „une pureté presque invraisemblable pour un jeune homme qui avait été à Paris“ et put ainsi „offrir“ à Catherine „ce que personne n'avait eu“, mais il n'en était pas mieux préparé à remplir plus tard ses hautes fonctions. Impossible d'ailleurs, sans compromettre sa carrière, de lui refuser l'éducation française à la mode. Sous la direction de Mme Geoffrin, cet „arlequin sauvage“, selon sa propre expression, fit un bel esprit des plus brillants et un irrésistible conquérant de salon. Il eut comme „mamans“, outre Mme Geoffrin, la comtesse Brühl et notre brave Anne Ivanowna Bestoujeff, qui ne quittait pas ce beau „fils“ d'une semelle au tapis vert ni au souper. Et il attirait les jeunes femmes, par son air de gentilhomme accompli, faisant encore leur instruction en leur glissant à l'occasion quelque petit volume de la dernière nouveauté, dans le genre de La Pucelle d'Orléans. Mais sous les fleurs des raffinements de salon, avec „sa légère envolée de philosophie“ et sa pointe de sentimentalisme dans le goût du siècle, „il cachait“, dit Waliszewski, „une nature sèche et froide, un imperturbable égoïsme, et même un inépuisable fonds de cynisme“. Doué, sans doute, „d'une immense et ardente ambition“, il n'offrait pas la consistance voulue pour être roi, et „avait plutôt“, dit Schlosser, „l'étoffe d'un haut dignitaire de Cour“. Tout en sentant qu'il ne pouvait avoir, sur la mer démontée de la politique polonaise, d'autre „Boussole“ que Catherine, il caressait le rêve impossible de „se faire un nom dans le monde“. Avec sa devise en paroles: „Patience, prudence, vaillance“, il n'eut en pratique ni l'esprit, ni l'énergie nécessaires pour sortir de „sa position difficile entre la Boussole“ (Catherine) „et l'Agora“ (l'opinion publique du Royaume), et sa politique ambiguë ne lui servit qu'à passer pour un „ingrat“ près de Catherine et faire de la haine du Roi le „péché mignon“ des Polonais. Et on le comprend, de laisser échapper ces mots dans une lettre à Mme Geoffrin: „Ah! Maman, la difficile et lamentable affaire que d'être Roi de Pologne!“

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь КОНСТАНТИНЪ КСАВЕРІЕВИЧЪ ЛЮБОМИРСКІЙ, 1786—1870, сынъ генералъ-поручика князя Франца-Ксаверія Станиславовича Любомирскаго и третьей его жены Маріи Львовны Нарышкиной, родился 7 Ноября 1786 года; службу началъ корнетомъ 23 Ноября 1806 г. въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, изъ котораго чрезъ нѣсколько недѣль, въ Декабрѣ того же года, былъ переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Уварову. Въ кампанію 1807 года принималъ участіе во многихъ крупныхъ дѣлахъ, продолжая состоять при Уваровѣ, а именно: въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Ахендорфѣ, Гейльсбергѣ и, наконецъ, подъ Фридландомъ. За эту кампанію Любомирскій получилъ ордена св. Георгія 4 ст. и прусскій „Pour le mérite“. Въ 1808 г., 18 Марта, онъ былъ произведенъ въ поручики и во время Финляндской войны былъ при занятіи г. Тавастгуса. Участвуя въ походѣ въ Молдавію, Любомирскій отличился подъ Шумлой и Рущукомъ и въ бою при с. Батинѣ, за что и награжденъ орденами свв. Владиміра 4 ст. и Анны 2 ст. и 3 Августа (1810 г.) произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Въ 1812 г., 21 Апрѣля, Любомирскій былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, а черезъ годъ, 20 Апрѣля 1813 г., произведенъ въ полковники. Во время кампаніи 1813 г. участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ и подъ Лейпцигомъ. Получивъ за отличіе орденъ св. Владиміра 3 ст., Любомирскій въ концѣ 1813 и началѣ 1814 гг., командуя отдѣльнымъ казачьимъ отрядомъ на Рейнѣ, поддерживалъ сообщенія между различными корпусами союзныхъ арміи. Послѣ участія въ сраженіяхъ при Барь-сюръ-Объ, Арсисѣ и Фершампенуазѣ вступилъ въ Парижъ съ генераломъ Раевскимъ, послѣ чего получилъ рядъ иностранныхъ орденовъ. Въ 1816 г., 27 Октября, Любомирскій былъ переведенъ въ Преображенскій полкъ, а 17 Августа 1821 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять по арміи; 26 Сентября 1823 г. былъ назначенъ командиромъ бригады въ 3 пѣхотную дивизію. Въ 1829 г., 18 Февраля, Любомирскій былъ назначенъ командиромъ 6 пѣхотной дивизіи. Переведенный затѣмъ начальникомъ сначала 4-й, а потомъ 2-й дивизіи, Любомирскій сначала былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, а затѣмъ, 30 Декабря 1830 г., уволенъ отъ службы, получивъ 5 Августа 1825 г. за смотръ бригады орденъ св. Анны 1 степени. Онъ умеръ въ Апрѣлѣ 1870 г.

Князь Любомирскій, имѣвшій болѣе 4/т. душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи, былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Толстой, отъ которой имѣлъ сына Сигизмунда (р. 26 Ноября 1822 г.) и 6 дочерей: Теофилію (р. 1812 г.), Валентину (р. 1816 г.; въ замужствѣ за графомъ де-Сегюръ д'Агессо), Христину († 1851 г.; за княземъ Евг. Евг. Любомирскимъ), Ядвигу (за графомъ Адамомъ Грабовскимъ), Марію (за графомъ Владиславомъ Грабовскимъ) и Анну.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаловича.)

Le prince CONSTANTIN XAVÉRIEWITCH LUBOMIRSKY, 1786—1870, fils du prince François-Xavier Stanislavowitch Lubomirsky, général lieutenant, et de sa troisième femme Marie Lvowna Narychkine, naquit le 7 novembre 1786. Il entra au service le 23 novembre 1806 cornette au régiment des hussards de Grodno, d'où il passa quelques semaines plus tard, en décembre, aux hussards de la Garde comme aide de camp du général lieutenant Ouvaroff. La campagne de 1807, où, toujours attaché à Ouvaroff, il fut de plusieurs grandes batailles, Gutstadt, Ackendorf, Heilsberg et enfin Friedland, lui valut St-Georges de 4e classe et l'ordre prussien Pour le Mérite. Lieutenant le 18 mars 1808, il fit la campagne de Finlande, où il se trouva à la prise de Tavastehus. En Moldavie, il se signala sous Choumla et Rouchtchouk ainsi qu'au combat de Batine, gagna St-Vladimir de 4e classe et Ste-Anne de 2e classe, et passa capitaine de cavalerie en second le 3 août 1810. Aide de camp de Sa Majesté le 21 avril 1812, il fut promu colonel un an plus tard, le 20 avril 1813. La campagne de 1813, où il combattit à Lutzen, Bautzen et Leipzig, lui valut St-Vladimir de 3e classe, puis, à la fin de 1813 et au commencement de 1814, il commanda sur le Rhin un détachement de cosaques destiné à maintenir les communications des divers corps des Alliés. Après Bar-sur-Aube, Arcis et La Fère Champenoise, il entra à Paris avec le général Raewsky, et reçut alors toute une série de décorations étrangères. Il passa au régiment Préobragensky le 27 octobre 1816, puis, promu général major le 17 août 1821, fut affecté à l'Armée. Il fut ensuite nommé successivement chef de brigade à la 3e division d'infanterie le 26 septembre 1823, commandant de la 6e division d'infanterie le 18 février 1829, enfin commandant de la 4e division, puis de la 2e, après quoi il obtint d'abord un congé pour raisons de santé, puis prit sa retraite le 30 décembre 1830. Il avait été décoré le 5 août 1825 de Ste-Anne de 1re classe à une revue de sa brigade. Il mourut en avril 1870.

Le prince Lubomirsky, propriétaire de plus de 4000 têtes de paysans au gouvernement de Mohileff, avait épousé la comtesse Catherine Nikolaewna Tolstoï, dont il eut un fils, Sigismond (né 26 novembre 1822) et six filles: Théophilie (née 1812), Valentine (née 1816), mariée au comte de Ségur d'Aguesseau, Christine († 1851) au prince Eugène Lubomirsky, Hedwige au comte Adam Grabowsky, Marie au comte Vladislas Grabowsky, et Anne.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

167

Княгиня **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЛЮБОМИРСКАЯ**, 1789—1870, дочь оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстого (р. 1765 г., † 1816 г.), неизмѣннаго и любимаго спутника Александра I въ его путешествіяхъ, женатаго на пріятельницѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Барятинской. „Catiche“ воспитывалась вблизи Двора, пользовалась постояннымъ вниманіемъ и расположеніемъ Государыни, вращалась въ обществѣ графини В. И. Головиной и ея дочерей. Ея имя часто встрѣчается въ перепискѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны и въ запискахъ графини Головиной и ея дочери, графини П. И. Фредро. Въ замужствѣ она была за генералъ-лейтенантомъ княземъ Константиномъ Ксаверіевичемъ Любомирскимъ (р. 1786 г., † 1870 г.).

Отъ этого брака у ней былъ одинъ сынъ, князь Сигизмундъ (р. 26 Ноября 1822 г.), и 6 дочерей: Теофилія, Валентина (за графомъ Сегюръ), Христина (за княземъ Евг. Евг. Любомирскимъ), Ядвига (за графомъ Адамомъ Грабовскимъ), Марія (за графомъ Владиславомъ Грабовскимъ) и Анна.

(Съ портрета Лампи-сына; собственность княжны Е. К. Любомирской, въ Парижѣ.)

167

La princesse CATHERINE NIKOLAEWNA LUBOMIRSKY, 1789—1870, fille du grand maréchal de la Cour, le comte Nicolas Alexandrowitch Tolstoï (1765—1816), compagnon fidèle et préféré d'Alexandre Ier dans tous ses déplacements, et d'Anne Ivanowna, née princesse Bariatinsky, amie de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna. Elevée près de la Cour, Catiche fut entourée de la faveur et de toute la sympathie de la Souveraine, et fréquentait surtout la comtesse Golovine et ses filles; son nom revient constamment dans la correspondance de l'Impératrice, ainsi que dans les Mémoires de la comtesse Golovine et de sa fille, la comtesse Frédro. Elle épousa le prince Constantin Xavériewitch Lubomirsky (1786—1870).

Elle eut de ce mariage un fils, Sigismond (né 26 novembre 1822), et six filles: Théophilie, Valentine, mariée au comte de Ségur, Christine au prince Eugène Lubomirsky, Hedwige au comte Adam Grabowsky, Marie au comte Vladislas Grabowsky, et Anne.

(D'après l'original de Lampi fils, appartenant à la princesse C. Lubomirsky, Paris.)

168

Баронъ СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1758—1771, сынъ тайнаго совѣтника барона Николая Григорьевича (р. 1700 г., † 1758 г.), отъ брака съ Прасковьей Ивановной Бутурлиной (р. 1708 г., † 1758 г.), родился 16 Апрѣля 1738 г.; служилъ въ Конной гвардіи (во время Іюньскаго переворота 1762 г. былъ въ чинѣ подпоручика), дослужился до чина ротмистра л.-гв. Коннаго полка и вышелъ въ отставку съ чиномъ бригадира. Скончался баронъ С. Н. Строгановъ въ молодыхъ еще годахъ, 27 Августа 1771 г., и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Баронъ С. Н. Строгановъ былъ женатъ дважды: на Прасковьѣ Григорьевнѣ Будаковой и на княжнѣ Наталіѣ Михайловнѣ Бѣлосельской (р. 1743 г., † 1819 г.), отъ которой имѣлъ единственнаго сына Александра (р. 1771 г., † 1815 г.).

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

168

Le baron **SERGE NIKOLAEWITCH STROGANOFF**, 1738—1771, fils du baron Nicolas Grigoriewitch Stroganoff (1700—1758), conseiller privé, et de Prascovie Ivanowna, née Boutourline (1708—1758), naquit le 16 avril 1738. Il servit à la Garde à cheval, où il était sous-lieutenant au moment du coup d'état de juin 1762, et parvint au grade de capitaine de cavalerie; il prit sa retraite comme brigadier. Il mourut encore jeune le 27 août 1771, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le baron Stroganoff avait épousé, en premières noces, Prascovie Grigoriewna Boudakoff, et, en secondes noces, la princesse Natalie Mikhaïlowna Bélosselsky (1745—1819), dont il eut un fils unique, Alexandre (1771—1815).

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

Баронъ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1740—1789, сынъ барона Николая Григорьевича (р. 1700 г., † 1758 г.), отъ брака съ Прасковьей Ивановной Бутурлиной (р. 1708 г., † 1758 г.), началъ службу въ Конной гвардіи (во время Іюньскаго переворота 1762 г. числился въ спискахъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка въ чинѣ корнета) и дослужился до чина генералъ-аншефа. Скончался 13 Марта 1789 г. (такъ по надгробію, а по показанію племянника—16 Марта) и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Родной его племянникъ, князь П. М. Долгорукій, съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о немъ въ своемъ „Капищѣ“. Вотъ что, между прочимъ, онъ говоритъ о своемъ дядѣ: „Баронъ Александръ Николаевичъ отецъ мой крестной и незабвенной благодѣтель. Чѣмъ меньше я хотѣлъ зависѣть отъ него въ пособіяхъ жизни, дабы одолжену ими быть однимъ своимъ родителямъ, тѣмъ сильнѣе онъ участвовалъ во мнѣ и вырвалъ насильно мою преданность.... Онъ очень твердо противился браку моему съ Смирной и наклонялъ отца моего на свою сторону, чѣмъ, по страсти моей и молодости, охолодилъ меня къ себѣ совершенно, и я даже скрывался отъ него въ этомъ намѣреніи, какъ отъ врага, но послѣ, входя въ его причины, я долженъ былъ извинить его сопротивленіе; ибо оно происходило отъ благороднаго источника: онъ зналъ, что я не буду имѣть состоянія, достаточнаго для поддержанія семейства, а Смирная не имѣла вовсе ничего, и потому дядя, ища собственнаго моего благоденствія и зная лучше меня, что бѣдность его доставить не можетъ, всячески старался разорвать мое соединеніе съ этой дѣвушкой. Но, когда рокъ мой произнесъ приговоръ нашего супружества, тогда онъ первый, смягчивъ досаду и правильный гнѣвъ свой, осыпалъ меня дарами и благотвореніями, дабы вознаградить то, чего я не могъ пріобрѣсть. Прежде моей свадьбы онъ старался меня два раза сватать на двухъ богатыхъ невѣстахъ; но онѣ мнѣ не нравились, и онъ отнюдь не принуждалъ меня деспотически рѣшиться на женитьбу изъ корысти.... Онъ искренно любилъ мать мою, а по ней любилъ и меня, какъ сына. Имѣя безумную жену и ведя съ ней жизнь самую плачевную дома, онъ, въ лютѣйшіе ея пароксизмы, раздѣлялъ со мной свои сѣтованія и слезы. По случаю моей свадьбы у Двора, батюшка просилъ его замѣнить себя.... Онъ возилъ къ невѣстѣ дары моихъ родителей, благословилъ меня къ вѣнцу, и, не смотря на то, что мой бракъ былъ ему не по мысли, онъ, съ благороднымъ великодушьемъ, вошелъ въ обстоятельство, когда увидѣлъ, что его нельзя перемѣнить, и не показалъ даже вида малѣйшаго неудовольствія. Зная, что у меня нѣтъ ничего для заведенія дома, онъ его совершенно устроилъ.... Послѣ свадьбы, узнавъ короче жену мою и найдя въ ней достоинства, извинявшія ея бѣдность, онъ искренно полюбилъ ее, взялъ въ свое покровительство и, не удовлетворясь безпрестанными подарками, которыхъ стоила ему свадьба, перестроилъ весь мой флигель въ казармахъ, отдѣлалъ для насъ домъ порядочной съ антресолями, въ которой мы могли съ нѣкоторой прихотью переѣхать съ наемной квартиры. Столько услугъ и благодушныхъ поступковъ можно ли не назвать благодѣяніемъ?... Къ несчастью, онъ скончался безъ меня: я былъ въ Москвѣ. Онъ хворалъ недолго и, не достигши старости, умеръ до пятидесяти лѣтъ еще“. Строгановъ былъ женатъ на Елизаветѣ Александровнѣ Загряжской (р. 1745 г., † 1831 г.) и имѣлъ одного сына, Григорія (р. 1770 г., † 1857 г.; дипломатъ, получилъ въ 1826 г. титулъ графа), и 2 дочерей: Екатерину (р. 1769 г., † 1844 г.; за оберъ-церемоніймейстеромъ И. А. Нарышкинымъ) и Елизавету († 1818 г.; за П. П. Демидовымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

Le baron ALEXANDRE NIKOLAEWITCH STROGANOFF, 1740—1789, fils du baron Nicolas Grigoriewitch Stroganoff (1700—1758) et de Prascovie Ivanowna, née Boutourline (1708—1758), prit du service à la Garde à cheval, où il était cornette lors du coup d'état de Juin 1762, et parvint au grade de général en chef. Il mourut en 1789, le 13 mars d'après son épitaphe, le 16 selon son neveu, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

„Le baron Stroganoff", dit la chaleureuse notice que lui consacre son neveu le prince Ivan Dolgorouky dans le Sanctuaire de mon cœur, „est mon parrain et mon inoubliable bienfaiteur. Plus je voulais éviter ses libéralités pour ne rien devoir qu'à mes parents, plus il s'intéressait à moi: il a enlevé de haute lutte mon attachement.... Violemment opposé à mon mariage avec Mlle Smirnoï, il pesa sur mon père en ce sens et s'aliéna ainsi mes sentiments, en raison de ma passion et de ma jeunesse: j'en vins, dans la réalisation de mes plans, à me cacher de lui comme d'un ennemi. Dans la suite, pourtant, j'entrai dans ses vues et cessai de lui en vouloir, car son opposition était dictée par une bonne intention: il savait que mes moyens ne me permettraient pas de subvenir aux besoins d'une famille; la jeune fille n'avait d'ailleurs aucune fortune, et dès lors, ne voulant que mon bien et sachant mieux que moi que l'aisance en est la première condition, il faisait tout pour empêcher le mariage. Mais lorsque le sort en eut décidé autrement, il fut le premier à faire trêve à son dépit et à son juste courroux pour me combler de cadeaux et de bienfaits, et compenser ainsi l'insuffisance de ma fortune. Il fit encore avant mon union deux tentatives pour me procurer de riches partis, qui ne se trouvèrent pas de mon goût, mais d'ailleurs sans prétendre nullement m'imposer un mariage d'intérêt.... Dans sa sincère affection pour ma mère, il avait pour moi celle d'un père. Marié à une forcenée qui lui faisait un intérieur d'enfer, il venait, aux moments les plus pénibles, me faire partager ses plaintes et ses douleurs. Mon mariage se faisait à la Cour, et mon père l'avait prié de l'y représenter.... Il offrit à ma fiancée les cadeaux de mes parents, me donna la bénédiction paternelle, et eut le noble désintéressement de faire abstraction de son opinion personnelle et de prendre son parti d'une situation à laquelle il n'y avait plus à remédier, sans témoigner même la moindre apparence de mécontentement. Sachant qu'il n'y avait rien pour notre installation, il y pourvut entièrement.... Il fit ensuite plus ample connaissance avec ma femme, lui trouva des mérites qui compensaient sa pauvreté, lui voua une sincère affection, et lui témoigna toute son assistance: non content de ses innombrables cadeaux de noces, il fit encore transformer tout mon pavillon des casernes et nous eûmes une bonne maison avec des entre-sols, pour laquelle nous quittâmes sans regrets notre appartement en location. Tant de services et d'actes de bonté ne lui méritent-ils pas le nom de bienfaiteur?... Il mourut malheureusement en mon absence: j'étais à Moscou. Il fit une courte maladie, et succomba jeune encore, à moins de 50 ans".

Le baron Stroganoff avait épousé Elisabeth Alexandrowna Zagriajsky (1745—1831), dont il eut un fils, Grégoire (1770—1857), diplomate, comte en 1826, et deux filles, Catherine (1769—1844), mariée au grand maître des cérémonies I. Narychkine, et Elisabeth († 1818) à N. Démidoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

Графъ ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1774—1817, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича Строганова, президента Академіи Художествъ. Графъ А. С. Строгановъ былъ женатъ дважды, но оба брака были неудачны: первый бракъ—съ Анной Михайловной, рожд. графиней Воронцовой († 1769 г.), разстроила политика; вторая супруга его—Екатерина Петровна, рожд. княжна Трубецкая († 1815 г.), сама разорвала брачныя узы: вернувшись въ 1779 г. въ Петербургъ изъ Парижа, куда Строгановы отправились вскорѣ послѣ свадьбы, и гдѣ у нихъ родился 7 Іюня 1774 г. сынъ Павелъ, она увлеклась И. П. Корсаковымъ и оставила мужа. Нелегкую задачу воспитанія малолѣтняго сына графъ А. С. Строгановъ поручилъ французу Ж. Ромму, который совершилъ со своимъ воспитанникомъ, въ педагогическихъ цѣляхъ, рядъ путешествій по Россіи. По возвращеніи изъ послѣдняго путешествія въ Петербургъ молодой графъ, числившійся съ рожденія въ спискахъ Конной гвардіи, былъ переведенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ, съ зачисленіемъ адъютантомъ къ Потемкину. Это дало ему возможность уѣхать для завершенія образованія за границу, куда онъ и отправился вмѣстѣ съ Роммомъ въ 1787 году. Путешественники отправились въ Швейцарію, откуда въ началѣ 1789 г. перебрались въ Парижъ. Революціонное движеніе того времени, охватившее Парижъ, завлекло въ водоворотъ политической жизни не только француза-воспитателя, но и его русскаго воспитанника. Роммъ и графъ Строгановъ старались не пропускать засѣданій въ Версали и даже принимали участіе въ преніяхъ. Мало того, графъ Строгановъ вступилъ въ члены основаннаго Роммомъ клуба „Друзей закона“ и даже въ члены Якобинскаго клуба. По настоянію Императрицы Екатерины II, старикъ Строгановъ рекомендовалъ сыну оставить Парижъ. Въ Декабрѣ 1790 г. графъ П. А. Строгановъ, въ сопровожденіи П. П. Новосильцова, оставилъ Францію, а по пріѣздѣ въ Россію былъ посланъ Императрицей въ подмосковное село Братцово, гдѣ женился на княжнѣ Софіи Владиміровнѣ Голицыной, и гдѣ у него родился сынъ Александръ. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II онъ получилъ возможность переселиться въ Петербургъ. Еще ранѣе переименованный изъ поручиковъ въ камеръ-юнкеры, онъ при Павлѣ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Строгановъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Великаго Князя Александра Павловича; скоро произошло сближеніе между ученикомъ Лагарпа и ученикомъ Ромма, а въ моментъ воцаренія Императора Александра I графу П. А. Строганову суждено было „быть первымъ изъ друзей Александра, который удостоился слышать мысли его о предстоящихъ преобразованіяхъ“. Извѣстно, что графу П. А. Строганову принадлежитъ идея знаменитаго „Негласнаго комитета“; извѣстна и его роль въ немъ, какъ „самаго пылкаго“ члена, его рѣшительныя мнѣнія за освобожденіе крестьянъ, его взгляды на просвѣщеніе, работы въ „коммиссіи училищъ“ и т. д. Съ учрежденіемъ министерствъ Строгановъ былъ назначенъ товарищемъ министра. Время, однако, шло, интересы и взгляды Императора мѣнялись, мѣнялись и лица, пользовавшіяся его особымъ довѣріемъ: въ 1803 г. въ Петербургъ вновь явился А. А. Аракчеевъ, а въ Декабрѣ того же года „Негласный комитетъ“ прекратилъ свое существованіе; еще немного—и графъ П. А. Строгановъ воспользовался случаемъ оставить постъ товарища министра. Это случилось въ Мартѣ 1807 г., когда онъ былъ уволенъ отъ должности, которую несъ послѣдніе три года номинально. Правда, онъ еще не лишался благоволенія Государя, когда сопровождалъ Его Величество въ кампанію 1805 г., когда въ 1806 г. ѣздилъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Лондонъ, когда въ 1807 г. сопровождалъ снова Императора въ походѣ, но въ этомъ году довѣріе Государя уже было обращено на другихъ лицъ. И графъ Строгановъ, бывшій товарищъ министра, сенаторъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, поступилъ въ армію волонтеромъ. Боевое крещеніе онъ получилъ 24 Мая 1807 г., когда, атаковалъ при р. Алле обозы корпуса маршала Даву. Вся дальнѣйшая его военная служба была рядомъ выдающихся боевыхъ подвиговъ и блестящимъ доказательствомъ его способностей. Строгановъ участвовалъ въ войнахъ со Швеціей и Турціей и, затѣмъ въ званіи генералъ-адъютанта и командующаго дивизіей и корпусомъ въ войнахъ 1811—1813 гг., былъ нѣсколько разъ раненъ, получилъ рядъ крупныхъ наградъ до ордена св. Георгія 2-й ст. включительно, но тяжкая потеря омрачила его послѣдніе побѣдоносные шаги: въ битвѣ подъ Краономъ ядромъ оторвало голову его единственному сыну. Назначенный въ 1814 г. членомъ комитета для вспомоществованія неимущимъ увѣчнымъ воинамъ, онъ уже недолго прослужилъ отечеству: 10 Іюня 1817 г. онъ умеръ отъ чахотки въ дорогѣ, не далеко отъ Копенгагена. Графъ П. А. Строгановъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ портрета Монье, 1808 г.; Строгановское собраніе, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PAUL ALEXANDROWITCH STROGANOFF, 1774—1817, fils unique du comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, président de l'Académie des Beaux-Arts. Le comte Alexandre Stroganoff fit deux mariages, tous deux également malheureux: le premier, avec Anne Mikhaïlowna, née comtesse Worontzoff († 1769), eut à souffrir de la politique; quant au second, avec Catherine Pétrowna, née princesse Troubetzkoï († 1815), ce fut celle-ci qui le rompit elle-même: en rentrant à Pétersbourg en 1779 d'un voyage de noces à Paris où elle avait eu son fils Paul le 7 juin 1774, elle s'éprit d'I. Korsakoff et quitta son mari. La tâche difficile de l'éducation de l'enfant fut confiée par le père au français Romme, qui fit avec son élève une série de voyages d'instruction en Russie. A son retour à Pétersbourg, le jeune comte, enrôlé dès sa naissance à la Garde à cheval, passa lieutenant au régiment Préobragensky en qualité d'aide de camp de Potemkine, ce qui lui permit d'aller achever son éducation à l'étranger. Partis directement pour la Suisse en 1787, lui et son précepteur se rendirent au commencement de 1789 à Paris, où tous deux, seigneur russe et gouverneur français, furent entraînés dans la tourmente révolutionnaire: des plus assidus aux séances de Versailles, ils y prenaient même part aux débats; bien plus, le jeune Stroganoff se fit membre non seulement du club des Amis de la Loi fondé par Romme, mais encore de celui des Jacobins. Sur les instances de Catherine II, son père lui fit quitter Paris. Parti de France en décembre 1790 avec N. Novossiltzoff, il fut envoyé par l'Impératrice, dès son arrivée en Russie, au bourg de Bratzovo, près Moscou, où il épousa la princesse Sophie Vladimirowna Golitzyne et eut son fils Alexandre. A la fin du règne de Catherine II, il put rentrer à Pétersbourg; il avait permuté de lieutenant gentilhomme de la chambre et, sous Paul Ier, devint chambellan actuel. Il fit une vive impression sur le Grand-Duc Alexandre; bientôt l'élève de Laharpe et celui de Romme se prirent d'une étroite amitié, et, à l'avènement d'Alexandre Ier, le comte Paul Stroganoff devait „être le premier de ses amis auquel il daigna faire part de ses projets de réformes". On sait que c'est également lui qui donna l'idée du célèbre Comité Secret; on sait enfin „l'ardeur toute particulière" qu'il déploya aux séances, ses idées arrêtées sur l'émancipation des serfs, ses vues en matière d'instruction publique, ses travaux de la Commission Scolaire, etc.... Lors de la fondation des ministères, il fut fait ministre adjoint. Avec le temps, cependant, les intérêts et les opinions de l'Empereur changeaient, et ses hommes de confiance étaient aussi remplacés: en 1803, Araktchéeff revenait à Pétersbourg, et en décembre de la même année, le Comité Secret avait cessé d'exister. Le comte Paul Stroganoff n'attendait plus que l'occasion de quitter un poste que trois ans encore il n'occupa que nominalement: en mars 1807, il résignait enfin ses fonctions de ministre adjoint. Sans doute, il n'avait rien perdu de sa faveur près de l'Empereur, lorsqu'il l'accompagnait à la campagne de 1805, lorsqu'il allait à Londres en 1806 avec une mission diplomatique, lorsqu'en 1807, il était encore aux côtés de Sa Majesté en campagne, mais dès cette époque, la confiance de l'Empereur s'était déplacée. Et le comte Stroganoff, ancien ministre adjoint, sénateur, conseiller privé, s'engagea volontaire à l'armée. Il reçut le baptême du feu le 24 mai 1807, dans son attaque des transports du corps de Davoust sur l'Alle, et toute sa carrière militaire ne fut qu'une suite de brillants exploits et de preuves éclatantes de supériorité. Il fit les campagnes de Suède et de Turquie, puis, général aide de camp et commandant de division et de corps d'armée, reçut plusieurs blessures aux campagnes de 1811/1813, qui lui valurent une série de hautes distinctions, y compris St-Georges de 2e classe. Pourtant une perte cruelle vint assombrir ses derniers exploits: à la bataille de Craonne, son fils unique eut la tête emportée par un boulet. Nommé en 1814 membre du comité de secours aux invalides indigents, il n'avait plus longtemps à servir son pays: le 10 juin 1817, il mourait phtisique au cours d'un voyage en mer, non loin de Copenhague. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Monnier, 1808, Collection Stroganoff, St-Pétersbourg.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1794—1814, единственный сынъ друга Александра I, графа Павла Александровича (р. 1772 г., † 1817 г.), отъ брака съ княжной Софіей Владиміровной Голицыной (р. 1775 г., † 1845 г.), родился въ 1794 г., а не въ 1795 г., какъ ошибочно указываютъ родословныя: уже 31 Октября 1794 г. его дѣдъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, писалъ своему сыну и невѣсткѣ: „Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon cœur et donne ma bénédiction à M. Alexandre". Маленькому Строганову въ Октябрѣ 1794 г. было уже нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ отъ 11 Декабря 1794 г. сохранилось слѣдующее извѣстіе о немъ, также въ письмѣ дѣда: „Les nouvelles de la dentition d'Alexandre m'inquiètent un peu". Въ 1813 г. графъ Павелъ Александровичъ, разстроившій здоровье во время Отечественной войны и лѣчившійся въ Петербургѣ, отправился снова въ дѣйствующую армію и взялъ съ собою 19-лѣтняго сына; они пріѣхали на театръ военныхъ дѣйствій какъ разъ передъ Лейпцигскимъ сраженіемъ, такъ что могли принять въ немъ участіе. Подъ молодымъ графомъ была убита лошадь. Военная карьера графа Александра Строганова, подававшаго большія надежды, продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ: онъ перешелъ съ арміей за Рейнъ въ предѣлы Франціи, и здѣсь, 23 Февраля 1814 г., во время сраженія при Краонѣ былъ убитъ: ему ядромъ снесло голову. Отецъ, самъ участвовавшій въ этомъ сраженіи, такъ сообщилъ женѣ объ ихъ утратѣ: „Dans une bataille très sanglante que nous avons eue près de Craonne, entre cette ville et Laon, où je commandais, notre pauvre Alexandre a payé de sa vie. Le combat a été glorieux, mais tu sens ce qu'il m'a coûté, et la douleur dont j'ai été frappé! Je n'entrerai dans aucun autre détail. Le deuil général de ses chefs et de ses camarades, les larmes qui lui ont été données, offrent toute la compensation possible qu'on puisse attendre dans un cas pareil". Дѣйствительно, безвременная гибель юноши вызвала всеобщія сожалѣнія. Даже въ офиціальномъ рапортѣ Барклаю-де-Толли баронъ Сакенъ упоминалъ о смерти Строганова въ такихъ сердечныхъ выраженіяхъ: „Юноша храбрый и милой, графъ Строгановъ тутъ также жизнь свою положилъ". П. М. Лонгиновъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову называетъ Строганова „excellent jeune homme, des plus grandes espérances pour sa respectable famille". Строгановъ погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На могилѣ его слѣдующая надпись: „Убитъ 23 Февр. 1814 подъ Краономъ въ битвѣ между 15000 Рос. войскъ, которыми предводительствовалъ его отецъ, и слишкомъ 50000 непріятельской арміей подъ личнымъ начальствомъ Наполеона".

(Съ портрета Свинцова; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

171

Le comte **ALEXANDRE PAVLOWITCH STROGANOFF**, 1794—1814, fils unique du comte Paul Alexandrowitch Stroganoff (1772—1817), l'ami d'Alexandre Ier, et de la princesse Sophie Vladimirowna Golitzyne (1775—1845), naquit en 1794, et non en 1795, comme le disent à tort les généalogies: le 31 octobre 1794, le grand-père, le comte Alexandre Serguéewitch Stroganoff, écrit à son fils et à sa bru: „Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon cœur et donne ma bénédiction à M. Alexandre"; l'enfant avait déjà quelques mois à cette époque, comme l'indique ce passage d'une autre lettre du grand-père, en date du 11 décembre suivant: „Les nouvelles de la dentition d'Alexandre m'inquiètent un peu". En 1813, son père, dont la santé avait été fort éprouvée lors de la Guerre Patriotique et qui était venu se soigner à Pétersbourg, l'emmena, alors âgé de 19 ans, en repartant pour la guerre: ils arrivèrent sur le théâtre des opérations juste à temps pour prendre part à la bataille de Leipzig, et le jeune homme eut son cheval tué sous lui. Sa carrière, qui donnait de grandes espérances, ne dura que quelques mois: dans les rangs de l'armée qui venait de franchir le Rhin et d'envahir la France, il eut la tête emportée par un boulet à Craonne, le 25 février 1814. Son père, qui avait lui-même pris part à la bataille, annonce ainsi la nouvelle à sa femme: „Dans une bataille très sanglante que nous avons eue près de Craonne, entre cette ville et Laon, où je commandais, notre pauvre Alexandre a payé de sa vie. Le combat a été glorieux, mais tu sens ce qu'il m'a coûté, et la douleur dont j'ai été frappé! Je n'entrerai dans aucun autre détail. Le deuil général de ses chefs et de ses camarades, les larmes qui lui ont été données, offrent toute la compensation possible qu'on puisse attendre dans un cas pareil". Et de fait, la fin prématurée du jeune comte provoqua des regrets universels; il n'est pas jusqu'au rapport officiel de Barclay de Tolly où le baron Sacken ne s'exprime en ces termes flatteurs: „Un vaillant et charmant jeune homme, le comte Stroganoff, y a aussi payé de sa vie", et Longuinoff dit de lui dans une lettre au comte Simon Worontzoff: „...excellent jeune homme, des plus grandes espérances pour sa respectable famille".

Le comte Stroganoff fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. On lit sur sa tombe l'inscription suivante: „Tué le 25 février 1814 sous Craonne, dans une bataille entre 15.000 Russes commandés par son père et une armée de plus de 50.000 ennemis sous le commandement personnel de Napoléon".

(D'après un original de Svintzoff, appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouvernement de Moscou.)

172

Графъ ВАЛЕНТИНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1801—1833, сынъ члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа (до 22 Августа 1826 г. барона) Григорія Александровича (р. 1770 г., † 1857 г.), отъ перваго брака его съ княжной Анной Сергѣевной Трубецкой (р. 1765 г., † 1824 г.), родился 4 Ноября 1801 года. Въ 1822 г. онъ поступилъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 1 Января 1826 г. произведенъ въ корнеты, въ 1827 г. назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту П. П. Де-Прерадовичу и въ 1828 г. произведенъ въ поручики. Въ 1829 г. Строгановъ вышелъ въ отставку по болѣзни, но черезъ годъ вернулся въ полкъ и въ 1833 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры.

Графъ В. Г. Строгановъ скончался 4 Ноября 1833 г. и погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. По словамъ К. Я. Булгакова, онъ, несмотря на свои молодые годы, долго страдалъ отъ водяной болѣзни.

(Съ миніатюры Соколова; собственность князя П. П. Голицына, с. Марьино, Новгородской губ.)

172

Le comte VALENTIN GRIGORIEWITCH STROGANOFF, 1801—1833, fils du comte (baron jusqu'au 22 août 1826) Grégoire Alexandrowitch Stroganoff (1770—1857), conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, et de sa première femme, née princesse Anne Serguéewna Troubetzkoï (1765—1824), naquit le 4 novembre 1801. Enrôlé en 1822 sous-officier au régiment des Chevaliers-Gardes, il passa cornette le 1er janvier 1826, fut nommé en 1827 aide de camp du général aide de camp De-Préradowitch et promu lieutenant en 1828. Il obtint en 1829 un congé de convalescence, mais reprit du service au bout d'un an et passa en 1833 capitaine de cavalerie en second. Il mourut le 4 novembre 1833 et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Tout jeune qu'il était, le comte Stroganoff, dit Constantin Boulgakoff, souffrit longtemps d'hydropisie.

(D'après une miniature de Sokoloff, appartenant au prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Novgorod.)

Графиня ЮЛІЯ ПЕТРОВНА СТРОГАНОВА, 1782—1864, дочь португальскаго графа д'Альмейда Ойенгаузенъ (d'Almeyda Oyenhausen) родилась 20 Августа 1782 года. Будучи въ первомъ бракѣ замужемъ за графомъ да-Ега (da Ega), португальскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, она встрѣтилась тамъ съ барономъ Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ (р. 1770 г., † 1857 г.), бывшимъ съ 1805 по 1810 г. россійскимъ полномочнымъ министромъ при Испанскомъ дворѣ и, когда онъ долженъ былъ возвратиться въ Россію, послѣдовала за нимъ въ Петербургъ. Хотя графиня нигдѣ не показывалась и встрѣтить ее можно было только на холостой квартирѣ барона Григорія Александровича, на углу Невскаго и Б. Морской, гдѣ она иногда танцовала качучу передъ кружкомъ его близкихъ пріятелей, романъ его съ красавицей португалкой извѣстенъ былъ всему городу и возбуждалъ извѣстное неудовольствіе при Дворѣ, гдѣ баронъ Строгановъ былъ очень близкимъ лицомъ, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Великаго Князя Николая Павловича. Въ 1824 г. скончалась жена барона Г. А. Строганова, баронесса Анна Сергѣевна, рожденная княжна Трубецкая, а въ 1826 г., на коронацію Императора Николая, баронъ Строгановъ былъ пожалованъ въ графское достоинство, и при первой встрѣчѣ съ нимъ послѣ этого Государь сказалъ ему: „Et maintenant, comte, il serait digne de vous marier". Графъ Строгановъ понялъ намекъ, и графиня да-Ега сдѣлалась графиней Юліей Петровной Строгановой. Бракъ этотъ не могъ не вызвать большого смущенія среди многочисленной и знатной Строгановской родни, и, чтобы ввести свою вторую жену въ Петербургское общество, графъ Строгановъ прибѣгъ къ помощи своей сестры, Екатерины Александровны Нарышкиной, пользовавшейся большимъ вліяніемъ въ свѣтѣ. Пріѣхавъ нарочно изъ Москвы и остановившись у своей близкой пріятельницы, жены министра финансовъ, графини Прасковьи Николаевны Гурьевой, рожденной Салтыковой, она усадила свою невѣстку въ карету и развезла ее по всей роднѣ и самымъ строгимъ Петербургскимъ домамъ, обезпечивъ ей этимъ самый радушный пріемъ. Графиня Юлія Петровна, чуждая всякихъ претензій и обладая большимъ тактомъ, скоро заняла подобающее ей положеніе въ столичномъ обществѣ, чему много способствовало и непзмѣнное благоволеніе, оказываемое Строгановымъ при Дворѣ. Балы ихъ посѣщались членами Царской фамиліи. Жили они въ большой любви и согласіи; графиня Юлія Петровна была большая щеголиха, всегда одѣвалась чрезвычайно моложаво для своихъ лѣтъ и въ старости казалась дочерью жены старшаго сына своего мужа, графини Натальи Павловны Строгановой, бывшей гораздо моложе ея, но одѣвавшейся по-старушечьи. Въ 1862 г. графиня Юлія Петровна Строганова была пожалована въ статсъ-дамы; скончалась она 2 Ноября 1864 г. и погребена въ склепѣ католической церкви въ Царскомъ Селѣ. Бракъ графини Юліи Петровны Строгановой былъ бездѣтный.

(Съ миніатюры Изабе, 1818 г.; собственность князя П. П. Голицына, с. Марьино, Новгородской губ.)

173

La comtesse **JULIE PÉTROWNA STROGANOFF**, 1782—1864, fille du comte portugais d'Almeida-Oyenhausen, naquit le 20 août 1782. En premières noces comtesse da Ega, femme de l'ambassadeur de Portugal à Madrid, elle rencontra dans cette ville le baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff (1770—1857), de 1805 à 1810 ministre plénipotentiaire près la Cour d'Espagne, et vint avec lui à Pétersbourg. Elle ne paraissait nulle part et ne se faisait voir que chez lui, dans son pied-à-terre au coin de la Perspective Newsky et de la Grande Morskaïa, où elle dansait parfois la katchucha dans un petit cercle d'intimes, mais l'histoire n'était un secret pour personne et fit très mauvais effet à la Cour, où le baron était fort en faveur, en particulier près du Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Deux ans après la mort de sa femme, née princesse Anne Troubetzkoï, il venait d'être fait comte à l'occasion du Couronnement, quand l'Empereur lui dit: „Et maintenant, Comte, il serait digne de vous marier". C'est ainsi que la comtesse da Ega devint comtesse Stroganoff. Le mariage ne manqua pas de faire grand bruit dans la nombreuse et noble famille Stroganoff, et, pour introduire sa seconde femme dans la société de Pétersbourg, le comte dut faire appel à toute l'autorité dont jouissait dans le monde sa sœur Catherine Narychkine, qui vint exprès de Moscou, descendit chez sa grande amie, la femme du ministre Gourieff, née Prascovie Saltykoff, et fit faire à sa belle-sœur le tour de toute la famille et des salons les plus fermés de la ville: l'accueil fut partout des plus empressés. Exempte de prétentions et douée d'un tact consommé, la comtesse, grâce surtout à la faveur dont elle et son mari ne cessèrent d'être l'objet à la Cour, se fit rapidement une place dans la société; elle eut même à ses bals des membres de la Famille Impériale. Des plus heureuses en ménage, c'était une grande élégante, toujours mise comme une jeune femme en dépit de l'âge: sur ses vieux jours, elle avait l'air d'être la fille de la comtesse Natalie Stroganoff, femme de l'aîné de ses beaux-fils, qui, beaucoup plus jeune qu'elle, s'habillait au contraire comme une personne d'âge. Dame d'honneur en 1862, elle mourut le 2 novembre 1864, et fut inhumée dans la crypte de l'église catholique de Tzarskoïé Sélo. Elle n'eut pas d'enfants.

(D'après un original d'Isabey, 1818, appartenant au prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Moscou.)

Графъ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ, 1794—1882, старшій сынъ барона, впослѣдствіи графа, Григорія Александровича Строганова, отъ его брака съ княжной Анной Сергѣевной Трубецкой, родился 8 Ноября 1794 года. Окончивъ курсъ въ Институтѣ Путей Сообщенія, С. Г. Строгановъ поступилъ въ военную службу; въ 1811 г. онъ получилъ первый офицерскій чинъ, въ 1812 г. участвовалъ въ Отечественной войнѣ, съ 1813 по 1815 г. въ заграничныхъ походахъ; онъ принималъ также участіе въ Турецкой войнѣ 1828 г. и, наконецъ, въ Севастопольской кампаніи. Военный мундиръ онъ носилъ до конца дней своихъ и умеръ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, но имя его принадлежитъ не столько военной исторіи, сколько исторіи русскаго просвѣщенія. На этомъ поприщѣ дѣятельность его началась съ 1826 года, въ качествѣ члена „Комитета устройства учебныхъ заведеній“. Въ работахъ Комитета онъ принималъ энергичное участіе. Всего лучше свой серіозный интересъ дѣломъ просвѣщенія, административныя способности, независимость и вмѣстѣ съ тѣмъ тактичность графъ С. Г. Строгановъ высказалъ на посту попечителя Московскаго учебнаго округа, который онъ занялъ послѣ недолговременнаго исполненія обязанностей военнаго губернатора въ Ригѣ и Минскѣ. Время управленія Строганова Московскимъ учебнымъ округомъ и старѣйшимъ въ Имперіи университетомъ (1835—1847) составило въ исторіи послѣдняго эпоху, именуемую „Строгановскимъ временемъ“. Правда, ко времени вступленія Строганова въ управленіе округомъ университетъ уже доживалъ „архаическій“ періодъ своего существованія: въ студенческой средѣ закипала новая жизнь, на каѳедрахъ появлялись профессора, отмѣченные истиннымъ дарованіемъ, но тѣмъ болѣе ума, такта и независимости требовалось по тѣмъ временамъ отъ попечителя. Графъ Строгановъ умѣлъ находить, поощрять и поддерживать таланты: Бодянскій, Буслаевъ, Грановскій, Кавелинъ, Кудрявцевъ, Соловьевъ..., вотъ университетскіепрофес сора „Строгановскаго времени“... Пониманіе Строгановымъ необходимости высшаго образованія сказалось и въ его рѣзкомъ отвѣтѣ министру на предложеніе послѣдняго ограничить доступъ въ университеты лицамъ низшихъ сословій. Близко принимая къ сердцу нужды просвѣщенія, Строгановъ пробовалъ бороться и съ цензурными стѣсненіями. Заботы Строганова объ укрѣпленіи высшаго образованія шли у него рука объ руку съ принятіемъ мѣръ къ улучшенію гимназій и низшей школы: онъ составилъ „Положеніе о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ“. Несогласія съ министромъ Уваровымъ побудили Строганова оставить постъ попечителя. Въ эпоху графа Д. А. Толстого графъ Строгановъ былъ сторонникомъ его реформъ и между прочимъ энергично поддерживалъ принципъ раздѣленія средней школы на реальную и классическую. Исчерпывая служебный формуляръ графа С. Г. Строганова, упомянемъ, что онъ былъ около полугода (1859 и 1860 гг.) Московскимъ генералъ-губернаторомъ, а съ половины 1860 г. до кончины Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича († 1865 г.)—главнымъ руководителемъ воспитанія Его Императорскаго Высочества. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить глубокой и серіозной любви графа С. Г. Строганова къ археологіи, которая была его любимымъ занятіемъ. Ему много обязано Общество исторіи и древностей Россійскихъ, коего онъ былъ въ теченіе 37 лѣтъ предсѣдателемъ (1837—1874) и которому исходатайствовалъ титулъ Императорскаго и постоянную субсидію. Ему же обязана своимъ возникновеніемъ Археологическая Комиссія. Подъ его руководствомъ и отчасти на его средства напечатаны „Древности Россійскаго Государства“ и рядъ другихъ трудовъ по археологіи, въ которой онъ выступалъ и въ качествѣ автора: такъ, ему принадлежитъ археологическое описаніе „Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ“, древности котораго реставрированы на средства графа. Кромѣ того, графъ С. Г. Строгановъ былъ отличный знатокъ русской нумизматики и иконописи, обладавшій богатѣйшими коллекціями. Любитель искусствъ вообще и въ особенности живописи и скульптуры, онъ оставилъ по себѣ память не только какъ собиратель, пріумножившій извѣстную свою фамильную галлерею, но и какъ основатель въ Москвѣ (въ 1825 г.) первой рисовальной школы (Строгановское училище).

Графъ С. Г. Строгановъ скончался 27 Марта 1882 г. въ Петербургѣ и похороненъ въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ на графинѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой (р. 1796 г., † 1872 г.); отъ брака этого, принесшаго ему графскій титулъ и майоратъ, родились сыновья: Александръ, Павелъ, Григорій, Николай и дочери: Софія и Елизавета.

(Съ акварельнаго портрета Свинцова, 1821 г.; собственность М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte SERGE GRIGORIEWITCH STROGANOFF, 1794—1882, fils aîné du baron, plus tard comte, Grégoire Alexandrowitch Stroganoff et de la princesse Anne Sergueewna, née Troubetzkoï, naquit le 8 novembre 1794. Après avoir terminé ses études à l'Ecole des Ponts et Chaussées, il devint militaire et passa officier en 1811. Il fit successivement, en 1812 la Guerre Patriotique, de 1813 à 1815 les campagnes d'Europe, en 1828 celle de Turquie, enfin la Campagne de Crimée. Militaire toute sa vie, il mourut général de cavalerie et général aide de camp, mais son nom appartient moins à l'armée qu'à l'instruction publique, où il débute en 1826 comme membre du Comité d'organisation des établissements scolaires: il y déploie une grande énergie. Son sérieux intérêt pour l'instruction publique, ses capacités d'administrateur, ses qualités d'indépendance et de tact se révèlent surtout au poste de curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou, auquel il fut appelé après avoir quelque temps rempli les fonctions de gouverneur militaire de Riga et de Minsk. Les douze années (1835—1847) qu'il y passa ont conservé le nom de Période Stroganoff et font époque dans l'histoire de la plus ancienne université russe. Au moment où il en prenait en mains la direction, l'université de Moscou se dégageait déjà, il est vrai, de sa période „archaïque": dans la jeunesse fermentait une sève nouvelle, aux chaires montaient des professeurs de véritable talent; il n'en fallait chez le curateur, à l'époque, que plus de tête, de tact et d'indépendance. Le comte Stroganoff sut découvrir, encourager et soutenir les talents: Bodiansky, Bouslaïeff, Granowsky, Kavéline, Koudriavtzeff, Solovieff,.... tels furent les professeurs de la Période Stroganoff.... Il jugeait l'enseignement supérieur indispensable, et le montra bien en répliquant carrément au ministre qui lui proposait de restreindre l'admission des basses classes aux universités. Dans sa sollicitude pour les intérêts de l'instruction, il s'attaqua également aux vexations de la censure. Et non content de ses efforts au service de l'enseignement supérieur, il tint à perfectionner encore l'enseignement secondaire et l'enseignement primaire et élabora un Règlement des Ecoles Primaires municipales de Moscou. Des divergences de vues avec le ministre Ouvaroff lui firent résigner ses fonctions de curateur. Plus tard, il se rangea au plan de réformes du comte D. Tolstoï, et préconisa par exemple avec énergie le principe de la division de l'enseignement secondaire en deux branches, études classiques et études modernes. Ajoutons, pour être complet, qu'il fut environ six mois (1859/1860) général gouverneur de Moscou, et eut depuis l'été de 1860 jusqu'à la mort du Césarewitch Nicolas Alexandrowitch († 1865), la haute main sur la direction de ses études. Enfin on ne saurait passer sous silence son goût profond et sérieux pour l'archéologie, son occupation préférée. Il fit beaucoup pour la Société d'Histoire et d'Antiquités Russes, dont il fut trente-sept ans président, de 1857 à 1874, et qui lui dut son titre de Société Impériale et sa subvention annuelle. Il fut également fondateur de la Commission Archéologique. Enfin c'est sous sa direction et en partie à ses frais que furent publiés, outre les Antiquités Nationales Russes, de nombreux travaux d'archéologie, dont quelques-uns de lui-même, comme sa description de La Cathédrale St-Dmitri à Vladimir sur la Kliazma, dont il fit restaurer à ses frais les antiquités. Il était en outre grand connaisseur et sérieux collectionneur de numismatique et d'art religieux russes. Amateur d'art en général, et en particulier de peinture et de sculpture, il est connu comme tel non seulement par sa célèbre galerie de famille qu'il enrichit si considérablement, mais encore comme fondateur à Moscou (en 1825) de la première école de dessin, qui porte encore son nom.

Le comte Stroganoff mourut le 27 mars 1882 à Pétersbourg, et fut inhumé à l'église St-Théodore, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé la comtesse Natalie Pavlowna Stroganoff (1796—1872); de ce mariage, qui lui transmettait le titre de comte et le majorat de la famille, il eut quatre fils, Alexandre, Paul, Grégoire et Nicolas, et deux filles, Sophie et Elisabeth.

(D'après une aquarelle de Svintzoff, 1821, appartenant à Mme M. Voéikoff, St-Pétersbourg.)

Графиня НАТАЛІЯ ПАВЛОВНА СТРОГАНОВА, 1796—1872, старшая изъ четырехъ дочерей графа Павла Александровича и графини Софіи Владиміровны Строгановыхъ, родилась 7 Мая 1796 года. За смертью въ 1814 году единственнаго брата своего, графа Александра Павловича, убитаго въ битвѣ при Краонѣ, она, согласно составленному ея отцомъ и Высочайше утвержденному уже послѣ его смерти майоратному акту, дѣлалась, по кончинѣ матери, единственной наслѣдницей Строгановскаго состоянія, и къ мужу ея долженъ былъ перейти графскій титулъ Строгановыхъ. Естественно было, что, по родственнымъ и семейнымъ соображеніямъ, родители ея желали ей въ мужья одного изъ представителей Строгановскаго дома изъ другой, баронской его вѣтви. Таковымъ являлся молодой баронъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ (р. 1794 г., † 1882 г.), сынъ троюроднаго брата графа П. А. Строганова, барона Григорія Александровича Строганова. Молодой человѣкъ этотъ сопровождалъ графа П. А. Строганова въ 1817 году въ его предсмертномъ путешествіи за границу и присутствовалъ при его кончинѣ на кораблѣ 10 Іюня 1817 года. По разсказамъ современниковъ, баронъ Сергѣй Григорьевичъ пытался одно время отклонить отъ себя павшій на него выборъ, но, побѣжденный въ своемъ упрямствѣ прелестною личностью своей суженой невѣсты, женился на графинѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой скоро послѣ смерти ея отца и получилъ вмѣстѣ съ этимъ титулъ графа. Этотъ бракъ положилъ начало новой графской линіи Строгановыхъ, въ лицѣ четырехъ сыновей, графовъ Александра, Павла, Григорія и Николая Сергѣевичей Строгановыхъ, и двухъ дочерей, Софіи (въ замужствѣ за графомъ П. П. Толстымъ) и Елизаветы (за княземъ А. В. Мещерскимъ).

Графиня Наталія Павловна Строганова была женщина удивительной доброты, сердечной кротости и мягкости характера. „Въ особенности отличалась она“, говоритъ одно изъ близко знавшихъ ее лицъ, „состраданіемъ къ ближнему и вообще неимущимъ людямъ; вся ея жизнь вращалась въ кругу своей семьи, дѣлящей добра, и другого міра у нея не было. Такъ она начала свое существованіе, такъ провела всю свою жизнь, такъ и отошла въ вѣчность“.

Графиня Наталія Павловна Строганова скончалась 7 Октября 1872 года и погребена въ Ѳеодоровской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ акварельнаго портрета Свинцова, 1821 г.; собственность М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.)

175

La comtesse NATALIE PAVLOWNA STROGANOFF, 1796—1872, l'aînée des quatre filles du comte Paul Alexandrowitch et de la comtesse Sophie Vladimirowna Stroganoff, naquit le 7 mai 1796. La mort de son unique frère Alexandre, tué à Craonne en 1814, la faisait héritière à la mort de sa mère du majorat institué par son père et confirmé plus tard par S. M. l'Empereur, et qui transmettait à son mari le titre de comte des Stroganoff. Raisons de famille, souci des prérogatives de race, tout portait naturellement les parents à rechercher une alliance avec l'autre branche des Stroganoff, celle des barons, dont l'aîné, le jeune baron Serge Grigoriewitch Stroganoff (1794—1882), fils d'un cousin au troisième degré du comte Paul Stroganoff, le baron Grégoire Alexandrowitch Stroganoff, avait reçu le dernier soupir du père de la jeune comtesse le 10 juin 1817 au cours du voyage à l'étranger dans lequel il l'accompagnait. Le jeune baron, disent les contemporains, ne s'était pas soucié d'abord de l'union où on voulait l'engager, mais bientôt les charmes de sa fiancée eurent raison de sa résistance, et le mariage, qui se fit au début de 1818, lui donna le titre de comte et fut l'origine d'une nouvelle branche de comtes Stroganoff, celle des quatre comtes Alexandre, Paul, Grégoire et Nicolas et des deux comtesses Sophie, mariée au comte I. Tolstoï, et Elisabeth au prince A. Mechtchersky.

La comtesse Natalie Stroganoff était un modèle de bonté, de douceur et de mansuétude. „Elle se distinguait surtout", dit un témoignage particulièrement autorisé, „par son amour du prochain et sa sollicitude pour les malheureux; vie de famille, œuvres de charité, telle était son existence, et toute son existence. C'est ainsi qu'elle débuta dans la carrière, qu'elle la parcourut tout entière, et qu'elle passa dans l'éternité".

La comtesse Natalie Stroganoff mourut le 7 octobre 1872, et fut inhumée dans l'église St-Théodore, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une aquarelle de Svintzoff, 1821, appartenant à Mme M. Voĕikoff, St-Pétersbourg.)

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛИССИНО, 1718—1795, происходилъ изъ греческой фамиліи, считавшейся очень знатной и родственной императорамъ династій Исаврійской и Компеновъ. Отецъ его, Иванъ Аѳанасьевичъ, выѣхавшій при Петрѣ I въ Россію съ острова Кефалоніи, съ 1740 по 1752 годъ занималъ постъ вице-президента сначала Коммерцъ-Коллегіи, а потомъ Мануфактуръ-Коллегіи. 5 Февраля 1740 г. „кадетъ“ Мелиссино, называвшійся тогда почему-то по-нѣмецки Іоганномъ, былъ опредѣленъ къ лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ въ Камеръ-Контору, а 3 Октября, уже въ чинѣ подпоручика, назначенъ асессоромъ въ Юстицъ-Коллегію. 18 Октября 1757 г. надворный совѣтникъ Мелиссино былъ произведенъ въ „совѣтники канцеляріи“ Академіи Наукъ и назначенъ директоромъ Московскаго университета. 10 Іюня 1763 года онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сунода, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Назначенный еще въ 1767 году опекуномъ Воспитательнаго дома, Мелиссино 24 Октября 1768 г. былъ уволенъ отъ должности оберъ-прокурора, съ чиномъ тайнаго совѣтника, а въ 1771 году былъ назначенъ однимъ изъ кураторовъ Московскаго университета. Мелиссино умеръ 25 Марта 1795 года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Владиміровнѣ Долгорукой, но дѣтей не имѣлъ.

Избранный Екатериною II въ оберъ-прокуроры въ качествѣ человѣка, „не ослѣпленнаго предразсудками“, Мелиссино въ дѣлѣ полнаго подчиненія духовенства свѣтской власти былъ усернымъ помощникомъ своей Государыни, третировавшей синодальныхъ членовъ, не какъ іерарховъ съ правомъ самостоятельнаго голоса въ дѣлахъ церковныхъ, а какъ „вѣрнѣйшихъ подданныхъ“, обязанныхъ безпрекословно повиноваться своей Монархинѣ. Извѣстные „пункты“, предложенные Мелиссино Сунoду въ 1767 году, представляютъ ту самую программу церковныхъ реформъ, которою „угрожалъ отечественной Церкви“ низвергнутый Петръ III, и которую до сихъ поръ выдвигаютъ ретивые не по разуму духовные радикалы и враждебные Церкви передовые міряне. Читая эту программу, не знаешь, удивляться ли легкомыслію этихъ богослововъ-реформаторовъ, которые, не понимая духа православнаго народа, надѣялись установить въ Россіи какой-то лютеранскій баптизмъ, или лицемѣрію этихъ высокопоставленныхъ libre-penseur'овъ, которые, „насилу въ Бога вѣруя“, принимали личину „теплѣйшаго къ Богу благоговѣйства“ и болтали о своемъ горячемъ стремленіи къ идеалу „первенствующія Церкви“. „Немудрыя мудрованія“ Мелиссино клонились къ тому, чтобы „о постахъ нѣкоторое увольненіе сдѣлать“, а „изъ продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ чего убавить“, установить выборъ архіереевъ изъ среды бѣлаго духовенства, дозволить „епископамъ съ законными женами сожитіе имѣть“, дать духовенству одежду, „пристойнѣе нынѣшней“, отмѣнить поминовеніе усопшихъ и причащеніе младенцевъ. Подобнымъ реформаторамъ, не способнымъ понимать красоты и глубокаго смысла православнаго богослуженія, оно казалось нагроможденіемъ неудобовразумительныхъ стихиръ, каноновъ и тропарей, и они находили цѣлесообразнымъ, „вмѣсто всенощныхъ и вечерень, употреблять краткія молитвы и прочитывать важнѣйшія мѣста изъ св. Писанія, а также толковать катихизисъ“; но послѣднее было обязательно только для „юношества и непросвѣщеннаго народа“, а лица, постигшія всю глубину вольтеріанской премудрости, освободившись отъ докучныхъ всенощныхъ, получали обширный и пріятный досугъ. Реформаторъ 1767 года ребромъ ставилъ вопросъ о полномъ закрытіи всѣхъ монастырей и объ употребленіи ихъ доходовъ на содержаніе „искусныхъ и ученыхъ священниковъ и проповѣдниковъ“, какъ бы не предвидя возраженія, что конфискованныя уже богатства духовенства употреблены Монархиней отнюдь не на содержаніе „искусныхъ проповѣдниковъ“.

Какъ кураторъ университета, Мелиссино былъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ Сунодѣ. Можно согласиться, что Мелиссино, дѣйствительно, имѣлъ „нѣкую страстную любовь къ университету“ и заботился объ его процвѣтаніи. Учрежденное имъ при университетѣ „Вольное Россійское Собраніе“ „обогащало россійскій языкъ“ тяжеловѣсными сочиненіями, помѣщавшимися въ „Опытѣ Трудовъ“ этого „Собранія“. Впрочемъ, и на этомъ поприщѣ Мелиссино показалъ себя завистливымъ и коварнымъ. Опасаясь отъ учрежденнаго профессоромъ Шварцемъ „Дружескаго Общества“ конкуренціи для своего „Вольнаго Собранія“, Мелиссино старался погубить Шварца всѣми способами, не гнушаясь прикрываться и личиною дружбы.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN IVANOWITCH MÉLISSINO, 1718—1795, appartenait à une famille grecque qui se considérait comme étant de haute noblesse et prétendait descendre des dynasties Impériales des Isauriens et des Comnènes. Son père, émigré de l'île de Céphalonie en Russie sous Pierre-le-Grand, fut de 1740 à 1752 vice-président du Collège de Commerce, puis de celui des Manufactures, et le Cadet Johann Mélissino, avec son prénom ainsi germanisé, affecté le 5 février 1740 à l'administration régionale de Livonie et Esthonie, passait le 3 octobre suivant, avec rang de sous-lieutenant, assesseur au Collège de Justice. Il fut ensuite nommé successivement, le 18 octobre 1757, ayant rang de conseiller de cour, „conseiller de chancellerie" à l'Académie des Sciences et directeur de l'université de Moscou, puis, le 10 juin 1763, haut procureur du Saint Synode avec rang de conseiller d'état actuel. Fait en 1767 curateur des Enfants-Trouvés, il fut relevé le 24 octobre 1768 de ses fonctions de haut procureur et promu conseiller privé, puis devint en 1771 l'un des curateurs de l'université de Moscou. Il mourut le 23 mars 1795. Il avait épousé la princesse Prascovie Vladimirowna Dolgorouky, dont il n'eut pas d'enfants.

Nommé haut procureur du Synode par Catherine II comme personnage „non aveuglé par les préjugés", Mélissino fit preuve, pour subordonner entièrement le clergé à l'autorité civile, d'un zèle digne de l'Impératrice, qui traitait les membres du Synode non pas comme des prélats en possession de toute leur indépendance dans la conduite des affaires ecclésiastiques, mais comme de „fidèles sujets" tenus envers leur Souveraine à une obéissance passive. Les fameux „Points", qu'il présenta en 1767 à l'Assemblée constituent un programme de réformes identique à celui dont l'Empereur déchu „avait menacé l'église nationale" et que mettent en avant aujourd'hui encore les plus fougueuses des têtes radicales de l'église et les laïques d'avant-garde ses ennemis. A la lecture de ce programme, on se demande lequel est le plus étonnant, de la légèreté des clercs dont la fureur de réformes méconnaissait assez l'esprit de l'orthodoxie russe pour vouloir y substituer un vague protestantisme, ou de l'hypocrisie de ces libres-penseurs de haut vol, dont la „foi de contrebande" prenait le masque de „la plus fervente dévotion" pour arguer d'ardentes aspirations à un idéal d'„Eglise Souveraine". Les „petites finasseries" de Mélissino étaient „une certaine tolérance dans l'observance des carêmes", „une réduction des services trop prolongés", le recrutement des archevêques dans le clergé séculier, le mariage des évêques, l'amélioration du vêtement ecclésiastique, la suppression de la commémoration des morts et de la communion des enfants. Incapables de comprendre toute la beauté et le sens profond du service orthodoxe, ces réformateurs n'y voyaient qu'un entassement confus d'hymnes, de canons et de cantiques et voulaient „remplacer les offices du soir et de la nuit par de courtes prières, des lectures tirées de l'Ecriture Sainte et des gloses sur le catéchisme", et encore celles-ci obligatoires seulement pour „la jeunesse et la classe non éclairée", les privilégiés pour lesquels les finesses du voltairianisme n'avaient plus de secrets devant être dispensés des interminables offices et jouir à l'aise d'un agréable loisir. Enfin une proposition ne visait à rien moins qu'à la fermeture radicale de tous les monastères et à la confiscation de leurs biens au profit de l'entretien d'un corps de „prêtres et prédicateurs habiles et instruits": c'était oublier que les confiscations déjà faites avaient servi à l'Impératrice à tout autre chose qu'à entretenir „un corps d'habiles prédicateurs".

Comme curateur de l'université, Mélissino fut mieux placé qu'au Synode: effectivement animé „d'une vraie passion pour l'Université", il fit beaucoup pour elle. L'Assemblée Russe Libre qu'il y fonda „enrichit la langue russe de massives élucubrations insérées aux Essais de Travaux de l'„Assemblée" en question. Là aussi, du reste, sa jalousie et sa duplicité se donnèrent carrière: pour couler le professeur Schwartz, dont la Société Amicale pouvait faire concurrence à son Assemblée Libre, tous les moyens lui parurent bons, et il ne craignit même pas d'emprunter le masque d'une perfide amitié.

(D'après un original appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ МЕЛИССИНО, 1761—1815, сынъ генерала-отъ-артиллеріи Петра Ивановича (р. 1726 г., † 1797 г.) отъ брака съ Маріей Дмитріевной Кацаревой (р. 1740 г., † 1801 г.), 10 лѣтъ записанъ былъ сержантомъ въ гвардію и 20 лѣтъ, въ чинѣ капитана, зачисленъ въ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера. Въ 1788 г., во время шведской войны, ему было поручено приготовить нѣсколько сотъ новобранцевъ къ артиллерійской службѣ, и за успѣшное исполненіе порученія онъ былъ произведенъ въ майоры. Перейдя въ томъ же году, съ чиномъ подполковника, въ Сумской легкоконный полкъ, Мелиссино принялъ участіе въ турецкой войнѣ и за отличіе при штурмѣ Измаила получилъ Георгія 4 степени. Полковникъ съ 1793 г., онъ перешелъ затѣмъ въ конно-гренадерскій Военнаго ордена полкъ и 1 Января 1797 г. былъ выключенъ изъ службы. Пробывъ нѣкоторое время въ отставкѣ, онъ вторично поступилъ на службу въ Елизаветградскій гусарскій полкъ и 1 Января 1801 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка. Черезъ годъ А. П. Мелиссино опять вышелъ въ отставку, а въ 1807 г., въ третій разъ, принятъ на службу и получилъ порученіе сформировать Лубенскій гусарскій полкъ, шефомъ котораго и былъ назначенъ. Во время Отечественной войны онъ со своимъ полкомъ, состоя въ арміи Тормасова, дѣйствовалъ противъ французовъ въ Бѣлоруссіи и заслужилъ золотое оружіе. Кампанія 1813 г. положила конецъ его славной боевой дѣятельности: 15 Августа, во время битвы при Дрезденѣ, Мелиссино съ двумя пѣхотными полками, бывшими въ тотъ день подъ его командой, врубился въ середину непріятельскаго каре, но тремя пулями былъ смертельно раненъ. Соратникамъ удалось его увести съ поля битвы. Лубенцы, узнавъ о судьбѣ своего шефа, прискакали безъ команды и уложили много непріятельскихъ офицеровъ и солдатъ. Мелиссино отнесли въ ближайшую корчму, гдѣ онъ къ вечеру скончался. Тѣло его было тамъ оставлено и потомъ не найдено. Вдова воздвигла ему памятникъ въ Кульмѣ. Существуетъ гравюра, на которой изображенъ раненый Мелиссино, верхомъ на лошади, поддерживаемый гусарами и ополченцами. Подъ изображеніемъ русскіе и французскіе стихи:

„Се истинный герой! среди войны кровавой
Со славою служа, уснулъ во гробъ со славой.
Источникъ горькихъ слезъ о немъ не должно лить:
Онъ далъ собой примѣръ — отечество любить!“
„Les Russes, les Germains honorent sa mémoire,
Et de son dévouement reconnaissent le prix.
Mourant au sein de la victoire,
Il vécut assez pour la gloire,
Mais pas assez pour son pays“.

Прекрасно образованный, Мелиссино обладалъ острымъ умомъ, пылкимъ характеромъ, выдающейся храбростью, великодушіемъ, щедростью, доходившей до расточительности. Обладая красивой наружностью, онъ былъ строенъ и ловокъ и пріобрѣлъ славу одного изъ лучшихъ ѣздоковъ въ Россіи. Онъ служилъ Фальконету натурой для памятника Петра I: въѣзжая на устроенные нарочно для этого подмостки, ставилъ своего коня въ ту позу, въ какой мы видимъ Петра I на Сенатской площади. Мелиссино положилъ начало коннозаводству въ Новороссіи. Обладая большимъ состояніемъ, онъ имѣлъ нѣсколько конныхъ заводовъ и одинъ изъ нихъ возилъ съ собой вслѣдъ за полкомъ. Лошадей изъ этого завода онъ раздавалъ своимъ офицерамъ, о матеріальномъ благосостояніи которыхъ очень заботился. Нижнихъ чиновъ Лубенскаго полка, сформированнаго путемъ вербовки изъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія, онъ держалъ въ большой строгости, не скупясь на тѣлесныя наказанія. Къ офицерамъ на службѣ былъ требователенъ и самъ являлся для нихъ примѣромъ въ служебномъ отношеніи, но сумѣлъ, несмотря на свою строгость, заслужить любовь какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Въ бою, впереди всѣхъ, онъ создалъ молодому Лубенскому полку репутацію „храбраго полка“. Но, будучи строгимъ и требовательнымъ начальникомъ, пылкій Мелиссино плохо подчинялся своему собственному начальству и постоянно съ нимъ ссорился. Онъ былъ женатъ съ 1787 г. на дочери великаго бана Валахіи княжнѣ Роксандрѣ Михайловнѣ Кантакузенъ († 1828 г.), но дѣтей не имѣлъ и былъ послѣднимъ въ родѣ Мелиссино.

(Съ портрета Дау; собственность А. А. Ватаци, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS PÉTROWITCH MÉLISSINO, 1761—1815, fils du général d'artillerie Pierre Ivanowitch Mélissino (1726—1797) et de Marie Dmitriewna, née Katzareff (1740—1801), fut enrôlé à l'âge de 10 ans sergent à la Garde, et, à 20 ans, affecté comme capitaine à l'état-major du grand maître de l'artillerie. En 1788, au moment de la guerre de Suède, le succès avec lequel il prépara plusieurs centaines de recrues au service de l'artillerie lui valut le grade de major. Il passa la même année lieutenant-colonel au régiment de cavalerie légère de Soumy, et fit la campagne de Turquie, où l'assaut d'Ismaïl lui valut St-Georges de 4e classe. Colonel en 1793, il passa ensuite au régiment des grenadiers à cheval de l'Ordre Militaire et fut mis en non-activité le 1er janvier 1797. Il reprit pourtant du service peu après, et devint le 1er janvier 1801 général major et chef du régiment des hussards de Marioupol. Il donna sa démission au bout d'un an, mais rentra de nouveau au service en 1807 et fut chargé de former le régiment des hussards de Loubny, dont il fut nommé chef et avec lequel il fit la Guerre Patriotique à l'armée de Tormassoff: ses opérations contre les Français en Russie Blanche lui valurent une épée d'or. La campagne de 1813 mit un terme à sa glorieuse carrière: le 15 août, à la bataille de Dresde, il venait d'entamer un carré ennemi, avec les deux régiments d'infanterie qu'il avait ce jour-là sous ses ordres, quand il tomba mortellement frappé de trois balles. Ses compagnons purent l'enlever du champ de bataille, et son régiment, à la nouvelle de son trépas, s'élança sans commandement et fit un grand carnage dans les rangs ennemis. Transporté dans une auberge voisine, il succomba le soir même; son corps y fut laissé, mais ne put ensuite être retrouvé, et sa veuve lui éleva un monument à Kulm. Une gravure qui le représente blessé, soutenu à cheval par des hussards et des compagnons d'armes, porte la double légende ci-dessous, en vers russes:

„Véritable héros, dans la guerre sanglante,
„Avec gloire il servit, avec gloire il mourut.
„On ne saurait sur lui verser d'amères larmes:
„D'amour pour la Patrie il a donné l'exemple!"

Et en vers français:

„Les Russes, les Germains honorent sa mémoire,
„Et de son dévouement reconnaissent le prix.
„Mourant au sein de la victoire,
„Il vécut assez pour sa gloire,
„Mais pas assez pour son pays".

A une excellente instruction Mélissino joignait un esprit pénétrant, un caractère ardent, une bravoure à toute épreuve, de la magnanimité et une libéralité poussée jusqu'à la prodigalité. Très bien de sa personne, svelte et gracieux, il passait de plus pour un des meilleurs cavaliers de Russie. Ce fut lui qui servit de modèle à Falconet pour la statue de Pierre-le-Grand: il arrivait à cheval sur une estrade dressée à cet effet, et là, faisait prendre à sa monture la pose qu'on voit au monument de la Place du Sénat. Ce fut encore lui qui jeta les bases de l'élevage des chevaux en Nouvelle-Russie. Possesseur d'une grosse fortune, il avait plusieurs haras et en emmenait toujours un avec lui en campagne, pour en distribuer les produits à ses officiers, dont le bien-être matériel était l'objet de toute sa sollicitude. Avec ses hommes du régiment de Loubny, recrutés dans toutes les classes de la société, il était des plus sévères, ne leur ménageant pas les châtiments corporels; exigeant pour les officiers dans le service, il leur donnait d'ailleurs l'exemple en tout, et toute sa sévérité ne l'empêcha pas de se concilier l'affection de ses subordonnés de tout rang. Au feu, toujours le premier en avant, il fit au jeune régiment de Loubny sa réputation d'intrépidité. Mais, sévère et exigeant comme il se montrait, il était pour sa part d'une grande insubordination, et toujours en démêlés avec ses chefs. Il avait épousé en 1787 la fille du grand ban de Valachie, la princesse Alexandrine Cantacuzène († 1828), mais n'eut pas d'enfants et fut le dernier de sa race.

(D'après un original de Dawe, appartenant à A. Vatazi, St-Pétersbourg.)

Графъ ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ фонъ-деръ-ПАЛЕНЪ, 1778—1864, сынъ извѣстнаго дѣятеля царствованія Павла I, графа (до 1799 г. барона) Петра Алексѣевича (р. 1745 г., † 1826 г.), отъ брака съ баронессой Юліаной Ивановной Шепшинъ (р. 1751 г., † 1814 г.), родился въ 1778 г. и 12 лѣтъ записанъ былъ вахмистромъ въ Конную гвардію; 1 Января 1792 г. былъ произведенъ въ ротмистры въ Оренбургскій драгунскій полкъ, въ 1793 г., въ чинѣ премьеръ-майора, назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ, затѣмъ въ теченіе 4 лѣтъ служилъ въ полкахъ: Московскомъ карабинерномъ, Нижегородскомъ драгунскомъ и лейбъ-Кираспрскомъ Его Величества. Зачисленный въ 1798 г. снова въ Конную гвардію, Паленъ черезъ 11 дней вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника, но менѣе чѣмъ черезъ годъ опять поступилъ на службу и назначенъ адъютантомъ къ отцу. Въ 1800 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ Каргопольскаго драгунскаго полка, а въ 1801 г. Сумского гусарскаго. Въ 1806 г. началась блестящая боевая дѣятельность Палена. Войны съ Наполеономъ дали ему Георгія трехъ степеней: 4-й—за Лопачинъ, 3-й—за Прейсишъ-Эйлау и 2-й—за Парижъ. Въ 1810 г. онъ получилъ дивизію, въ 1812 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а съ 1815 по 1823 г. командовалъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ отставкѣ, Паленъ, въ 1827 г., былъ снова принятъ на службу, произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и получилъ званіе генералъ-адъютанта. Въ 1829 г., во главѣ 2-го пѣхотнаго корпуса, онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, а въ 1831 г., командуя 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, дѣйствовалъ противъ поляковъ. Въ 1834 г. Паленъ назначенъ членомъ Государственнаго и Военнаго совѣтовъ, а въ 1835 г.—посломъ въ Парижъ. Николай I такъ выразился о немъ, послѣ его назначенія въ Парижъ, въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Барантомъ: „Celui-là est l'homme de mon choix, il fera de la diplomatie comme je le conçois, en loyal militaire; je suis reconnaissant de ce qu'il a cédé à mes instances et accepté ce poste“. „О достоинствѣ, съ какимъ онъ занималъ мѣсто русскаго представителя при дворѣ Людовика-Филиппа“, говоритъ графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ запискахъ, „можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующаго случая. Освѣдомившись однажды, что на одномъ изъ Парижскихъ театровъ репетировалась пьеса, въ коей были оскорбительныя для Россіи выходки, графъ Паленъ обратился съ просьбою къ тамошнему министерству двора о запрещеніи на сценѣ этой пьесы, но получилъ въ отвѣтъ, что, по существующимъ законамъ о театральной цензурѣ, невозможно де министерству запретить заранѣе подобной пьесы, а что, впрочемъ, если окажется въ ней что-либо оскорбительное для державъ, находящихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей, то дирекція театра (или авторъ пьесы) подвергнется денежному штрафу. На этотъ отзывъ графъ Паленъ объявилъ рѣшительно, что если требованія его не уважатся, то онъ на слѣдующій же день выѣдетъ изъ Парижа, и Людовикъ-Филиппъ запретилъ пьесу.... Въ другой разъ, имѣя исполнить одно изъ приказаній Императора, по мнѣнію графа, неумѣстное, онъ просилъ Государя объ отмѣнѣ таковаго, какъ могущаго имѣть непріятныя для обѣихъ сторонъ дипломатическія послѣдствія. На это Государь отвѣчалъ, что ему (графу) нѣтъ до того дѣла, и что онъ такъ высоко-де себя поставилъ въ Парижѣ, что указанное ему дѣйствіе не повредитъ нисколько ему въ общемъ уваженіи, коимъ онъ тамъ пользуется. „Можетъ-быть, что такъ, Государь“, возразилъ графъ, „но въ такомъ случаѣ будутъ уважать одну лишь личность графа Палена, но мнѣ этого мало: я желаю, чтобы продолжали чтить представителя Россійскаго Императора, кто бы онъ ни былъ!“—Въ 1841 г. Паленъ былъ отозванъ изъ Парижа и въ 1845 г. назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи, а въ 1853 г. предсѣдателемъ Комитета о раненыхъ. Въ теченіе своей долговременной службы, продолжавшейся почти три четверти столѣтія, онъ получилъ всѣ ордена до Андрея Первозваннаго съ алмазами включительно. Скончался онъ 19 Апрѣля 1864 года.

(Съ портрета, принадлежащаго графу К. П. Палену, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE PÉTROWITCH von der PAHLEN, 1778—1864, fils du comte (baron avant 1799) Pierre Alexéewitch von der Pahlen (1745—1826), célèbre sous Paul Ier, et de Juliane Ivanowna, née baronne von Schœpping (1751—1814), naquit en 1778, et fut enrôlé à l'âge de 12 ans vaguemestre à la Garde à cheval. Capitaine de cavalerie le 1er janvier 1792 aux dragons d'Orenbourg, puis commissaire général aux vivres en 1793 avec grade de premier major, il passa ensuite quatre ans aux régiments des carabiniers de Moscou, des dragons de Nijni-Novgorod et des Cuirassiers de Sa Majesté. Rentré en 1798 à la Garde à cheval, il n'y resta que onze jours et donna sa démission comme colonel, mais reprit du service moins d'un an plus tard et fut nommé aide de camp de son père. Promu général major en 1800, il fut en même temps fait chef du régiment des dragons de Kargopol, et l'année suivante, de celui des hussards de Soumy. C'est de 1806 que date le début de sa brillante carrière devant l'ennemi. Les guerres napoléoniennes lui valurent trois classes de St-Georges, la 4e à Lopaczyn, la 3e à Preussisch-Eylau et la 2e à Paris. Il reçut une division en 1810, passa en 1812 général lieutenant, et, de 1815 à 1823, commanda un corps de cavalerie de réserve. Après quatre ans de non-activité, il rentra au service en 1827, fut promu général de cavalerie, et obtint la dignité de général aide de camp. En 1829, à la tête du 2e corps d'infanterie, il fit la campagne de Turquie, et, en 1831, commanda le 1er corps d'infanterie lors de l'insurrection de Pologne. Il devint en 1834 membre du Conseil de l'Empire et du Conseil Militaire, et en 1835 ambassadeur à Paris. „Celui-là est l'homme de mon choix", dit l'Empereur Nicolas à l'ambassadeur de France Barante au lendemain de sa nomination: „il fera de la diplomatie comme je le conçois, en loyal militaire; je suis reconnaissant de ce qu'il a cédé à mes instances et accepté ce poste". „Les traits suivants", dit le comte M. Boutourline dans ses Mémoires, „donneront une idée de la manière digne dont il entendait son rôle de représentant de la Russie près la Cour de Louis-Philippe. Il apprit un jour qu'un théâtre parisien faisait la répétition d'une pièce renfermant des passages outrageants pour la Russie, et alla demander au ministère de la Cour d'interdire les représentations. Il lui fut répondu que les lois en vigueur en matière de censure théâtrale ne permettaient pas de prononcer à l'avance une semblable interdiction, et que d'ailleurs, s'il y avait quoi que ce fût d'outrageant pour une puissance amie de la France, la direction ou les auteurs seraient mis à l'amende. Sur ce, Pahlen déclara carrément que, si on ne faisait pas droit à ses réclamations, il quittait Paris dans les vingt-quatre heures. Et Louis-Philippe interdit la pièce.... Une autre fois, trouvant hors de propos un ordre de l'Empereur, il pria S. M. de daigner revenir sur une résolution qui pouvait entraîner des complications diplomatiques fâcheuses pour les deux parties. Il lui fut répondu que ce n'était pas son affaire et que d'ailleurs il était à Paris sur un si bon pied qu'en tout cas il n'avait personnellement rien à craindre pour son bon renom là-bas: „Peut-être bien, Sire", répliqua-t-il, „mais alors c'est peu pour moi d'une considération attachée à la personne du comte Pahlen: j'en veux une qui s'adresse au représentant de l'Empereur de Russie, quel qu'il soit!" Rappelé en 1841, Pahlen fut nommé en 1845 général inspecteur de la cavalerie, et en 1853 président du Comité de secours aux blessés. Dans le cours de sa longue carrière, près de trois quarts de siècle, il avait obtenu toutes les décorations, y compris St-André en diamants. Il mourut le 19 avril 1864.

(D'après un original appartenant au comte C. Pahlen, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВЪ, 1798—1870, творецъ русскаго народнаго гимна, сынъ директора придворной пѣвческой капеллы Ѳедора Петровича (р. 1772 г., † 1835 г.), отъ перваго его брака съ Надеждой Ильиничной Березиной († 1808 г.), родился 25 Мая 1798 года въ Ревелѣ, гдѣ его отецъ былъ таможеннымъ инспекторомъ. Записанный въ 1805 г. на службу коллегіи-юнкеромъ, съ увольненіемъ домой до окончанія наукъ, онъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ отца и мачехи, вполнѣ замѣнившей мать осиротѣвшему мальчику. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ склонность къ музыкѣ, и Ѳедоръ Петровичъ очень заботился о развитіи рано обнаружившагося таланта сына. Въ 1814 г. Львовъ поступилъ въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія и въ 1816 г. окончилъ его первымъ, съ чиномъ прапорщика. Съ 1818 по 1826 г. онъ служилъ по военнымъ поселеніямъ, а въ Ноябрѣ 1826 г. поступилъ на службу въ штабъ корпуса жандармовъ и исполнялъ обязанности секретаря шефа жандармовъ графа Бенкендорфа, сопровождая его также въ поѣздкахъ съ Государемъ. Благодаря этому, Николай I хорошо узналъ Львова и полюбилъ его. Въ Августѣ 1833 г. Государь пожелалъ, чтобы и Россія, подобно западно-европейскимъ государствамъ, имѣла свой народный гимнъ, и поручилъ Львову попытаться сочинить мелодію такого гимна. Львовъ увлекся этой задачей, хотя она и показалась ему очень трудной: „Я чувствовалъ надобность сочинить гимнъ величественный, сильный, чувствительный, для всякаго понятный, имѣющій отпечатокъ національности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа, отъ ученаго до невѣжды“. Вдохновленный желаніемъ осуществить царскую мысль, онъ въ началѣ Ноября написалъ мелодію гимна внезапно, въ нѣсколько минутъ, на слова Жуковскаго; 25 Ноября гимнъ былъ исполненъ придворнымъ хоромъ при участіи двухъ военныхъ оркестровъ. Государь, прослушавъ произведеніе Львова нѣсколько разъ, произнесъ: „C'est superbe“, и приказалъ ввести исполненіе гимна въ войскахъ. Львовъ былъ награжденъ золотой, осыпанной брильянтами, табакеркой съ портретомъ Государя, а въ 1838 г. слова „Боже, Царя храни!“ внесены были въ его гербъ. 6 Декабря 1833 г. было первое публичное исполненіе гимна въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, встрѣченное публикой восторженно. Въ 1834 г. Львовъ, переведенный незадолго до того въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, получилъ званіе флигель-адъютанта. Въ 1837 г. онъ былъ сдѣланъ преемникомъ своего отца по должности директора придворной пѣвческой капеллы, но службу при Бенкендорфѣ оставилъ только въ 1842 году. Въ 1840 г. Львовъ отправился за границу и во время своего путешествія познакомился съ западно-европейскими музыкальными знаменитостями. Возвратившись изъ путешествія, Львовъ отдался почти исключительно служенію музыкѣ: старался развить въ обществѣ вкусъ къ камерной музыкѣ путемъ устройства концертовъ, осуществилъ съ помощью Ломакина трудную работу гармонизаціи и приведенія въ порядокъ годичнаго обихода церковнаго пѣнія, самъ сочинилъ 48 духовныхъ произведеній и много свѣтскихъ вещей, въ томъ числѣ и нѣсколько оперъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, успѣха. Духовныя произведенія Львова отличаются художественностью обработки и стремленіемъ избѣжать искусственности; благодаря своей мелодичности, они получили большое распространеніе. Императоръ Николай I, по его собственнымъ словамъ, не могъ безъ слезъ слушать „Отче нашъ“ Львова. Помимо композиторскаго таланта, Львовъ былъ выдающійся скрипачъ-квартетистъ, пріобрѣвшій почетную извѣстность и за границей, несмотря на то, что онъ былъ въ сущности не музыкантъ по профессіи, а только дилетантъ. Шуманъ восторженно отзывался о его исполненіи и писалъ, что онъ „ist ein so merkwürdiger seltener Spieler, dass er den ersten Künstlern überhaupt an die Seite zu stellen ist“. Въ 1845 г. Львовъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры свиты Его Величества, въ 1853 г.—въ тайные совѣтники и пожалованъ въ гофмейстеры. Съ 1846 г., вслѣдствіе паденія съ лошади, онъ сталъ глохнуть и въ 1861 г. принужденъ былъ покинуть должность директора капеллы. Пожалованный въ 1862 г. въ оберъ-гофмейстеры, Львовъ въ 1868 г. совсѣмъ лишился слуха и покинулъ Петербургъ. 16 Декабря 1870 г. онъ скончался въ своемъ имѣніи Романь, близъ Ковны, и погребенъ въ Пожайскомъ монастырѣ. Отъ брака съ Прасковьей Аггеевной Абазой (р. 1817 г.) онъ имѣлъ сына Ѳедора (р. 1842 г.) и 2 дочерей: Прасковью (р. 1844 г.; за Вакселемъ) и Александру (р. 1846 г.).

(Съ портрета Олешкевича, 1823 г.; собственность Е. А. Львовой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS FÉODOROWITCH LVOFF, 1798—1870, l'auteur de l'hymne national russe, fils du directeur de la Chapelle de la Cour, Théodore Pétrowitch Lvoff (1772—1835), et de sa première femme Nadejda Ilyinitchna Bérézine († 1808), naquit le 25 mai 1798 à Rével, où son père était inspecteur des douanes. Enrôlé au service en 1805 comme gentilhomme de collège, et laissé en disponibilité pour achever ses études, il reçut dans sa famille une excellente éducation sous la direction de son père et de sa belle-mère, qui fut vraiment pour lui une mère. Il tenait de son père de bonnes aptitudes pour la musique, que celui-ci s'empressa de développer au plus tôt. Entré en 1814 à l'Ecole des Ponts et Chaussées, le jeune homme en sortit premier deux ans plus tard, avec le grade de porte-enseigne. Il fut affecté en 1816 aux colonies militaires, et y resta jusqu'en novembre 1826, où il passa à l'état-major du corps des gendarmes et remplit les fonctions de secrétaire du chef des gendarmes, le comte Benkendorff, qu'il accompagnait aussi dans ses déplacements avec l'Empereur. C'est ainsi que Nicolas Ier eut l'occasion de le voir et le prit en affection. En août 1833, S. M. voulut doter la Russie, à l'exemple des autres états de l'Europe, d'un hymne national, et chargea Lvoff de composer la mélodie convenable. La tâche était ardue, mais il la prit à cœur: „Je sentais qu'il s'agissait de trouver quelque chose de majestueux, de puissant, de pénétrant, quelque chose qui fût à la portée de tout le monde, qui eût un cachet bien national, et qui convînt à la fois à l'église, à l'armée et au peuple entier, du savant à l'ignorant". Animé du désir de répondre à l'appel de S. M., il composa sa mélodie au commencement de novembre, impromptu, en quelques minutes, sur des paroles de Joukowsky, et, le 23, l'hymne fut exécuté par les chœurs de la Chapelle de la Cour, avec accompagnement de deux orchestres militaires. L'Empereur le fit recommencer plusieurs fois, déclara: „C'est superbe!" et donna l'ordre de l'introduire dans l'armée. Il offrit ensuite à l'auteur une tabatière en or incrustée de brillants et ornée de son portrait; plus tard, en 1838, Lvoff reçut l'autorisation d'ajouter à ses armes la devise: Dieu, sauve le Tzar! Le 6 décembre 1833, la première exécution publique, à Moscou, au Grand Théâtre, souleva un véritable enthousiasme. En 1834, Lvoff, qui venait de passer aux Chevaliers-Gardes tout en conservant ses fonctions, fut fait aide de camp de Sa Majesté. Appelé en 1837 à succéder à son père comme directeur de la Chapelle de la Cour, il ne quitta pourtant Benkendorff qu'en 1842. Au cours d'un voyage à l'étranger en 1840, il fit connaissance avec les célébrités musicales de l'Europe et, à son retour, se consacra presque exclusivement à son art, organisant des concerts pour répandre dans la société le goût de la musique de chambre, menant à bien, avec le concours de Lomakine, la tâche difficile d'harmoniser et de réorganiser le chant sacré du commun des offices, enfin, composant lui-même quarante-huit œuvres sacrées et bon nombre de pièces profanes, entre autres quelques opéras qui n'eurent d'ailleurs aucun succès. Sa musique sacrée se distingue par sa facture artistique, son souci d'éviter le convenu et les qualités mélodiques qui lui assurèrent une grande vogue. L'Empereur Nicolas Ier disait lui-même qu'il ne pouvait entendre le Pater de Lvoff sans verser des larmes. Outre son talent de compositeur, Lvoff était un quartettiste-violoniste de mérite, et se fit comme tel une bonne notoriété à l'étranger, tout dilettante qu'il était au fond, et non professionnel. Schumann appréciait fort son exécution et lui trouvait „un jeu merveilleux, hors de pair, qui le met sans conteste au rang des premiers artistes". En 1843, Lvoff fut promu général major de la Suite de Sa Majesté, puis, en 1853, fait conseiller privé et maître de la Cour. Une chute de cheval en 1846 le fit devenir sourd peu à peu, et, en 1861, il dut abandonner la Chapelle. Grand maître de la Cour en 1862, il perdit complètement l'ouïe en 1868 et quitta Pétersbourg. Il mourut le 16 décembre 1870 dans sa propriété de Romane, près Kovno, et fut inhumé au monastère Pojaïsky. Il eut de son mariage avec Prascovie Agguéewna Abaza (née 1817) un fils, Théodore (né 1842), et deux filles, Prascovie (née 1844), mariée à Wachsel, et Alexandrine (née 1846).

(D'après un original d'Olechkéwitch, 1823, appartenant à Mme C. Lvoff, St-Pétersbourg.)

ПРОКОФІЙ АКИНѲІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1710—1786, старшій сынъ знаменитаго горнозаводчика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акиноія Никитича Демидова, отъ перваго брака его съ Авдотьей Тарасовной Коробковой, родился 8 Іюля 1710 года. Получивъ отъ отца огромное состояніе, П. А. Демидовъ, по его выраженію, „тѣ жъ самыя пользы государству трудами своими доставлялъ, каковы были отъ его предковъ“. За щедрыя благотворенія П. А. Демидовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ умеръ въ Москвѣ 4 Ноября 1786 года и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Отъ первой своей жены Матрены Антиповны Пастуховой у него было 4 сына; отъ Татьяны Васильевны Семеновой, съ которой онъ повѣнчался послѣ долгаго сожительства лишь за два года до смерти, онъ имѣлъ 4 дочерей.

Живавшій за границей, водившій знакомство съ вельможами и принимавшій у себя даже Римскаго Императора Іосифа II, П. А. Демидовъ остался самородкомъ, чисто русской, широкой натурой. Письма его писаны оригинальнымъ простонароднымъ языкомъ; выраженія, въ родѣ „таперя“, „войтить“, „коностась“, ѣдкія грубоватыя шутки, встрѣчаются въ нихъ на каждомъ шагу. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ П. А. Демидовъ былъ типичнѣйшимъ „самодуромъ“. Онъ вогналъ въ гробъ свою первую жену; отказался отъ не сумѣвшихъ угодить ему сыновей, выдѣливъ имъ насмѣхъ деревушку съ 30 душами и нарочно продавъ Яковлеву свои богатые заводы. Служащіе должны были „точно и переточно“ исполнять хозяйскую волю; въ противномъ случаѣ слѣдовало грозное хозяйское „цыцъ и перецыцъ“ и недвусмысленное обѣщаніе „раздавить ихъ, какъ лягушекъ“. Его широкая натура развертывалась во всевозможныхъ чудачествахъ и безчинствахъ. Бравируя своимъ происхожденіемъ отъ кузнеца, П. А. Демидовъ былъ въ постоянной оппозиціи дворянамъ и чиновникамъ, которые, по его выраженію, „водятъ за носъ“ такихъ, какъ онъ, „мохнорылыхъ“. Онъ никогда не могъ отказать себѣ въ удовольствіи вывалять въ меду и потомъ въ пуху квартальнаго или оттузить пришедшаго къ нему по долгу службы какого-нибудь секретаря Юстицъ-Коллегіи, съ полной готовностью заплатить потомъ за „безобразіе“ и „побитымъ за изъянъ“. Екатерина II косилась на проказы Демидова тѣмъ болѣе, что своеобычный богачъ не всегда помнилъ черту, отдѣлявшую простыхъ смертныхъ отъ ихъ „богоподобной“ повелительницы. Императрица негодовала на „дерзкаго болтуна“ и грозилась, что „принуждена будетъ его унимать“; но обыкновенно какъ разъ въ это время или Демидовъ дѣлалъ милліонное пожертвованіе на Воспитательный Домъ, или казнѣ приходилось перехватить у него милліона четыре, и щедрый богачъ за такіе „благонамѣренные подвиги“ моментально изъ разряда „вралей“ переводился въ разрядъ „добрыхъ гражданъ“. Но этотъ грубый и взбалмошный человѣкъ имѣлъ и положительныя качества. Онъ былъ разумнымъ сторонникомъ прогресса: воспитывалъ своихъ сыновей въ Гамбургѣ, устроилъ Коммерческое училище для купеческихъ сыновей, мечталъ о томъ, что русскіе купцы будутъ „конторы заводить“ за границей. Демидовъ былъ щедрымъ благотворителемъ и меценатомъ. Конечно, въ этомъ дѣлѣ играло извѣстную роль и чисто мѣщанское самолюбіе и честолюбіе: внуку кузнеца было лестно, что о получаемыхъ имъ „отличныхъ и знаменитыхъ почестяхъ“ было „всей публикѣ знать дано“; ему была пріятна „особая рѣчь“, которой его привѣтствовало Вольное Россійское Собраніе, а послѣ того, какъ на университетскомъ актѣ ему была произнесена благодарственная рѣчь „отъ молодого студента“, растроганный милліонеръ немедленно раскошелился и „приложилъ“ еще 10.000 рублей. Надо отдать ему справедливость, что разъ онъ брался за какое-либо дѣло, онъ добросовѣстно отдавался ему, заботясь прежде всего о „полезности“. „Горячность исправить“ всякое упущеніе дѣлала Демидова нестерпимымъ для людей, погрязшихъ въ рутинѣ и казнокрадствѣ, и Опекунскій Совѣтъ просилъ у Бецкаго „защиты отъ причиняемыхъ ему“ безпокойнымъ жертвователемъ „огорченій и обидъ при распространеніи имъ сомнительныхъ толковъ насчетъ справедливости и честности членовъ Совѣта“. Этотъ грубый человѣкъ былъ склоненъ къ самымъ идиллическимъ занятіямъ: любилъ пѣвчихъ птицъ и, „какъ жадный, веселился“ на свои цвѣтники и теплицы. Этотъ человѣкъ, повидимому, преданный плоти, способенъ былъ возвыситься до истинной религіозности: „Благодари Господа за все, не проси Его ни о чемъ“, внушалъ онъ своей любимой дочери. Случалось ли какое несчастіе, Демидовъ смиренно объяснялъ его тѣмъ, что „за грѣхи наши Богъ такъ благословилъ“. Богатство его не ослѣпляло: онъ умѣлъ отличить ложь отъ истины и отводилъ льстецу подобающее ему мѣсто; въ то же время онъ любилъ смѣлыхъ людей, которые его „оговаривали и учили“.

(Съ портрета Левицкаго; собственность П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

PROCOPE AKINFIEWITCH DÉMIDOFF, 1710—1786, fils aîné du célèbre usinier et conseiller d'état actuel Hyacinthe Nikititch Démidoff et de sa première femme Eudoxie Tarassowna Korobkoff, naquit le 8 juillet 1710. Avec l'immense fortune que lui avait laissée son père, il travailla, disait-il lui-même, „pour le bien de l'Etat, tout comme l'avaient fait ses ancêtres". Ses bienfaisantes libéralités lui valurent le rang de conseiller d'état actuel. Il mourut à Moscou le 4 novembre 1786, et fut inhumé au monastère Donskoï. De sa première femme, Matrone Antipowna Pastoukhoff, il eut quatre fils; de la seconde, Tatiana Vassiliewna Sémenoff, avec laquelle il avait vécu longtemps lorsqu'il l'épousa peu avant de mourir, quatre filles.

Au cours de séjours prolongés à l'étranger, et malgré la fréquentation des personnages les plus haut placés, car il reçut même chez lui l'Empereur Joseph II, Démidoff ne dépouilla jamais sa gangue primitive et conserva sa „large nature russe". Ses lettres, écrites dans un langage populaire fort pittoresque, sont émaillées d'expressions vulgaires et de bonnes grosses plaisanteries bien mordantes. Pour qui avait affaire à lui, c'était un type des plus déconcertants. C'est lui qui précipita sa première femme au tombeau, et ses fils, qui avaient eu le malheur de lui déplaire, il les renia, leur donna à se partager un lopin de terre de 30 têtes de paysans, et vendit exprès ses riches usines à Yakovleff. Ses gens étaient menés au doigt et à l'œil, et gare aux délinquants! Il allait lui-même mettre le holà, et ce n'était nullement une manière de parler que sa menace de „les écraser comme des crapauds!" Sa „large nature" se donnait carrière en toute espèce d'excentricités et de licences. Fils de chaudronnier, comme il était fier de s'appeler lui-même, il avait toujours maille à partir avec les nobles et gens en place qui, disait-il, „mènent par le bout du nez" les „poilus" comme lui. Aussi ne se refusait-il jamais le plaisir de faire saucer dans le miel, puis rouler dans le duvet son commissaire de police, ni d'étriller d'importance le secrétaire du Collège de Justice qui pouvait se présenter pour affaires de service: toujours prêt, d'ailleurs, à payer ensuite pour la fantaisie qu'il s'était passée et à désintéresser ses victimes. Catherine II ne voyait guère tout cela d'un bon œil, d'autant plus qu'il était porté à oublier quelquefois la distance qui séparait les simples mortels de l'Impériale Divinité. Outrée de ses audacieuses algarades, elle menaçait de „le mettre à la raison", et c'était précisément le moment qu'il choisissait pour faire aux Enfants-Trouvés un cadeau d'un million ou pour en prêter quatre au Trésor, „généreux exploits" qui le faisaient passer instantanément de la catégorie des „hâbleurs" dans celle des „bons citoyens". A côté de tant de grossièreté et d'incohérence, il avait pourtant des qualités réelles. Homme de progrès éclairé, il fit élever ses fils à Hambourg, fonda une Ecole Commerciale pour les enfants de négociants et rêva pour les maisons russes l'établissement d'agences à l'étranger. De plus, il pratiqua une large bienfaisance et se montra généreux mécène; ici, sans doute, sa vanité et son ambition de petit bourgeois avaient bien leur rôle: le petit-fils du chaudronnier était flatté de la large publicité donnée aux „insignes et notables distinctions" qui lui étaient conférées, il était heureux de l'„allocution particulière" par laquelle il fut accueilli au sein de l'Assemblée Russe Libre, et lorsqu'à la solennité annuelle de l'Université, un „jeune étudiant" lui eut adressé un discours de remercîment, le millionnaire touché se mit en frais et ajouta encore 10.000 roubles. Il faut aussi lui rendre justice: quoi qu'il entreprît, il s'y mettait de tout cœur, tenant avant tout à faire œuvre utile. Son acharnement contre toute espèce de négligence le rendait intolérable aux amis impénitents de la routine et des malversations, et le Conseil de Tutelle dut implorer la protection de Betzky contre les „désolantes et outrageantes" insinuations du turbulent bienfaiteur qui „répandait des bruits équivoques sur l'équité et la probité des membres de l'assemblée". Ce rustaud était homme à s'oublier aux passe-temps les plus idylliques: il aimait les oiseaux chanteurs et „jouissait avidement" de ses parterres et de ses serres. Sans doute esclave de la chair, il savait s'élever jusqu'à la véritable religiosité: „Remercie le Seigneur de tout, ne lui demande rien", sermonnait-il sa fille préférée. Au cas de quelque malheur: „C'est Dieu qui nous bénit pour nos péchés", disait-il. Il ne se laissait pas aveugler par la fortune, savait discerner le faux du vrai et remettre le flatteur à sa place; il aimait en même temps qu'on prît la liberté de lui faire „des remontrances et des leçons".

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

181

ГРИГОРІЙ АКИНѲІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1715—1761, второй сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинѳія Никитича Демидова отъ перваго брака съ Авдотьей Тарасовной Коробковой, родился 14 Ноября 1715 года. Онъ извѣстенъ гораздо менѣе, чѣмъ его братья, старшій Прокофій и младшій Никита. Свою сравнительно недолгую жизнь Г. А. Демидовъ посвятилъ расширенію горныхъ промысловъ, оставленныхъ ему его отцомъ, и къ полученнымъ въ наслѣдство четыремъ горнымъ заводамъ онъ прибавилъ еще два, устроенные имъ самимъ. Онъ, повидимому, былъ человѣкъ, понимавшій цѣну просвѣщенія, ибо не только щедро благотворилъ Московскому университету, но и далъ самое тщательное образованіе своимъ сыновьямъ.

Г. А. Демидовъ умеръ 15 (13) Ноября 1761 года и погребенъ въ семейномъ склепѣ подъ церковью Рождества Христова, въ г. Тулѣ. Отъ брака съ Настасьей Павловной Суровцевой онъ имѣлъ 3 сыновей, Александра, Павла, основателя Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, и Петра, и 5 дочерей, изъ которыхъ Пульхерія была за Александромъ Филипповичемъ Кокориновымъ, Хіонія—за Александромъ Стахѣевичемъ Стахіевымъ и NN—за Григоріемъ Никитичемъ Даниловымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

181

GRÉGOIRE AKINFIEWITCH DÉMIDOFF, 1715—1761, second fils du conseiller d'état actuel Hyacinthe Nikititch Démidoff et de sa première femme Eudoxie Tarassowna Korobkoff, naquit le 14 novembre 1715. Il est beaucoup moins connu que ses frères, l'aîné Procope et le cadet Nikita. Il consacra sa carrière relativement courte à développer les industries minières qu'il tenait de son père: aux quatre usines dont il avait hérité il en ajouta deux autres créées par lui-même. Il comprenait sans doute le prix de l'instruction, car non seulement il fit à l'université de Moscou de généreuses donations, mais encore dota ses fils d'une éducation des plus soignées.

Démidoff mourut le 15 (13) novembre 1761, et fut inhumé dans sa sépulture de famille, dans la crypte de l'église de la Nativité, à Toula. Il avait épousé Nastasie Pavlowna Sourovtzeff, dont il eut trois fils, Alexandre, Paul, fondateur du Lycée Démidoff à Yaroslavl, et Pierre, et cinq filles, Pulchérie, mariée à Alexandre Filippowitch Kokorinoff, Khionie à Alexandre Stakhéewitch Stakhieff, et trois autres, dont une fut mariée à Grégoire Nikititch Daniloff.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

НИКИТА АКИНѲІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1724—1789, третій сынъ горнозаводчика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Акинѳія Никитича Демидова, единственный отъ второго его брака съ Евфиміей Ивановной Пальцевой, родился на берегу рѣки Чусовой, во время путешествія его родителей изъ Сибири въ Тулу, 8 Сентября 1724 года. Получивъ отъ отца пять горныхъ заводовъ и 10.000 душъ крестьянъ, Н. А. Демидовъ устроилъ еще два завода. Екатерина II пожаловала ему чинъ статскаго совѣтника, а Понятовскій украсилъ его орденомъ св. Станислава. Н. А. Демидовъ умеръ въ 1789 году. Первые два брака его, 1) съ Пастасьей Яковлевной Евренновой и 2) съ Маріей Сверчковой, остались безплодными. Отъ третьяго брака, съ Александрой Евтихіевной Сафоновой, онъ имѣлъ сына Николая и дочерей Екатерину (за С. Л. Львовымъ) и Марію (за Д. Н. Дурново).

Н. А. Демидовъ отличался крутымъ нравомъ и прижимистой скупостью. Покупаемые имъ крестьяне, наслышавшись о его свирѣпости, не разъ заявляли, что они „всѣ готовы помереть, а за Демидовымъ быть не хотятъ“, и вели формальную войну съ посылаемыми на нихъ экзекуціонными отрядами. Рабочіе на заводахъ Демидова жаловались на чрезвычайно низкую плату. Самодурствомъ Н. А. Демидовъ напоминалъ своего старшаго брата Прокофія, но Прокофій отличался широкимъ размахомъ, былъ гораздо добродушнѣе и, главное, несравненно умнѣе. Чванный и мелочной Н. А. Демидовъ любилъ разыгрывать роль мецената и просвѣщеннаго человѣка и добился званія почетнаго члена Академіи Художествъ и Вольнаго Экономическаго Общества. Заграничное путешествіе, предпринятое Демидовымъ въ 1771—73 годахъ, съ его третьею женою, превосходно рисуетъ его характеръ и привычки. Только разъ, въ Фрейбергѣ, Демидовъ вспомнилъ, что онъ горнозаводчикъ, и полѣзъ было въ знаменитый рудникъ, но, спустившись яко бы „съ великою опасностью“, по 15 лѣстницамъ, „поспѣшилъ вылѣзть вонъ“. Точно такъ же посѣщеніе медицинскихъ свѣтилъ, „паренье въ горячихъ ключахъ“ и питье „ишачьяго молока для наведенія тѣла“ имѣли второстепенное значеніе, а главною цѣлью путешествія было желаніе показать себя „проницательными и великій вкусъ имѣющими людьми“ и накупить поэтому множество „нужныхъ вещей“, нужныхъ только потому, что все равно некуда было дѣвать денегъ. Демидовы покупали все, что попадалось на глаза: деревья и картины, японскіе большіе горшки и математическіе инструменты, „гротесковыя раковины“ и „порцелиновыя вазы“, „собачку мѣдную для накладки на книжки“ и „рыпоцеросовъ рогъ“.... Будучи несомнѣнными parvenus, Демидовы заботились о томъ, чтобы все у нихъ было такъ, какъ это принято въ аристократическомъ обществѣ. Они вели пышную и открытую жизнь; званые обѣды, „гульбища“, спектакли и великосвѣтскіе визиты поглощали у нихъ все время, остававшееся отъ поверхностнаго и требуемаго хорошимъ тономъ равнодушнаго обозрѣнія памятниковъ архитектуры и искусства. Хорошій тонъ требовалъ въ то время вести переписку съ Вольтеромъ, и Демидовъ завелъ такую переписку. Попутно онъ старался показать себя знатокомъ политики и литературы, то „пользуясь разумными разговорами съ Мармонтелемъ“, то „разсуждая о многихъ важныхъ матеріяхъ“ въ салонѣ г-жи Жофренъ. Демидовы не считали достойнымъ себя спускаться ниже самыхъ вершинъ аристократическаго заграничнаго общества. Богатство было хорошей рекомендаціей, и Демидовы видѣли вниманіе со стороны высокихъ особъ: въ Дрезденѣ мать курфюрста прислала для нихъ „пребогатую карету“, въ Римѣ ихъ „надѣлилъ благословеніемъ святѣйшій папа Ганганелій“ (Климентъ XIV), въ Неаполѣ они удостоились „конверзаціи съ принцессой Бельмонте“... Но это не могло удовлетворить ненасытнаго чванства Демидовыхъ; они стремились выше въ волшебную область С.-Джэмскаго и Версальскаго дворовъ: въ Парижѣ они терлись около придворныхъ сферъ, и Демидова парочно ѣздила въ Оперу, „дабы видѣть дофиншу“; въ Лондонѣ, не довольствуясь изысканнымъ „обществомъ милордовъ съ ихъ супругами“, они добились того, что были допущены на придворный балъ и удостоились лицезрѣнія королевской фамиліи. Къ довершенію всего, Никита Демидовъ смотрѣлъ на подобное препровожденіе времени, какъ на какой-то великій подвигъ, который долженъ стяжать ему славу у современниковъ. Описаніе этого путешествія было издано Демидовымъ, съ приложеніемъ портрета высокороднаго путешественника въ звѣздѣ и лентѣ, и самъ Демидовъ, повидимому, былъ серіозно увѣренъ, что рожденіе у него сына по возвращеніи въ Россію было ниспослано „какъ бы въ награжденіе за его столь дальнее и многотрудное путешествіе“.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

NIKITA AKINFIEWITCH DÉMIDOFF, 1724—1789, troisième fils de l'usinier et conseiller d'état actuel Hyacinthe Nikititch Démidoff et unique enfant de son second mariage avec Euphémie Ivanowna Paltzeff, naquit sur les bords de la Tchoussova, comme ses parents revenaient de Sibérie à Toula, le 8 septembre 1724. Aux cinq usines qu'il tenait de son père avec 10.000 têtes de paysans, il en ajouta deux autres. Catherine II le fit conseiller d'état actuel, et Poniatowsky chevalier de St-Stanislas. Il mourut en 1789. Il avait épousé en premières noces Nastasie Yakovlewna Evréinoff, en secondes noces Marie Svertchkoff, qui ne lui donnèrent d'enfants ni l'une ni l'autre, et en troisièmes noces Alexandrine Evtikhiewna Safonoff, dont il eut un fils, Nicolas, et deux filles, Catherine, mariée à S. Lvoff, et Marie à D. Dournovo.

Démidoff était d'une humeur intraitable et d'une avarice sordide. Des paysans qu'il avait achetés, informés de sa dureté, répétèrent qu'ils étaient „tous prêts à mourir plutôt que d'être à Démidoff", et firent une guerre en règle aux détachements envoyés contre eux. A ses usines, les ouvriers se plaignaient de ne toucher qu'un salaire dérisoire. Son excentricité rappelait son frère aîné Procope, qui, du moins, avait le geste large, bien meilleur caractère, et surtout incomparablement plus d'esprit. D'une ostentation et d'une mesquinerie qui le portaient à se donner des airs de mécène et d'homme éclairé, il se fit nommer membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts et de la Société Economique Libre. Son voyage à l'étranger avec sa troisième femme en 1771—1773 donne une excellente idée de son caractère et de ses habitudes. Une fois seulement, à Freiberg, il se rappela qu'il était métallurgiste et eut une velléité de visiter la fameuse mine, mais, après avoir descendu une quinzaine d'échelles, soi-disant „avec grand danger", il „se hâta de ressortir". De même les visites aux célébrités médicales, „bains de vapeur aux sources chaudes" et ingestions de „lait de mule pour faire engraisser", tout cela n'avait qu'une importance secondaire: l'essentiel était d'avoir l'air de „gens pénétrants et d'un goût parfait", et d'acheter en conséquence une foule „d'objets utiles", utiles tout bonnement faute de savoir que faire de son argent. Ils achetaient tout ce qui leur tombait sous la main, arbres et tableaux, vases du Japon et instruments de mathématiques, „coquilles grotesques" et vases de porcelaines, „un chien en cuivre comme presse-papier" et „une corne de rhinocéros".... Parvenus s'il en fut, les Démidoff s'évertuaient à se donner des allures aristocratiques. Ils menaient grand train et recevaient; invitations à dîner, promenade, spectacles et relations mondaines absorbaient tout le temps que leur laissait la visite de rigueur, pour eux superficielle et fastidieuse, aux monuments d'architecture et d'art. Démidoff fit encore au bon ton le sacrifice de se mettre en correspondance avec Voltaire. Il se donna en passant des airs de connaisseur de politique et de littérature, tantôt „profitant de la sage conversation de Marmontel", tantôt „dissertant de nombreuses et importantes matières" dans le salon de Mme Geoffrin. Les voyageurs estimaient indigne d'eux de quitter le niveau de la plus fine fleur de l'aristocratie. La richesse était une recommandation suffisante, et ils se virent honorés des égards de personnalités princières: à Dresde, la mère de l'Electeur leur envoya „un carrosse des plus riches"; à Rome, ils reçurent „la bénédiction du Très Saint Père Ganganelli" (Clément XIV), à Naples, ce fut une conversation avec la princesse Belmonte. Mais c'était encore trop peu pour leur insatiable ostentation; ils visèrent plus haut, dans la féérique région des Palais de St-James et de Versailles: à Paris, il leur fallut le contact du monde de Cour et Madame alla à l'Opéra exprès „pour voir la Dauphine"; à Londres, non contents de l'exquise „société des milords et de leurs épouses", ils réussirent à se faire admettre à un bal de la Cour et purent ainsi contempler les personnes de la famille Royale. Et pour comble, Démidoff considérait le tout comme un exploit magnifique, un titre de gloire près des contemporains. Il publia une relation de son voyage, ornée du portrait du noble voyageur avec son étoile et en grand cordon, et parut sérieusement convaincu que la naissance d'un fils à son retour en Russie était un don du Ciel et „comme la récompense de cette lointaine et pénible expédition".

(D'après un original appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

183

АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1737—1803, старшій сынъ Григорія Акинѳіевича (р. 14 Ноября 1715 г., † 13 Ноября 1761 г.), женатаго на Анастасіи Павловнѣ Суровцовой (р. 16 Декабря 1713 г., † 3 Декабря 1763 г.), родился 22 Августа 1737 года. Человѣкъ очень богатый, А. Г. Демидовъ владѣлъ на Уралѣ 8 заводами, и, кромѣ того, у него было еще 2 желѣзныхъ завода близъ г. Жиздры. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ были основаны самимъ А. Г. Демидовымъ.

Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; былъ женатъ на Прасковіи Матвѣевнѣ Олсуфьевой (р. 1730 г., † 22 Октября 1813 г.); отъ этого брака у него были сыновья, Григорій (р. 10 Февраля 1765 г., † 19 Января 1817 г.) и Петръ, и одна дочь, Софія († 1831 г.), статсъ-дама, извѣстная благотворительница, бывшая въ замужствѣ за оберъ-егермейстеромъ графомъ П. Г. Головкинымъ. А. Г. Демидовъ умеръ 8 Февраля 1803 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

183

ALEXANDRE GRIGORIEWITCH DÉMIDOFF, 1737—1803, fils aîné de Grégoire Akinfiewitch Démidoff (14 novembre 1715—13 novembre 1761) et d'Anastasie Pavlowna, née Sourovtzoff (16 décembre 1713—3 décembre 1763), naquit le 22 août 1737. Possesseur d'une immense fortune, il avait huit usines dans l'Oural et deux fonderies de fer près de Jizdra: plusieurs de ces industries avaient été fondées par lui-même.

Il avait le rang de conseiller d'état actuel. Il épousa Prascovie Matvéewna Olsoufieff (1730—22 octobre 1813), dont il eut deux fils, Grégoire (10 février 1765—19 janvier 1817) et Pierre, et une fille, Sophie († 1831), dame d'honneur, connue pour sa bienfaisance et mariée au comte P. Golovkine, grand veneur. Démidoff mourut le 8 février 1803, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

184

Графиня **СОФІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВКИНА**, 1766—1831, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Демидова (р. 1737 г., † 1803 г.), отъ брака его съ Прасковіей Матвѣевной Олсуфьевой (р. 1730 г., † 1813 г.). Въ замужствѣ С. А. Демидова была за оберъ-егермейстеромъ графомъ Петромъ Гавриловичемъ Головкинымъ († 5 Декабря 1821 г.). Бракъ этотъ былъ бездѣтный. Графиня Софія Александровна Головкина всю свою жизнь и дѣятельность посвятила широкой благотворительности, оставивъ по себѣ благоговѣйную память. Подъ старость была пожалована въ статсъ-дамы и награждена орденомъ св. Екатерины малаго креста.

Графиня С. А. Головкина умерла 19 Октября 1831 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Кромѣ прилагаемой миніатюры, въ собраніи Великаго Князя Николая Михаиловича имѣются еще: миніатюра, изображающая графиню С. А. Головкину въ молодости, и рисунокъ, на которомъ она является уже статсъ-дамой, съ орденомъ св. Екатерины, въ чепцѣ, очевидно, въ послѣдніе годы жизни.

(Съ миніатюры изъ собранія И. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

184

La comtesse **SOPHIE ALEXANDROWNA GOLOVKINE**, 1766—1831, fille du conseiller d'état actuel Alexandre Grigoriewitch Démidoff (1737—1803) et de Prascovie Matvéewna, née Olsoufieff (1730—1813), épousa le comte Pierre Gavrilowitch Golovkine († 5 décembre 1821), grand veneur, dont elle n'eut pas d'enfants. L'œuvre de bienfaisance des plus actives à laquelle elle consacra toute sa vie lui assura une mémoire vénérée. Sur ses vieux jours, elle devint dame d'honneur et dame de Ste-Catherine de 2e classe. Elle mourut le 19 octobre 1831, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Outre la présente miniature, il y a encore dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch une miniature reproduisant la comtesse dans sa jeunesse, et un dessin où elle est déjà dame d'honneur et décorée de Ste-Catherine, coiffée d'un bonnet, sans doute dans les dernières années de sa vie.

(D'après une miniature de la collection P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

185

ПРАСКОВІЯ МАТВѢЕВНА ДЕМИДОВА, 1730—1813, дочь оберъ-гофмейстера и кавалера ордена св. Александра Невскаго Матвѣя Дмитріевича Олсуфьева, отъ 3-го его брака съ Анной Ивановной Сенявиной, была супругой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Демидова (р. 22 Августа 1737 г., † 8 Февраля 1803 г.).

Отъ этого брака у П. М. Демидовой было 2 сына, Григорій (р. 10 Февраля 1765 г., † 19 Января 1827 г.; женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной, р. 1783 г., † 1830 г.) и Петръ, и одна дочь, Софія (р. 1766 г., † 1831 г.; въ замужствѣ за оберъ-егермейстеромъ графомъ П. Г. Головкинымъ).

Прасковія Матвѣевна Демидова умерла въ глубокой старости 22 Октября 1813 года и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ миніатюры Бодуенъ; собственность П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

185

PRASCOVIE MATVÉEWNA DÉMIDOFF, 1730—1813, fille de Mathieu Dmitriewitch Olsoufieff, grand maître de la Cour et chevalier de St-Alexandre Newsky, et de sa troisième femme, née Anne Ivanowna Séniavine, épousa le conseiller d'état actuel Alexandre Grigoriewitch Démidoff (22 août 1737—8 février 1803).

Elle eut de ce mariage deux fils, Grégoire (10 février 1765—19 janvier 1827), qui épousa Catherine Pétrowna Lopoukhine (1785—1830), et Pierre, et une fille, Sophie (1766—1831), mariée au comte P. Golovkine, grand veneur.

Mme Démidoff mourut très vieille le 22 octobre 1813, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après une miniature de Beaudouin, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

186

ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1765—1827, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича, отъ брака его съ Прасковіей Матвѣевной Олсуфьевой, родился 10 Февраля 1765 года. Унаслѣдовавъ отъ отца крупное состояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ заводовъ на Уралѣ, Демидовъ извѣстенъ былъ благотворительностью и между прочимъ жертвовалъ книги для Московскаго университета.

Г. А. Демидовъ умеръ, состоя въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера и гофмейстера, 19 Января 1827 года и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной (р. 1783 г., † 1830 г.), дочери генералъ-прокурора и родной сестрѣ фаворитки Павла I, княгини Анны Петровны Гагариной. Отъ этого брака у Г. А. Демидова было 4 сына: Никита (р. 26 Іюня 1798 г., † 28 Декабря 1813 г.), Александръ (р. 8 Февраля 1803 г., † 30 Января 1853 г., полковникъ), Петръ (генералъ-адъютантъ; † 1862 г.) и Павелъ (дѣйств. статскій совѣтникъ; † 1 Іюля 1858 г.), и 2 дочери: Прасковья (въ замужствѣ Бехтѣева) и Анна (въ замужствѣ Энгельгардтъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

186

GRÉGOIRE ALEXANDROWITCH DÉMIDOFF, 1765—1827, fils du conseiller d'état actuel Alexandre Grigoriewitch Démidoff et de Prascovie Matvéewna, née Olsoufieff, naquit le 10 février 1765. Héritier de la grosse fortune que lui avait laissée son père et qui comportait plusieurs usines dans l'Oural, il était connu pour sa bienfaisance, et fit des dons importants de livres à l'université de Moscou.

Démidoff mourut conseiller d'état actuel, chambellan et maître de la Cour, le 19 janvier 1827, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé Catherine Pétrowna Lopoukhine (1783—1830), fille du procureur général et sœur de la princesse Anne Gagarine, favorite de Paul Ier. Il eut de ce mariage quatre fils, Nikita (26 juin 1798—28 décembre 1813), Alexandre (8 février 1803—30 janvier 1855), colonel, Pierre († 1862), aide de camp général, et Paul († 1er juillet 1858), conseiller d'état actuel, et deux filles, Prascovie, mariée à Bekhtéeff, et Anne à Engelhardt.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

187

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ДЕМИДОВА, 1783—1830, дочь сенатора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина, отъ перваго брака его съ Прасковьей Ивановной Левшиной, родилась 11 Апрѣля 1783 года и вмѣстѣ съ старшей сестрой Анной, впослѣдствіи княгиней Гагариной, впервые появилась въ Московскомъ свѣтѣ въ 1797 году на торжествахъ по случаю коронаціи Императора Павла I. Молодыя Лопухины, красивыя брюнетки, заинтересовали собою Московское общество и прибывшій изъ Петербурга дворъ и обратили на себя вниманіе Государя, отдавшаго, впрочемъ, сразу предпочтеніе старшей. Екатерина Петровна, которой было всего 14 лѣтъ, сильно увлеклась Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и искала встрѣчъ съ нимъ, хотя онъ, повидимому, тщательно ея избѣгалъ. Это возбудило въ Москвѣ много толковъ, которымъ Павелъ I положилъ конецъ, выдавъ Е. П. Лопухину въ томъ же году за гофмейстера Григорія Александровича Демидова (р. 1765 г., † 1827 г.). Этотъ бракъ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Государю лицъ, богачемъ и меценатомъ, въ связи съ возвышеніемъ семьи Лопухиныхъ, доставилъ Екатеринѣ Петровнѣ видное положеніе въ Петербургскомъ свѣтѣ. Жили Демидовы очень широко и открыто, зимой въ своемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ (гдѣ потомъ много лѣтъ помѣщался Англійскій клубъ), а лѣтомъ въ имѣніи Танцы, близъ Царскаго Села.

Переживъ мужа на три года, Е. П. Демидова скончалась въ Танцахъ 21 Іюня 1830 г. и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. У ней было четыре сына: Никита, Александръ, Петръ и Павелъ, и двѣ дочери: Прасковья (за Бехтѣевымъ) и Анна (за Энгельгардтомъ). Послѣ смерти въ 1873 г. брата Демидовой, свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина, княжескій титулъ и фамилія перешли къ ея внуку, Николаю Петровичу Демидову, который сталъ именоваться свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ-Демидовымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

187

CATHERINE PÉTROWNA DÉMIDOFF, 1783—1830, fille du sénateur, puis prince sérénissime Pierre Vassiliewitch Lopoukhine et de sa première femme Prascovie Ivanowna Levchine, naquit le 11 avril 1783, et, en même temps que sa sœur aînée, Anne, plus tard princesse Gagarine, fit son entrée dans le monde à Moscou, en 1797, aux fêtes du couronnement de l'Empereur Paul Ier. Les jeunes filles, deux jolies brunes, firent sensation dans la société moscovite et parmi la Cour, venue de Pétersbourg, et attirèrent l'attention de l'Empereur, qui d'ailleurs donna d'emblée la préférence à l'aînée. Catherine Lopoukhine, qui n'avait que 14 ans, se prit d'une vive passion pour le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch: elle faisait tout pour le voir, tandis que lui semblait l'éviter soigneusement. Ce fut, à Moscou, l'objet de nombreux commentaires, auxquels l'Empereur mit fin en la mariant l'année même au maître de la Cour Grégoire Alexandrowitch Démidoff (1765—1827). Ce mariage avec un des intimes du Souverain, possesseur d'une grosse fortune et d'une réputation de Mécène, joint à l'entrée en faveur des Lopoukhine, mit Catherine très en vue dans le monde de Pétersbourg. Les Démidoff vivaient sur un grand pied et tenaient table ouverte, habitant l'hiver leur maison de la rue Démidoff (qui plus tard fut longtemps le siège du Club Anglais), et l'été leur propriété de Taïtzy, près de Tzarskoïé Sélo.

Mme Démidoff survécut trois ans à son mari, et mourut à Taïtzy le 21 juin 1830; elle fut inhumée au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky. Elle avait eu quatre fils: Nikita, Alexandre, Pierre et Paul, et deux filles, Prascovie, qui épousa Bekhtéeff, et Anna, qui épousa Engelhardt. A la mort de son frère, le prince Paul Pétrowitch Lopoukhine, en 1873, le titre de prince et le nom passèrent à son petit-fils, Nicolas Pétrowitch Démidoff, qui s'appela dorénavant prince sérénissime Lopoukhine-Démidoff.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 17..—1782, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сынъ Новгородскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Василія Ивановича, съ молодыхъ лѣтъ служилъ при Дворѣ: 6 Апрѣля 1739 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, 10 Февраля 1742 г. пожалованъ въ камергеры, а 20 Марта того же года назначенъ камергеромъ къ герцогу Голштинскому Петру-Ульриху, вскорѣ объявленному наслѣдникомъ Россійскаго престола. Въ 1743 г. Гагаринъ и его жена, оговоренные Софьей Лиліенфельдъ, были замѣшаны въ извѣстное Лопухинское дѣло, но благополучно изъ него выпутались: хотя разговоры Лопухиной и Бестужевой-Рюминой съ Боттой и происходили при Гагариныхъ, но они, не зная нѣмецкаго языка, ихъ не понимали. 2 Іюля 1762 г. Гагаринъ назначенъ шталмейстеромъ и въ томъ же году былъ членомъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Въ Мартѣ 1765 г. онъ былъ назначенъ президентомъ Коллегіи Экономіи, находившейся въ Москвѣ, но пробылъ въ этой должности только годъ. Екатерина II, отдавая должное честности и усердію Гагарина, была недовольна порядками, установившимися въ Коллегіи: члены ея ссорились другъ съ другомъ и оказывали противодѣйствіе президенту. Для упорядоченія дѣла въ Коллегіи Императрица рѣшила измѣнить личный составъ ея, и въ Мартѣ 1766 г. Гагарину повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ. Послѣдніе годы своей жизни съ 1765 г. Гагаринъ провелъ въ Москвѣ. Онъ былъ любитель сельскаго хозяйства и садоводства и состоялъ членомъ Вольно-Экономическаго общества. При его Московскомъ домѣ (теперь Ново-Екатерининская больница) былъ красивый „регулярный“ садъ, а въ своей Подмосковной онъ завелъ прекрасный рогатый скотъ англійской и голландской породы. Екатерина II поручила ему, какъ хорошему сельскому хозяину, надзоръ за своими Замосковными имѣніями: волостями Богородицкой и Бобриковской, около Тулы, и имъ же купленной для Государыни Кіясовской волостью, близъ Коломны. Онъ управлялъ этими волостями съ 1775 по 1778 годъ. Въ сотрудники Гагаринъ избралъ себѣ извѣстнаго А. Т. Болотова, который въ своихъ „Запискахъ“ много говоритъ о князѣ и изображаетъ его, какъ прекраснаго начальника и человѣка. Много матеріала для характеристики Гагарина даетъ въ своемъ дневникѣ также Порошинъ. Гагаринъ былъ частымъ гостемъ Цесаревича Павла Петровича и, повидимому, любимой мишенью для остротъ и шутокъ Цесаревича и Панина. 24 Декабря 1764 г. Порошинъ занесъ въ свой дневникъ: „Довольно шутили за столомъ на щетъ князя Сергѣя Васильича, которому и не могло сіе быть чувствительно, потому что съ тѣмъ самымъ точно согласовалось, въ чемъ онъ честь свою и удовольствіе поставляетъ. Новова роду сія честь и новое сіе удовольствіе состоятъ въ томъ, чтобъ во всякомъ случаѣ казаться страшнымъ и упрямымъ“. Черезъ нѣсколько дней Порошинъ продолжилъ характеристику Гагарина: „Со всѣмъ тѣмъ душа у него добрая и совѣсть не широкая“. Панинъ постоянно трунилъ надъ Гагаринымъ: по поводу его недружелюбныхъ отношеній по должности шталмейстера съ оберъ-шталмейстеромъ онъ говорилъ, что Гагаринъ „команды никакой терпѣть надъ собой не любитъ“, называлъ его республиканцемъ и бунтовщикомъ. Такое же отношеніе къ себѣ Гагаринъ встрѣчалъ и при большомъ дворѣ. Порошинъ неоднократно отмѣчаетъ: „Надъ Гагаринымъ много смѣялись“, „шутили надъ нимъ“. Гагаринъ скончался въ Москвѣ въ 1782 г. и погребенъ въ своемъ любимомъ Рязанскомъ имѣніи Мишинѣ, Михайловскаго уѣзда. Онъ былъ женатъ на графинѣ Прасковьѣ Павловнѣ Ягужинской († 1775 г.) и имѣлъ 6 сыновей и 2 дочерей: Василія (капитанъ 1 ранга), Сергѣя (р. 1745 г., † 1798 г.; дѣйств. тайн. совѣтникъ), Павла (р. 1747 г., † 1789 г.; генералъ-поручикъ), Петра, Ивана (р. 1754 г., † 1810 г.; капитанъ 2 ранга) и Ѳедора (р. 1757 г., † 1794 г.; полковникъ), Анну (р. 1742 г., † 1800 г.), за графомъ П. В. Салтыковымъ, и Наталью, за С. С. Колычевымъ.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя В. И. Гагарина, с. Никольское-Гагарино, Московской губ.)

Le prince SERGE VASSILIEWITCH GAGARINE, 17..—1782, conseiller privé actuel, fils du prince Basile Ivanowitch Gagarine, conseiller d'état actuel, gouverneur de Novgorod, entra tout jeune encore à la Cour: nommé le 6 avril 1739 gentilhomme de la chambre de la princesse Anne Léopoldowna, il passa chambellan le 10 février 1742, et devint le 20 mars suivant chambellan du Duc Pierre-Ulric de Holstein, proclamé peu après héritier du Trône de Russie. En 1745, Gagarine et sa femme, dénoncés par Sophie Lilienfeld, furent compromis dans la fameuse affaire Lopoukhine, mais purent s'en tirer facilement, en raison de leur ignorance de la langue allemande, dans laquelle avaient eu lieu les entretiens dont ils avaient été témoins. En 1762, Gagarine devint écuyer le 2 juillet, puis fut membre de la commission des biens ecclésiastiques. Nommé en mars 1765 président du Collège des Finances, à Moscou, il ne le resta qu'un an: Catherine II, tout en rendant hommage à son honnêteté et à son zèle, fut mécontente du désordre qu'il y laissa s'établir, de la mauvaise entente des membres entre eux et avec le président, et, pour remettre les choses au point, fit quelques changements dans le personnel; en mars 1766, Gagarine fut fait sénateur. A partir de 1765, il passa le reste de sa vie à Moscou. Grand amateur de culture, d'élevage et de jardinage, membre de la Société Economique Libre, il avait fait arranger à sa maison de Moscou (aujourd'hui le Nouvel Hôpital Catherine) un beau jardin „régulier", et élevait à son domaine des environs de magnifiques bêtes à cornes de races anglaise et hollandaise. Catherine II lui confia de 1775 à 1778, en raison de son expérience en matière d'exploitation rurale, la surveillance de ses domaines au delà de Moscou, les cantons de Bogoroditzk et de Bobriki, près Toula, et celui de Kiassovo dont il fit l'acquisition pour elle près de Kolomna. Il avait pris comme collaborateur Bolotoff, l'auteur connu des Mémoires, où il est souvent question de lui, dans les termes les plus flatteurs, comme chef et comme homme. Porochine également parle beaucoup de lui dans son Journal. Gagarine était l'hôte assidu du Grand-Duc Paul Pétrowitch, qui semblait, ainsi que Panine, l'avoir adopté comme cible pour toute espèce de pointes et de farces, et Porochine note le 24 décembre 1764: „Pas mal de plaisanteries, à table, sur le compte du prince Gagarine, qui, loin de se formaliser, semble mettre sa gloire et son plaisir à s'y prêter. C'est un nouveau genre de gloire et de plaisir qui consiste à ne pas manquer une occasion de faire des excentricités et des caprices". Et il ajoute quelques jours après: „Au demeurant, excellent homme, à la conscience un peu bornée". Panine le plaisantait constamment: „Il ne peut souffrir aucune autorité", disait-il lors des démêlés qu'il eut, étant écuyer, avec le grand écuyer, et il le traite ailleurs de républicain et de factieux. A la Cour Impériale, c'était la même chose: on lit constamment dans Porochine: „On a bien ri de Gagarine", „on s'est bien moqué de lui". Gagarine mourut à Moscou en 1782, et fut inhumé à Michino, sa propriété préférée, gouvernement de Riazan. Il avait épousé la comtesse Prascovie Pavlowna Yagoujinsky († 1775), dont il eut six fils, Basile, capitaine de 1er rang, Serge (1745—1798), conseiller privé actuel, Paul (1747—1789), général lieutenant, Pierre, Ivan (1754—1810), capitaine de 2e rang, et Théodore (1757—1794), colonel, et deux filles, Anne (1742—1800), mariée au comte N. Saltykoff, et Natalie à S. Kolytcheff.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince V. Gagarine, Nikolskoïé-Gagarino, gouv. de Moscou.)

189

Княгиня ПРАСКОВЬЯ ПАВЛОВНА ГАГАРИНА, 17..—1775, дочь сподвижника Петра Великаго, графа Павла Ивановича Ягужинскаго (р. 1683 г., † 1736 г.), отъ перваго брака его съ Анной Ѳедоровной Хитрово († 1733 г.), жена президента Коллегіи Экономіи, сенатора, штальмейстера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Васильевича Гагарина († 1782 г.). Въ 1743 г. она была съ мужемъ замѣшана въ извѣстное Лопухинское дѣло, что, однако, не имѣло для нихъ дурныхъ послѣдствій: ихъ спасло незнаніе нѣмецкаго языка; хотя при нихъ и происходили разговоры Лопухиной и мачехи Прасковьи Павловны, графини Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой, съ Австрійскимъ посланникомъ маркизомъ де-Ботта, Гагарины ихъ не понимали, не зная нѣмецкаго языка. Извѣстный А. Т. Болотовъ сдѣлалъ въ своихъ „Запискахъ“ слѣдующую характеристику княгини Прасковьи Павловны: „Старушка-княгиня показалась мнѣ ни рыбою, ни мясомъ и набитою одною только княжескою спѣсью, простиравшейся даже до того, что никогда не удостоила меня не только какимъ-нибудь привѣтствіемъ, но ниже однимъ словомъ“. Княгиня Гагарина имѣла 6 сыновей: Василія, Сергѣя (р. 1745 г., † 1798 г.), Павла (р. 1747 г., † 1789 г.), Петра, Ивана (р. 1754 г., † 1810 г.) и Ѳедора (р. 1757 г., † 1794 г.), и 2 дочерей: Анну (р. 1742 г., † 1800 г.), за графомъ П. В. Салтыковымъ, и Наталью, за Степ. Степ. Колычевымъ.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя В. И. Гагарина, с. Никольское-Гагарино, Московской губ.)

189

La princesse **PRASCOVIE PAVLOWNA GAGARINE**, 17..—1775, fille du comte Paul Ivanowitch Yagoujinsky (1685—1736), compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, et de sa première femme, Anne Féodorowna, née Khitrovo († 1733), épousa le prince Serge Vassiliewitch Gagarine († 1782), président du Collège des Finances, sénateur, écuyer et conseiller privé actuel. En 1743, elle fut, ainsi que lui, compromise dans la fameuse affaire Lopoukhine, mais ils purent s'en tirer, grâce à leur ignorance de l'allemand: témoins des entretiens de Mme Lopoukhine et de la seconde femme du père de la princesse, la comtesse Anne Gavrilowna Bestoujeff-Riumine, avec le marquis de Botta, ministre autrichien, ils furent pourtant mis hors de cause comme hors d'état de les avoir compris. L'écrivain connu Bolotoff a laissé de la princesse Gagarine dans ses Mémoires la caractéristique suivante: „La vieille princesse ne m'a paru ni chair ni poisson; pénétrée de sa morgue princière, elle n'a jamais daigné m'honorer ni d'un salut ni même d'une seule parole".

La princesse Gagarine eut six fils: Basile, Serge (1745—1798), Paul (1747—1789), Pierre, Ivan (1754—1810) et Théodore (1757—1794), et deux filles, Anne (1742—1800), mariée au comte N. Saltykoff, et Natalie, à Stéphane Kolytcheff.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince V. Gagarine, Nikolskoïé-Gagarino, gouv. de Moscou.)

190

Князь СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 17..—1852, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Сергѣя Сергѣевича (р. 1745 г., † 1798 г.), отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной (р. 1762 г., † 1802 г.), служилъ сначала въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Министерствѣ Императорскаго двора; съ 1829 по 1833 г. онъ занималъ должность директора Императорскихъ театровъ и оставилъ по себѣ самую прекрасную память. Гагаринъ приложилъ много труда для улучшенія театральнаго дѣла. При немъ была введена поспектакльная плата. Князь С. С. Гагаринъ рѣзко отличался отъ другихъ театральныхъ дѣятелей того времени. Въ то время какъ всѣ его предшественники занимались волокитствомъ и жили съ актрисами, онъ, изъ гордости и по любви къ женѣ, не подчинился этому обыкновенію (зато въ ранней молодости онъ покорилъ сердца знаменитой Mlle Марсъ и Маріи Антоновны Парышкиной). Чтобы не давать повода къ толкамъ, онъ принималъ всегда актрисъ, стоя, и ихъ не приглашалъ садиться. По свидѣтельству одного изъ подчиненныхъ его, трудно найти болѣе добраго, безпристрастнаго и безкорыстнаго начальника. Гагаринъ вышелъ въ отставку въ 1833 г., послѣ того, какъ министръ Двора отказался увеличить, по его представленію, сумму, отпускаемую на театръ. Впослѣдствіи онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ.

Князь С. С. Гагаринъ скончался 5 Сентября 1852 года. Отъ брака съ Изабеллой Адамовной Валевской онъ имѣлъ сына Сергѣя (р. 1832 г., † 1890 г.) и 6 дочерей: Варвару († 190. г.; въ замужствѣ за Датскимъ посланникомъ барономъ Плессенъ), Александру († 1908 г.), Ольгу († 1852 г.), Марію († 1907 г.; за графомъ П. Г. Шуваловымъ), Софію и Татьяну.

(Съ портрета Виже-Лебрень; собственность князя В. Н. Гагарина, въ Москвѣ.)

190

Le prince **SERGE SERGUÉEWITCH GAGARINE**, 17..—1852, fils du prince Serge Serguéewitch Gagarine (1745—1798), conseiller d'état actuel, et de Varvara Nikolaewna, née princesse Golitzyne (1762—1802), servit d'abord au ministère des affaires étrangères, puis à celui de la Cour. Directeur des Théâtres Impériaux de 1829 à 1833, il laissa les meilleurs souvenirs et fit beaucoup pour l'amélioration du théâtre; ce fut lui qui mit en vigueur les abonnements de série. A la différence des autres hommes de théâtre de l'époque, grands amateurs de beau sexe et tous liés avec des actrices, il eut la fierté de rester tout entier à son amour pour sa femme (ajoutons qu'il fit étant jeune la conquête de la célèbre Mlle Mars et de Marie Narychkine); pour éviter toute espèce de propos malveillants, il recevait toujours les actrices debout, et sans les faire asseoir. Au témoignage d'un de ses subordonnés, il était difficile de trouver dans un chef plus de bonté, d'impartialité et de désintéressement. Il donna sa démission en 1833, à la suite du refus opposé par le ministre de la Cour à sa demande d'augmentation pour le budget des théâtres. Il fut plus tard grand maître de la Cour.

Le prince Gagarine mourut le 5 septembre 1852. Il avait épousé Isabelle Adamowna Walewsky, dont il eut un fils, Serge (1832—1890), et six filles: Varvara († 190.), mariée au baron Plessen, ministre de Danemark, Alexandrine († 1908), Olga († 1852), Marie († 1907), mariée au comte P. Schouvaloff, Sophie et Tatiana.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au prince V. Gagarine, Moscou.)

191

Князь НИКОЛАЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГАГАРИНЪ, 1786—1842, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Сергѣевича (р. 1745 г., † 1798 г.), отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной (р. 1762 г., † 1802 г.), родился 19 Іюля 1786 года. Пожалованный въ ранней молодости въ камеръ-юнкеры, Гагаринъ въ Октябрѣ 1833 г. получилъ званіе гофмейстера и назначенъ вице-президентомъ Кабинета Его Величества. Ему обязанъ образцовой постановкой дѣла Императорскій фарфоровый заводъ. 25 Іюля 1842 г. князь П. С. Гагаринъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ. При выходѣ изъ присутствія въ половинѣ третьяго часа онъ встрѣтилъ въ дверяхъ прихожей бывшаго лѣсничаго Сарто-Лахтинскаго имѣнія Рейнмана. Послѣ краткаго разговора съ княземъ Рейнманъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ въ шею. Несмотря на медицинскую помощь, Гагаринъ черезъ нѣсколько минутъ скончался. Рейнманъ объяснилъ, что онъ убилъ князя изъ-за того, что, несмотря на все свое усердіе по службѣ, подвергался притѣсненіямъ и, наконецъ, остался безъ куска хлѣба.

Князь П. С. Гагаринъ погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской лавры. Человѣкъ очень богатый, онъ жилъ открыто и широко. Въ Петербургѣ славились его обѣды, на которые съѣзжался весь высшій свѣтъ. Въ 1812 г. Гагаринъ сформировалъ на свой счетъ полкъ.

По словамъ современниковъ, у него было пристрастіе къ прислугѣ изъ иностранцевъ, русской прислуги у него въ домѣ совсѣмъ не было. Хотя Гагаринъ и погибъ отъ руки одного изъ своихъ подчиненныхъ, недовольнаго имъ, но въ сущности онъ былъ гуманный начальникъ.

Князь П. С. Гагаринъ былъ женатъ на графинѣ Маріи Алексѣевнѣ Бобринской (р. 1798 г., † 1835 г.) и имѣлъ 2 сыновей: Николая (р. 1823 г., † 1902 г.) и Льва (р. 1828 г., † 1868 г.), и 2 дочерей: Марію (р. 1820 г., † 1837 г.) и Леонилу († 1887 г.), за свѣтлѣйшимъ княземъ Вл. А. Меншиковымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю В. П. Гагаринну, въ Москвѣ.)

191

Le prince NICOLAS SERGUÉEWITCH GAGARINE, 1786—1842, fils du prince Serge Serguéewitch Gagarine (1745—1798), conseiller privé actuel, et de Varvara Nikolaewna, née princesse Golitzyne (1762—1802), naquit le 19 juillet 1786. Gentilhomme de la chambre tout jeune encore, il passa chambellan en octobre 1853 et fut nommé vice-président du Cabinet de Sa Majesté. C'est à lui que la Manufacture Impériale de Porcelaine doit son organisation modèle. Il fut assassiné le 25 juillet 1842 par un de ses subordonnés. Il quittait le service vers deux heures et demie, lorsqu'il croisa dans le vestibule un ancien forestier du domaine de Lakhta, du nom de Reinmann, qui, après quelques paroles échangées, lui tira une balle de pistolet dans le cou. En dépit de tous les soins, le blessé mourut au bout de quelques minutes. Reinmann se plaignait d'avoir été de la part du prince, malgré son zèle dans le service, en butte à des vexations qui l'auraient finalement réduit à la misère.

Le prince Gagarine fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Possesseur d'une grosse fortune, il recevait beaucoup et vivait sur un grand pied: ses diners, fameux à Pétersbourg, réunissaient la fine fleur de l'aristocratie. En 1812, il équipa tout un régiment à ses frais.

Au témoignage des contemporains, il avait un faible pour les domestiques étrangers et ne comptait pas un seul russe parmi ses gens de maison. Victime d'un subordonné aigri, c'était pourtant en réalité un excellent chef.

Le prince Gagarine épousa la comtesse Marie Alexéewna Bobrinsky (1798—1835), dont il eut deux fils, Nicolas (1823—1902) et Léon (1828—1868), et deux filles, Marie (1820—1837) et Léonille († 1887), mariée au prince sérénissime V. Menchikoff.

(D'après un original appartenant au prince V. Gagarine, Moscou.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ, 1791—1850, старшій сынъ графа Никиты Петровича (р. 1771 г., † 1837 г.), отъ брака его съ графиней Софіей Владиміровной Орловой (р. 1774 г., † 1844 г.), родился въ Москвѣ 22 Марта 1791 года. Получивъ хорошее домашнее образованіе, А. Н. Панинъ въ 1809 г. поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, но когда началась Отечественная война, опредѣлился прапорщикомъ въ ополченіе и за отличіе при Бородинѣ произведенъ въ поручики. Переведенный въ 1813 г. въ Исковскій кирасирскій полкъ, Панинъ принималъ участіе и въ послѣдующихъ войнахъ съ Наполеономъ, а при Лейпцигѣ былъ контуженъ. По окончаніи войны онъ служилъ послѣдовательно въ полкахъ: Екатеринославскомъ кирасирскомъ, Кавалергардскомъ и Глуховскомъ кирасирскомъ, въ который былъ переведенъ, съ чиномъ подполковника, за участіе въ вызовѣ на дуэль С. А. Горяинова графомъ З. Г. Чернышевымъ. Въ 1825 г. онъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника. Въ 1830 г. Панинъ перешелъ въ гражданскую службу на должность чиновника особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа. Панину былъ порученъ, между прочимъ, надзоръ за университетомъ. Исполняя возложенныя на него обязанности, онъ часто посѣщалъ университетъ и особенно наблюдалъ за исправностью въ одеждѣ и прическѣ казенныхъ студентовъ. Когда въ 1830 г. въ Москвѣ стала свирѣпствовать холера, Панинъ принялъ на себя обязанности попечителя Тверской части. Разсказываютъ, что онъ, замѣтивъ при ежедневномъ посѣщеніи больницъ, какъ неохотно больные, боясь заразы, садятся въ ванну, однажды раздѣлся и при нихъ сѣлъ въ ванну. Въ 1833 г. Панинъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, а въ 1838 г.—членомъ Главнаго правленія училищъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но уже въ слѣдующемъ году личныя дѣла, вынуждавшія его часто уѣзжать для управленія обширными имѣніями (у него съ братомъ было болѣе 11/т. душъ крестьянъ), заставили его выйти въ отставку и поселиться въ Москвѣ. Сельское хозяйство сдѣлалось съ тѣхъ поръ главнымъ занятіемъ Панина. Въ 1839 г. онъ былъ избранъ въ члены Московскаго сельско-хозяйственнаго общества и не мало для него потрудился: хлопоталъ о привлеченіи туда лицъ дѣйствительно полезныхъ, въ 1846 и 1847 гг. редактировалъ изданіе общества „Журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства“, собиралъ въ своемъ домѣ членовъ для обсужденія вопроса о распространеніи грамотности въ народѣ, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для хозяйственнаго описанія Московской губерніи. Панинъ обладалъ значительными познаніями по ботаникѣ и агрономіи, которыя онъ примѣнялъ въ своемъ Смоленскомъ имѣніи, Дугинѣ. Онъ любилъ также заниматься цвѣтоводствомъ и участвовалъ въ трудахъ Московскаго общества любителей садоводства. Въ Москвѣ Панинъ велъ открытый образъ жизни и часто принималъ гостей въ своемъ домѣ на Никитской, унаслѣдованномъ отъ Орловыхъ и до сихъ поръ принадлежащемъ его потомкамъ. По свидѣтельству графа В. П. Орлова-Давыдова, Панинъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми родными и знакомыми за кротость нрава и возвышенность чувствъ, а, по словамъ другихъ современниковъ, онъ отличался добротой, деликатностью и тактомъ. Однако, до насъ дошелъ и неблагопріятный отзывъ бывшаго Московскаго студента, утверждающаго, что Панинъ былъ „необузданный деспотъ, видѣвшій въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считавшій студентовъ опасными для всего общества и признававшій необходимымъ держать ихъ въ ежёвыхъ рукавицахъ. Онъ никогда не говорилъ съ ними, какъ съ людьми, а повелительно кричалъ на нихъ своимъ густымъ басомъ“. Панинъ отличался очень высокимъ ростомъ. Скончался онъ въ Москвѣ 15 Февраля 1850 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Женатъ былъ (съ 29 Апрѣля 1823 г.) на Александрѣ Сергѣевнѣ Толстой (р. 1800 г., † 1873 г.) и имѣлъ 2 дочерей: Софію (р. 1825 г., † 1905 г.), въ замужствѣ за княземъ Г. А. Щербатовымъ, и Марію († 1903 г.), за княземъ Н. П. Мещерскимъ, и нѣсколько дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ.

(Съ миніатюры Лагрене; принадлежала княгинѣ М. А. Мещерской, село Дугино, Смоленской губ.)

Le comte ALEXANDRE NIKITITCH PANINE, 1791—1850, fils aîné du comte Nikita Pétrowitch Panine (1771—1837) et de la comtesse Sophie Vladimirowna Orloff (1774—1844), naquit à Moscou le 22 mars 1791. Après de bonnes études dans sa famille, il prit du service en 1809 aux Archives du Ministère des affaires étrangères, à Moscou, puis, au début de la Guerre Patriotique, s'enrôla enseigne dans la milice et passa lieutenant pour sa valeur à Borodino. Affecté en 1813 au régiment des cuirassiers de Pskoff, il fit toutes les guerres napoléoniennes et reçut une contusion à Leipzig. A la paix, il servit successivement aux cuirassiers d'Ekatérinoslav, aux Chevaliers-Gardes, et enfin aux cuirassiers de Gloukhoff, où il fut envoyé comme lieutenant-colonel pour avoir été mêlé à la provocation en duel du comte Z. Tchernycheff à S. Goriaïnoff. Il prit sa retraite en 1825 avec grade de colonel. En 1830, il passa au service civil et devint fonctionnaire pour missions spéciales près le curateur de l'arrondissement scolaire de Moscou. Il avait, entre autres attributions, la surveillance de l'Université, où il faisait en conséquence de fréquentes inspections, veillant surtout à la régularité du vêtement et de la coiffure des boursiers de l'Etat. Lors du choléra de 1830, il se chargea de la direction du quartier de Tver; voyant au cours de ses visites quotidiennes aux hôpitaux la répugnance inspirée par les bains en raison des risques de contagion, un jour, dit-on, il se déshabilla et se mit au bain devant les malades. Adjoint en 1833 au curateur de l'arrondissement scolaire de Kharkoff, en 1838, membre de la Direction générale des écoles avec rang de conseiller d'état actuel, il donna l'année suivante sa démission pour se fixer à Moscou, en raison des fréquents déplacements que lui imposait la surveillance de ses immenses propriétés: il possédait avec son frère plus de 11.000 têtes de paysans. Dès lors il ne s'occupa plus que de faire valoir. Elu en 1839 membre de la Société d'Economie Rurale de Moscou, il fit beaucoup pour elle, s'efforça de lui recruter des collaborateurs utiles, rédigea en 1846 et 1847 le Journal d'Economie Rurale publié par elle, réunit chez lui ses collègues pour étudier les moyens de répandre l'instruction dans le peuple, et présida le comité pour la description économique du gouvernement de Moscou. Il avait en botanique et en agronomie des connaissances étendues qu'il mettait en application dans sa propriété de Douguino, près Smolensk. Il s'intéressait également à l'horticulture et collabora aux travaux de la Société d'Horticulture de Moscou. En ville, il menait grand train et recevait fréquemment dans sa maison de la Nikitzkaïa, qu'il tenait des Orloff et qui appartient toujours à ses descendants. Aimé et estimé de tous ses parents et amis, dit le comte Orloff-Davydoff, pour sa douceur de caractère et son élévation de sentiments, il était, disent aussi d'autres contemporains, rempli de bonté, de délicatesse et de tact. On trouve pourtant une note discordante dans le témoignage d'un ancien étudiant de l'université de Moscou: „Despote effréné, il voyait dans les étudiants autant d'ennemis personnels, les estimait un danger pour la société tout entière, et recommandait de les tenir serré. Jamais il ne leur parlait comme à des hommes; il ne savait que crier après eux sur un ton autoritaire de toute la force de sa basse profonde". Panine était d'une taille colossale. Il mourut à Moscou le 15 février 1850, et fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait épousé le 29 avril 1823 Alexandrine Serguéewna Tolstoï (1800—1873), dont il eut, outre plusieurs autres enfants morts en bas âge, deux filles, Sophie (1825—1905), mariée au prince G. Chtcherbatoff, et Marie († 1903) au prince N. Mechtchersky.

(D'après une miniature de Lagrenée, ayant appartenu à la princesse M. Mechtchersky, Douguino, gouvernement de Smolensk.)

Графиня АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВНА ПАШИНА, 1800—1873, дочь гвардіи капитанъ-поручика Сергѣя Васильевича Толстого (р. 1771 г., † 1831 г.), отъ брака его съ княжной Еленой Петровной Долгорукой (р. 1774 г., † 1823 г.), сестрой извѣстныхъ дѣятелей начала царствованія Александра I, родилась 27 Марта 1800 г., а 29 Апрѣля 1823 г. вышла замужъ за графа Александра Никитича Пашина (р. 1791 г., † 1850 г.). По свидѣтельству двоюроднаго брата мужа, графа В. П. Орлова-Давыдова, она въ молодости была очень привѣтлива, весела и вносила въ свой семейный кругъ много оживленія милыми и забавными затѣями.

По выходѣ въ отставку графа въ 1839 г., Пашины поселились въ Москвѣ, гдѣ графиня и провела вторую половину своей жизни, исполненной добра и любви къ ближнему. Послѣдніе годы своей жизни она состояла помощницей предсѣдательницы совѣта Попечительства о бѣдныхъ.

Графиня А. С. Пашина скончалась 15 Февраля 1873 года. У нея было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли только двѣ дочери: Софія (р. 1825 г., † 1905 г.), за княземъ Г. А. Щербатовымъ, и Марія († 1903 г.), за княземъ П. П. Мещерскимъ.

(Съ миніатюры Лагрене, хранящейся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

193

La comtesse ALEXANDRINE SERGUÉEWNA PANINE, 1800—1873, fille du capitaine-lieutenant de la Garde Serge Vassiliewitch Tolstoï (1771—1831) et de la princesse Hélène Pétrowna, née Dolgorouky (1774—1823) et sœur des Dolgorouky connus au début du règne d'Alexandre Ier, naquit le 27 mars 1800, et épousa le 29 avril 1823 le comte Alexandre Nikititch Panine (1791—1850). Dans sa jeunesse, dit son cousin germain par alliance, le comte Orloff-Davydoff, elle avait un charme et une gaîté qui contribuaient, avec une foule de gentils petits projets qu'elle avait l'art d'organiser, à répandre dans toute la famille une extrême animation.

A la retraite du comte en 1839, les Panine s'installèrent à Moscou, où la comtesse passa la seconde moitié de sa vie dans l'amour du prochain et les bonnes œuvres. Elle fut sur ses vieux jours vice-présidente du conseil de l'Assistance Publique.

La comtesse Panine mourut le 15 février 1873. Elle eut plusieurs enfants, dont il ne survécut que deux, Sophie (1825—1905), mariée au prince G. Chtcherbatoff, et Marie († 1903) au prince N. Mechtchersky.

(D'après une miniature de Lagrenée, Musée Historique de Moscou.)

Графъ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ ПАНИНЪ, 1801—1874, пятый сынъ графа Никиты Петровича Панина отъ брака съ графиней Софіей Владиміровной Орловой, родился въ Москвѣ 28 Марта 1801 года. Онъ получилъ тщательное домашнее образованіе и слушалъ лекціи въ Іенѣ. Выдержавъ экзаменъ при Московскомъ университетѣ, Панинъ 12 лѣтъ провелъ на дипломатической службѣ, въ качествѣ секретаря посольства въ Мадридѣ, чиновника Военно-походной канцеляріи Государя и повѣреннаго въ дѣлахъ при Греческомъ правительствѣ съ 1829 по 1831 г.; 20 Ноября 1831 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря и товарищемъ министра Юстиціи. Пожалованный черезъ годъ въ статсъ-секретари, Панинъ 31 Декабря 1839 г. былъ назначенъ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, а 16 Апрѣля 1841 года утвержденъ въ должности министра; 18 Февраля 1860 г. Панинъ, принимавшій съ 1839 г. участіе въ комитетахъ, занятыхъ крестьянской реформой, былъ назначенъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ комиссій, вырабатывавшихъ Положеніе о крестьянахъ, и сталъ во главѣ крестьянской реформы на мѣсто умершаго графа Ростовцева. Тогда же онъ былъ освобожденъ отъ управленія Министерствомъ Юстиціи. По окончаніи работъ комиссій графъ Панинъ, 17 Апрѣля 1861 г., получилъ рескриптъ „за огромные и полезные труды“, а 23 Апрѣля орденъ св. Андрея. Уволенный 21 Октября 1862 года отъ должности министра Юстиціи, Панинъ 27 Февраля 1864 года былъ назначенъ главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, но слабость зрѣнія уже 16 Апрѣля 1867 года побудила его оставить этотъ постъ. При увольненіи онъ получилъ брильянтовые знаки ордена св. Андрея, а въ день 50-лѣтняго юбилея своей службы, 15 Декабря 1869 года, портретъ Государя для ношенія на груди. Графъ В. Н. Панинъ умеръ въ Ниццѣ 12 Апрѣля 1874 года и погребенъ въ Сергіевской пустыни, близъ С.-Петербурга.

Отъ брака съ графиней Наталіей Павловной Тизенгаузенъ онъ имѣлъ сына Владиміра, умершаго ранѣе отца, и 4 дочерей: Ольгу (за гр. Влад. Вас. Левашевымъ), Леониллу (за гр. Влад. Егор. Комаровскимъ), Евгенію и Наталію, умершихъ въ юношествѣ. Человѣкъ широкаго, „болѣе европейскаго, чѣмъ русскаго“, образованія, В. Н. Панинъ былъ поклонникомъ древнихъ классиковъ, другомъ Гёте, страстнымъ библіофиломъ и самъ былъ причастенъ къ исторической литературѣ. Иные находили его краснорѣчивымъ, но уже одна его знаменитая рѣчь къ губернскимъ депутатамъ 22 Февраля 1860 г., достойно оцѣненная въ „Колоколѣ“ Герцена, доказываетъ, что, какъ ораторъ, онъ былъ ниже посредственности. Даже люди, ему не симпатизировавшіе, какъ Я. И. Ростовцевъ, признавали его „высокочестнымъ“. Воля монарха была для него священна, и онъ, будучи противникомъ крестьянской реформы, довелъ ее до конца, согласно съ намѣреніями Александра II. Принадлежа къ роду, выдвинувшемуся изъ рядового дворянства лишь въ XVIII вѣкѣ, Панинъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своей знатности. Недоступный аристократъ съ изящными манерами и внушительной внѣшностью, смотрѣвшій съ олимпійскихъ высотъ своего величія на простыхъ смертныхъ, какъ „на существа другого порядка творенія“, Панинъ постоянно находился въ „искусственно замкнутой сферѣ“, былъ непрактичнымъ, не понимавшимъ дѣйствительности, чисто „отвлеченнымъ человѣкомъ“. Убѣжденія его отличались крайнимъ консерватизмомъ. Какъ министръ Юстиціи, графъ В. Н. Панинъ заботился о правильномъ и скоромъ „теченіи“ дѣлъ въ судахъ; преобразовавъ Межевую часть, онъ организовалъ Консультацію при Министерствѣ, вырабатывая „нравственныя начала“ для Уголовнаго Уложенія, заботился даже объ архивахъ и учредилъ въ Москвѣ Архивъ Министерства Юстиціи. Но начинанія „отвлеченнаго“ министра не всегда приводили къ благимъ результатамъ. Служебный долгъ былъ конькомъ графа Панина, но онъ понималъ его въ самомъ узкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ безпрекословное повиновеніе волѣ начальства. Резолюціи его считались не подлежащими отмѣнѣ, хотя бы онъ самъ убѣждался позднѣе въ ихъ нелѣпости.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte VICTOR NIKITITCH PANINE, 1801—1874, cinquième fils du comte Nikita Pétrowitch Panine et de la comtesse Sophie Vladimirowna, née Orloff, naquit à Moscou le 28 mars 1801. Après une éducation soignée reçue dans sa famille, il alla suivre les cours à Iéna, et passa ensuite avec succès les examens de sortie de l'université de Moscou. Il fut d'abord douze ans dans la diplomatie, successivement secrétaire d'ambassade à Madrid, attaché à la Chancellerie Militaire en campagne, et, de 1829 à 1831, chargé d'affaires près du gouvernement grec. Nommé le 20 novembre 1831 sous-secrétaire d'état, et adjoint du ministre de la justice, il passa un an plus tard secrétaire d'état, et devint le 31 décembre 1839 gérant du ministère de la justice, puis, le 16 avril 1841, ministre. Après avoir été depuis 1839 de tous les comités d'études pour la question du servage, il fut fait le 18 février 1860 président des commissions chargées de l'élaboration du nouveau Règlement sur les Paysans, et, à la mort du comte Rostovtzeff, le remplaça à la tête de la grande réforme; il était en même temps relevé de la gérance du ministère de la justice. L'œuvre de l'émancipation une fois terminée, il reçut le 17 avril 1861 un rescrit Impérial „pour ses considérables et précieux travaux", et le 23 suivant l'ordre de St-André. Le 21 octobre 1862, il résigna ses fonctions de ministre et fut nommé le 27 février 1864 directeur général de la 2e Section de la Chancellerie Personnelle de S. M. l'Empereur, mais la faiblesse de sa vue lui fit donner sa démission dès le 16 avril 1867. Il reçut en partant les insignes en brillants de St-André, puis, le 15 décembre 1869, à l'occasion du cinquantenaire de son entrée au service, le portrait de S. M. pour porter sur la poitrine. Le comte Panine mourut à Nice le 12 avril 1874, et fut inhumé au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

De son mariage avec la comtesse Natalie Pavlowna Tiesenhausen, il eut un fils, Vladimir, mort avant lui, et quatre filles, Olga, mariée au comte Vladimir Vassiliewitch Lévachoff, Léonille au comte Vladimir Egorowitch Komarowsky, Eugénie et Natalie, mortes jeunes.

Avec son instruction étendue, „plus européenne que russe", le comte Panine, fervent adepte des classiques de l'antiquité, ami de Gœthe, bibliophile passionné, n'était pas étranger lui-même à la littérature historique. Malgré la réputation d'éloquence qu'on essaya de lui faire, c'est assez de son fameux discours du 22 février 1860 aux députés des gouvernements, apprécié à sa juste valeur dans La Cloche de Herzen, pour le classer, comme orateur, au-dessous du médiocre. Mais sur sa „haute probité", tout le monde est d'accord, même de ceux qui ne sympathisèrent pas avec lui, comme Rostovtzeff. La volonté de S. M. était sacrée pour lui: c'est ainsi qu'adversaire personnel de l'émancipation, il la mena pourtant à bien, conformément aux vues d'Alexandre II. D'une famille qui ne s'éleva au-dessus de la petite noblesse qu'au XVIIIe siècle, il n'en était pas moins infatué de son aristocratie. D'une morgue inabordable, avec ses manières exquises et son extérieur imposant, il regardait du haut de sa grandeur les simples mortels comme des „êtres d'un autre genre de façon"; confiné dans „un milieu artificiel et fermé", dépourvu de sens pratique et d'intelligence de la réalité, ce fut une pure „abstraction d'homme". Comme convictions, il était conservateur à outrance. Ministre, il veilla à la marche régulière et rapide des actions en justice, réforma l'administration du cadastre, organisa une Consultation au ministère, élabora des „principes moraux" pour le Code Criminel, s'occupa même des archives et fonda à Moscou les Archives du Ministère de la Justice. Mais l'initiative de cette „abstraction" de ministre ne fut pas toujours couronnée de succès. Il avait une marotte, le devoir du fonctionnaire, qu'il entendait au sens le plus étroit d'obéissance passive à la volonté des supérieurs. Ses résolutions étaient regardées comme immuables, en reconnût-il lui-même plus tard l'absurdité.

(D'après une miniature appartenant à Mme Xido, St-Pétersbourg.)

195

Графиня НАТАЛІЯ ПАВЛОВНА ПАНИНА, 1810—1899, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора графа Павла Ивановича Тизенгаузена (р. 1774 г.), отъ брака его съ графиней Юліей Петровной Паленъ, дочерью извѣстнаго графа Петра Алексѣевича, родилась 31 Марта 1810 года. Графиня Наталія Павловна вступила въ бракъ съ графомъ Викторомъ Никитичемъ Панинымъ (р. 1801 г., † 1874 г.), бывшимъ позднѣе министромъ Юстиціи. Отъ этого брака у графини Паниной былъ сынъ Владиміръ и 4 дочери.

Графиня Наталія Павловна Панина умерла 18 Іюня 1899 г. и похоронена въ Сергіевой пустыни, близъ С.-Петербурга.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. В. Ксидо, въ С.-Петербургѣ.)

195

La comtesse **NATALIE PAVLOWNA PANINE**, 1810—1899, fille du comte Paul Ivanowitch Tiesenhausen (né 1774), conseiller privé actuel et sénateur, et de la comtesse Julie Pétrowna, née Pahlen, fille du célèbre comte Pierre Pahlen, naquit le 31 mars 1810. Elle épousa le comte Victor Nikititch Panine (1801—1874), le futur ministre de la justice, et eut un fils, Vladimir, et quatre filles.

La comtesse Panine mourut le 18 juin 1899, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

(D'après une miniature appartenant à Mme Xido, St-Pétersbourg.)

196

Графиня МАРІЯ НИКОЛАЕВНА СКАВРОНСКАЯ, 1729—1804, была старшей изъ трехъ дочерей тайнаго совѣтника и св. Александра Невскаго кавалера барона Николая Григорьевича Строганова (р. 1706 г., † 1758 г.) и жены его, Прасковьи Ивановны, рожденной Бутурлиной (р. 1708 г., † 1758 г.). Родилась она, судя по надписи на оборотной сторонѣ прилагаемаго ея портрета, въ Москвѣ 21 Декабря 1729 года, а въ 1752 году вышла замужъ за двоюроднаго брата Императрицы Елисаветы Петровны, графа Мартына Карловича Скавронскаго (р. 1714 г., † 1776 г.), безобразная наружность коего, по словамъ Екатерины II, равнялась только его глупости. Бракъ этотъ состоялся не безъ участія Императрицы Елисаветы Петровны, весьма благоволившей къ дому Строгановыхъ и искавшей породнить семью Скавронскихъ съ знаменитыми русскими фамиліями. Свадьба была отпразднована съ большой пышностью въ Петербургѣ, въ только-что отстроенномъ домѣ барона Сергѣя Григорьевича Строганова, дяди невѣсты, гдѣ, по случаю бракосочетанія, данъ былъ балъ, на которомъ присутствовала сама Императрица.

Отъ этого брака графиня М. Н. Скавронская имѣла двухъ сыновей: Петра, умершаго въ молодыхъ годахъ, и Павла (р. 1757 г., † 1793 г.), посланника въ Неаполѣ, извѣстнаго чудака, женатаго на племянницѣ Потемкина, Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, и одну дочь, Елизавету, умершую ребенкомъ (р. 1755 г., † 1767 г.) и похороненную въ Боголявленскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Сама графиня Марія Николаевна Скавронская скончалась, какъ свидѣтельствуетъ та же надпись на оборотной сторонѣ ея портрета, въ Неаполѣ 18 Декабря 1804 года.

(Съ портрета, принадлежащаго С. Н. Казнакову, въ С.-Петербургѣ.)

196

La comtesse MARIE NIKOLAEWNA SKAVRONSKY, 1729—1804, l'aînée des trois filles du baron Nicolas Grigoriewitch Stroganoff (1706—1758), conseiller privé et chevalier de St-André, et de Prascovie Ivanowna, née Boutourline (1708—1758), naquit, dit la légende au revers de son portrait, le 21 décembre 1729 à Moscou. Elle épousa en 1752 un cousin germain de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, le comte Martin Karlowitch Skavronsky (1714—1776), dont la laideur, dit Catherine II, n'avait d'égale que la bêtise. L'Impératrice Elisabeth Pétrowna n'était pas étrangère à ce mariage: elle avait la famille Stroganoff en grande affection, et cherchait à unir les Skavronsky aux grands noms russes. L'union fut célébrée en grande pompe à Pétersbourg, dans la maison neuve du baron Serge Grigoriewitch Stroganoff, oncle de la mariée, et le bal qui y fut donné à cette occasion fut honoré de la présence de l'Impératrice.

La comtesse Skavronsky eut deux fils, Pierre, mort jeune, et Paul (1757—1793), ministre à Naples, connu pour ses excentricités, et qui épousa une des nièces de Potemkine, Catherine Vassiliewna Engelhardt, et une fille, Elisabeth (1755—1767), morte enfant et inhumée au monastère de l'Epiphanie, à Moscou. La comtesse elle-même mourut, dit la légende du revers de son portrait, le 18 décembre 1804, à Naples.

(D'après un original appartenant à S. Kaznakoff, St-Pétersbourg.)

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ, 1738—1821, второй сынъ Григорія Акинѳіевича Демидова, отъ брака его съ Анастасіей Павловной Суровцовой, родился 29 Декабря 1738 г.; съ 1748 г. по 1751 г. воспитывался въ Ревелѣ, у проф. Сигизмунди, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Гёттингенскомъ университетѣ и въ Горной академіи въ Фрейбергѣ, послѣ чего, въ теченіе 6 лѣтъ, путешествовалъ по Европѣ, вездѣ изучая горное дѣло. Въ Февралѣ 1762 г. онъ возвратился въ Россію и, передавъ значительную часть полученныхъ послѣ отца имѣній въ распоряженіе братьевъ, посвятилъ себя исключительно занятіямъ наукой, при чемъ, принятый въ службу совѣтникомъ Берг-Коллегіи, онъ объѣздилъ Екатеринбургскіе и другіе горные заводы. Проживая зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Нижегородской деревнѣ, или въ подмосковномъ селѣ Леоновѣ, на Яузѣ, онъ въ 1772 г. вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника, и уѣхалъ за границу, въ Спа, затѣмъ въ Стокгольмъ, откуда вернулся черезъ годъ и всецѣло отдался „философскому уединенію, разсматриванію природы и ученымъ созерцаніямъ“, поддерживая оживленную переписку съ Бюффономъ, Гелертомъ, Валлеріусомъ, Линнеемъ и другими европейскими учеными; Линнею онъ сообщалъ о своихъ научныхъ открытіяхъ, которыми великій ученый пользовался съ благодарностью. Во время своихъ странствованій за границею и по Россіи Демидовъ собралъ богатѣйшія коллекціи по всѣмъ отдѣламъ естествознанія, а также по нумизматикѣ и художествамъ (въ основу ихъ положенъ пріобрѣтенный имъ въ Парижѣ кабинетъ актрисы Клеронъ), и большую библіотеку книгъ и рукописей; каталогъ послѣдней, по выработанной самимъ Демидовымъ системѣ, а также описи минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій, былъ изданъ на французскомъ языкѣ въ Москвѣ, въ 1806 г., проф. Фишеромъ (3 части); здѣсь указаны и рукописныя сочиненія самого Демидова по разнымъ вопросамъ — числомъ 14; къ каталогу приложенъ портретъ Демидова, гравированный Соколовымъ съ Рокотова и краткая его біографія. Въ 1803 г. (29 Апр.) Демидовъ обратился къ Императору Александру съ прошеніемъ объ учрежденіи въ Ярославлѣ „училища, которое имѣло бы одинаковую степень съ университетами и всѣ преимущества онаго“, для чего онъ изъявилъ желаніе пожертвовать 3578 душъ въ Романовскомъ и Угличскомъ уѣздахъ и 100/т. руб. асс. Пожертвованіе это было принято, и 6 Іюня Высочайше повелѣно было Сенату „привести въ исполненіе всѣ распоряженія Демидова въ точной сообразности съ его волей“, при чемъ онъ награжденъ былъ орденомъ Владиміра 1-й ст. большого креста, „установленнаго въ награду изящныхъ гражданскихъ дѣятелей“. 28 Января 1805 г. утвержденъ былъ уставъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища, а 29 Апрѣля послѣдовало торжественное открытіе. Въ томъ же 1803 г. Демидовъ пожертвовалъ 100/т. руб. Московскому университету и по 50/т. руб. на Кіевскій и Тобольскій университеты, когда они будутъ открыты (послѣдняя сумма, возросшая до 190/т. руб., употреблена была на Томскій университетъ). Московскому же университету онъ подарилъ всю свою библіотеку и всѣ свои собранія, оцѣнивавшіяся въ 300/т. руб.; все это погибло въ 1812 году. За свою просвѣтительную дѣятельность Демидовъ былъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета и награжденъ (25 Марта 1805 г.) чиномъ д. ст. совѣтника. Въ 1829 г., 6 Марта, въ Ярославлѣ, на Ильинской площади, открытъ памятникъ Демидову на средства, собранныя мѣстнымъ дворянствомъ. Демидовъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Сибирской, рано овдовѣлъ и дѣтей не имѣлъ; послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ своемъ Леоновѣ, гдѣ и умеръ 1 Іюля 1821 г.; погребенъ въ Москвѣ, въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

По словамъ Бантыша-Каменскаго, Демидовъ „въ домашнемъ обращеніи былъ тихъ, кротокъ и во всемъ чрезвычайно умѣренъ; на столъ его выходило не болѣе 6 или 7 руб. въ мѣсяцъ, и вообще велъ онъ жизнь весьма воздержную. Въ знакомствѣ былъ весьма разборчивъ и уважалъ людей не по чинамъ, не по богатству, а по уму, по ихъ знаніямъ и честнымъ правиламъ въ жизни, которыя самъ соблюдалъ строго. Въ разговорахъ былъ медлителенъ и сущность дѣла понималъ не скоро; но что одинъ разъ понялъ, того не забывалъ никогда, и до конца жизни сохранилъ память необыкновенную. Его называли скупымъ, потому что онъ не давалъ обѣдовъ, былъ врагъ роскоши, носилъ нѣсколько лѣтъ одинъ кафтанъ, производилъ дворовымъ людямъ умѣренное содержаніе, чтобы они трудились для себя, не предаваясь гибельной праздности. „Всякой“, говорилъ онъ, „долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ кого благословилъ Богъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, въ Ярославлѣ.)

PAUL GRIGORIEWITCH DÉMIDOFF, 1738—1821, second fils de Grégoire Akinfiewitch Démidoff et d'Anastasie Pavlowna, née Sourovtzoff, naquit le 29 décembre 1738. Elevé à Rével, chez le professeur Sigismundi, de 1748 à 1751, il alla ensuite suivre les cours de l'université de Göttingen et de l'Ecole des Mines de Freiberg, après quoi il passa six ans à parcourir l'Europe pour étudier l'industrie minière. A son retour en Russie en février 1762, il remit aux mains de ses frères une bonne partie des propriétés héritées de son père, pour se consacrer exclusivement à la science, prit du service comme conseiller au Collège des Mines et alla à Ekatérinebourg et ailleurs visiter les industries métallurgiques. L'hiver à Moscou, l'été dans ses terres de Nijni-Novgorod ou à Léonovo, sa propriété des environs de Moscou, il prit sa retraite en 1772 comme conseiller d'état, et partit pour l'étranger. D'abord à Spa, puis à Stockholm, il revint au bout d'un an se livrer tout entier „au recueillement philosophique, à la contemplation de la nature et aux méditations scientifiques". Il entretint une correspondance suivie avec plusieurs savants étrangers, Buffon, Hellert, Valerius, et Linnée, auquel il communiqua ses découvertes scientifiques et qui les utilisa avec reconnaissance. Au cours de ses voyages en Russie et à l'étranger, il rassembla de richissimes collections d'histoire naturelle, ainsi que des galeries de numismatique et d'art, auxquelles servit de base le cabinet de Mlle Clairon, dont il avait fait l'acquisition à Paris. Il réunit aussi une belle bibliothèque de livres et de manuscrits, dont le catalogue, établi d'après un système à lui, ainsi que celui de son musée de minéralogie, zoologie et botanique, fut publié en français par le professeur Fischer (3 parties, Moscou, 1806); ce catalogue, qui contient l'indication de quatorze ouvrages manuscrits composés par lui-même sur des sujets divers, est enrichi de son portrait gravé par Sokoloff d'après Rokotoff, et d'une courte biographie. Le 29 avril 1803, Démidoff remit à l'Empereur Alexandre une requête tendant à la création à Yaroslav „d'un établissement qui fût l'équivalent des universités et en eût toutes les prérogatives"; il offrait à cet effet 3578 têtes de paysans dans les districts de Romanowsk et d'Ouglitzk et 100.000 roubles-assignats. L'Empereur agréa tout, prescrivit au Sénat, par oukase du 6 juin, „de mettre à exécution toutes les instructions de Démidoff d'une manière scrupuleusement conforme à ses intentions" et fit le généreux donateur grand-croix de St-Vladimir de 1re classe, „récompense réservée aux actes de valeur civile". Le 28 janvier 1805 furent sanctionnés les statuts de l'Ecole des Hautes Etudes Démidoff, dont l'inauguration solennelle eut lieu le 29 avril suivant. La même année 1803, Démidoff avait fait un don de 100.000 roubles à l'université de Moscou, et un autre de 50.000 roubles à chacune de celles de Kieff et de Tobolsk pour le moment de leur ouverture: la somme assignée à Tobolsk fut affectée à Tomsk; elle se montait, intérêts compris, à 190.000 roubles. A l'université de Moscou Démidoff fit don encore de toute sa bibliothèque et de toutes ses collections; ces richesses, estimées à 300.000 roubles, furent consumées en 1812. Ses éminents services scientifiques lui valurent le titre de membre honoraire de l'université de Moscou et, le 25 mars 1805, le rang de conseiller d'état actuel. La bourgeoisie de Yaroslav lui fit élever à ses frais dans cette ville un monument qui fut inauguré le 6 mars 1829, sur la place St-Elie. Marié à la princesse Anne Nikolaewna Sibirsky, il devint veuf de bonne heure et n'eut pas d'enfants. Il passa ses dernières années dans son Léonovo, où il mourut le 1er juillet 1821; il fut inhumé à Moscou, au monastère Spasso-Andronieff.

„Dans son intérieur", dit Bantych-Kamensky, Démidoff „était tranquille, doux, et d'une extrême modération en tout; sa table ne lui coûtait que 6 ou 7 roubles par mois, et il avait un régime de vie de la plus grande simplicité. Très difficile sur le choix de ses relations, il appréciait les hommes non pas d'après le rang ou la richesse, mais d'après la valeur intellectuelle, l'instruction et la rigueur des principes, sur lesquels il était très sévère pour lui-même. Lent de parole, il mettait un certain temps à saisir une chose à fond; mais une fois qu'il avait compris, il n'oubliait jamais et conserva jusqu'à la fin une mémoire extraordinaire. On le disait avare, parce qu'il ne donnait pas de dîners, n'aimait pas le luxe, gardait plusieurs années la même robe de chambre et n'accordait à ses gens que des gages modiques, pour les obliger à travailler pour eux et les préserver d'une funeste oisiveté. „Chacun", disait-il, „doit se contenter du lot que Dieu lui a donné".

(D'après un original du Lycée Juridique Démidoff, à Yaroslav.)

ПРАСКОВІЯ ИВАНОВНА ГУРЬЕВА, 1757—1813, въ теченіе многихъ лѣтъ близкая особа извѣстнаго секретаря Екатерины II, оставившаго важный въ историческомъ отношеніи дневникъ, Александра Васильевича Храповицкаго, и мать его дѣтей. Родилась П. И. Гурьева 13 Октября 1757 года. О происхожденіи ея намъ не удалось получить никакихъ свѣдѣній, равно и біографическихъ данныхъ. Есть причины предполагать, что она была замужней женщиной, и ея мужъ былъ въ родствѣ съ тѣми Гурьевыми, къ коимъ принадлежалъ министръ финансовъ, графъ Д. А. Гурьевъ.

Прилагаемый портретъ, кисти Левицкаго, принадлежащій ея родному правнуку, относится къ 1780-мъ годамъ; къ сожалѣнію, онъ сильно попорченъ какъ временемъ, такъ и реставраціей.

П. И. Гурьева жила въ домѣ А. В. Храповицкаго (у Храповицкаго моста), въ С.-Петербургѣ, много лѣтъ, и въ этомъ домѣ родились нѣкоторыя изъ ея дѣтей. Остались о ней весьма немногія замѣтки ея сына Павла Александровича, при томъ несущественныя, въ родѣ того, что „14 Октября именины матушки“.... Затѣмъ онъ же записалъ: „16 Октября 1813 г., въ 5 ч. утра, скончалась матушка“.

П. И. Гурьева погребена на кладбищѣ Фарфороваго завода, близъ Петербурга, около церкви. Могила и памятникъ еще цѣлы, но надписи уже нѣтъ. Она была слѣдующая: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Прасковьи Ивановны Гурьевой, скончавшейся 16 Октября 1813 г., на 57 году своей жизни“.

У П. И. Гурьевой и А. В. Храповицкаго было 6 человѣкъ дѣтей: Петръ (р. 10 Декабря 1777 г.), Павелъ (р. 24 Марта 1779 г., † 7 Февраля 1864 г.), Александръ (р. 9 Октября 1780 г.), Елена (р. 16 Мая 1782 г., † 5 Марта 1786 г.), Василій (р. 5 Января 1785 г.) и Надежда (р. 5 Сентября 1797 г., † 1 Мая 1882 г.; въ замужствѣ Дудина).

Сыновья Петръ и Павелъ были записаны въ дѣтствѣ—первый въ Кирасирскій полкъ, а второй въ Конную гвардію. Дѣти были признаны въ дворянствѣ и получили фамилію отца. Такъ какъ А. В. Храповицкій не былъ женатъ, то вся эта вѣтвь рода Храповицкихъ совершенно не показана въ Родословномъ Сборникѣ Руммеля, между тѣмъ именно къ этой отрасли фамиліи принадлежитъ, напримѣръ, архіепископъ Волынскій Антоній (Храповицкій), родной правнукъ современника Великой Екатерины и ея статсъ-секретаря.

(Съ портрета Левицкаго, собственность Г. І. Юзефовича, въ С.-Петербургѣ.)

198

PRASCOVIE IVANOWNA GOURIEFF, 1757—1813, resta de longues années en relations avec Alexandre Vassiliewitch Khrapovitzky, connu comme secrétaire de Catherine II et auteur d'un Journal précieux pour l'histoire de l'époque, et fut la mère de ses enfants. Elle naquit le 13 octobre 1757. Sans avoir pu découvrir qui elle était ni trouver sur elle de renseignements biographiques, nous avons des raisons de supposer qu'elle était mariée, et dans la famille du comte D. Gourieff, le ministre des finances.

Le présent portrait par Lévitzky, appartenant à un arrière-petit-fils en ligne directe de Mme Gourieff, est un peu postérieur à 1780. Il est malheureusement fort endommagé, par le temps et par une restauration.

Mme Gourieff habita longtemps chez Khrapovitzky, dans sa maison du Pont Khrapovitzky, où naquirent plusieurs de leurs enfants. On n'a conservé que quelques notes peu nombreuses et d'ailleurs sans grande importance de son fils Paul, comme celle-ci: „14 octobre fête de maman" et cette autre: „16 octobre 1813, à 5 heures du matin, mort de maman".

Mme Gourieff est inhumée au cimetière de la Manufacture de Porcelaine, près de Pétersbourg, contre l'église. La tombe et le monument sont bien conservés, mais l'épitaphe a disparu; elle était ainsi conçue: „Ici repose le corps de la Servante de Dieu Prascovie Ivanowna Gourieff, décédée le 16 octobre 1813 dans sa 57e année".

Elle eut avec Khrapovitzky six enfants, Pierre (né 10 décembre 1777), Paul (24 mars 1779—7 février 1864), Alexandre (né 9 octobre 1780), Hélène (16 mai 1782—5 mars 1786), Basile (né 5 janvier 1785) et Nadejda (5 septembre 1797—1er mai 1882), mariée à Doudine.

Ses deux fils Pierre et Paul furent enrôlés étant enfants, le premier dans un régiment de cuirassiers, le second à la Garde à cheval. Tous les enfants furent admis à la noblesse et autorisés à porter le nom de leur père, mais, Khrapovitzky n'étant pas marié, la Généalogie de Rummel ne porte pas mention de cette branche de sa famille, à laquelle appartient cependant l'archevêque de Volhynie Antoine (Khrapovitzky), arrière-petit-fils en ligne directe du contemporain et secrétaire d'état de la Grande Catherine.

(D'après un original de Lévitzky, appartenant à G. Yusefowitch, St-Pétersbourg.)

199

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА НОВОСИЛЬЦОВА, 1755—1842, была родная сестра извѣстнаго гофмейстера двора Великаго Князя Александра Павловича Ардаліона Александровича Торсукова, женатаго на Екатеринѣ Васильевнѣ Перекусихиной. Личная близость послѣдней къ Великому Князю Александру Павловичу до его свадьбы, вліяніе и любовь, которую питала Екатерина II къ теткѣ Торсуковой, знаменитой Маріи Саввишнѣ Перекусихиной, исключительное довѣріе и расположеніе, которымъ дарила Великая Княгиня Елисавета Алексѣевна самого Торсукова, все это вмѣстѣ не могло не повліять благопріятно на служебные успѣхи мужа Екатерины Александровны, Петра Ивановича Новосильцова. Сынъ Мценскаго мѣщанина, по словамъ князя П. Долгорукаго, за плутни наказаннаго кнутомъ и сосланнаго въ Сибирь, откуда онъ вернулся офицеромъ, П. И. Новосильцовъ началъ службу мелкимъ чиновникомъ и канцеляристомъ, достигнувъ потомъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія сенатора и должности генералъ-провіантмейстера. Этимъ онъ обязанъ былъ, конечно, не только своимъ исключительному уму, способностямъ, дарованіямъ и трудолюбію, но и въ значительной степени родственнымъ связямъ и вліянію жены. (См. о немъ т. V, № 111.) Екатерина II лично знала Новосильцова и умѣла его цѣнить: „Je sais", говоритъ она, „qu'il soigne beaucoup ses propres intérêts, mais il soigne également ceux de l'armée; il est intelligent et actif; il faut vivre soi-même tout en laissant vivre les autres".

По словамъ Вигеля, его „сначала пугала жена Новосильцова, Катерина Александровна: ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца". Даже князь П. Долгорукій говоритъ о ней, что это была „une femme d'un esprit remarquable".

У Новосильцовой было 6 сыновей: Александръ, Василій, Николай (р. 24 Мая 1789 г., † 2 Октября 1856 г.; сенаторъ, женатъ на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Апраксиной), Ардаліонъ, Иванъ и Петръ (р. 1797 г.; Московскій вице-губернаторъ и Рязанскій губернаторъ, женатый на Веронѣ Александровнѣ Берингъ).

Е. А. Новосильцова умерла 8 Іюня 1842 г. и похоронена на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На ея памятникѣ написано: „Матери-благодѣтельницѣ слабый знакъ искреннихъ чувствъ безпредѣльной и вѣчной благодарности ею облагодѣтельствованныхъ и горько оплакивающихъ ея кончину дѣтей съ ихъ семействами".

Настоящій портретъ былъ на Тургеневской выставкѣ въ Академіи Наукъ, онъ парный и писанъ той же рукой, что и портретъ ея мужа П. И. Новосильцова.

(Съ портрета, принадлежащаго И. А. Хвостову, с. Спасское-Лутовиново, Орловской губ.)

199

CATHERINE ALEXANDROWNA NOVOSSILTZOFF, 1755—1842, était sœur d'Ardaillon Alexandrowitch Torsoukoff, connu comme maître de la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch et mari de Catherine Vassiliewna Pérékoussikhine. Intime du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch avant son mariage, nièce de la fameuse Marie Savvichna Pérékoussikhine à laquelle Catherine II témoignait tant de confiance et d'affection, Mme Torsoukoff était ainsi dans des conditions qui, jointes au crédit dont jouissait son mari près de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, ne pouvaient que contribuer avantageusement à la carrière du mari de sa belle-sœur, Pierre Ivanowitch Novossiltzoff. Fils d'un bourgeois de Mtzensk, knouté pour quelque méfait, dit le prince P. Dolgorouky, et exilé en Sibérie, d'où il revint officier, Pierre Novossiltzoff, entré au service comme petit fonctionnaire et expéditionnaire, devint plus tard conseiller privé actuel, sénateur et commissaire général aux vivres. Tout cela, il le dut certainement beaucoup moins à ses aptitudes exceptionnelles, à ses talents et à son travail qu'à ses liens de parenté et à l'influence de sa femme. (V. sa biographie T. V, № 111.) Catherine II le connaissait personnellement et savait l'apprécier: „Je sais", disait-elle, „qu'il soigne beauconp ses propres intérêts, mais il soigne également ceux de l'armée; il est intelligent et actif: il faut vivre soi-même tout en laissant vivre les autres". Quant à sa femme, dit Wiegel, „au commencement, elle me faisait peur: rien de plus terrible que son regard et sa voix, rien de meilleur que son cœur". Et le prince P. Dolgorouky lui-même l'estime „une femme d'un esprit remarquable".

Mme Novossiltzoff eut six fils: Alexandre, Basile, Nicolas (24 mai 1789—2 octobre 1856), sénateur, marié à la comtesse Catherine Ivanowna Apraxine, Ardaillon, Ivan et Pierre (né 1797), vice-gouverneur de Moscou et gouverneur de Riazan, marié à Mérone Alexandrowna Behring.

Elle mourut le 8 juin 1842, et fut inhumée au cimetière Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Sa tombe porte l'inscription: „A la meilleure des mères, faible témoignage des sentiments sincères de reconnaissance éternelle et sans bornes de ses enfants éplorés et de leur famille".

Le présent portrait a figuré à l'Exposition Tourgnéneff, à l'Académie des Sciences. De la même main que celui de Pierre Novossiltzoff, il lui fait pendant.

(D'après un original appartenant à N. Khvostoff, Spasskoïé-Loutovinovo, gouv. d'Orel.)

Князь ВЛАДИМІРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯШВИЛЬ, 1764—1815, старшій братъ князя Льва Михайловича, также привезенный мальчикомъ съ Кавказа, происходилъ изъ неизвѣстнаго имеретинскаго княжескаго рода; родился онъ 15 Іюля 1764 года. 5 Мая 1800 г. Яшвиль, будучи капитаномъ гвардейской артиллеріи, переведенъ, съ чиномъ полковника, въ конный баталіонъ Богданова 2-го. Яшвиль былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ заговора противъ Императора Павла I и принималъ непосредственное и самое личное участіе въ событіи 11 Марта. Одной изъ побудительныхъ причинъ участія Яшвиля въ этомъ дѣлѣ была, по всей вѣроятности, личная месть: по словамъ барона Гейкинга, Павелъ I въ запальчивости побилъ князя палкой. По восшествіи на престолъ Александра I, князь Яшвиль былъ переведенъ обратно въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ (20 Марта 1801 г.). Онъ скончался въ своемъ Калужскомъ имѣніи, с. Муромцовѣ, 50 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 12 дней, 20 Іюля 1815 г., и похороненъ въ Козельской Оптиной пустыни, Калужской губерніи. На памятникѣ его, кромѣ словъ: „Господи, пріими духъ мой съ миромъ“, на другой сторонѣ написано:

„Онъ счастьемъ въ мірѣ семъ душевнымъ наслаждался,
Семейству вѣрнымъ другомъ былъ.
Спокойный совѣстью съ сей жизнію разстался,
И въ міръ безсмертія съ надеждой воспарилъ“.

Князь В. М. Яшвиль былъ женатъ на Варварѣ Александровнѣ Сухово-Кобылиной (р. 18 Сентября 1782 г., † 22 Іюля 1822 г.; похоронена въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ, рядомъ съ княземъ Львомъ Михайловичемъ Яшвилемъ); она была родной теткой писателей А. В. Сухово-Кобылина и графини Е. А. Саліасъ (Евг. Туръ). Отъ этого брака у князя В. М. Яшвиля были дѣти: сынъ Владиміръ и дочери: Евдокія, въ замужствѣ за Н. О. Сухозанетомъ, Марія—за Г. Ѳ. Гежелинскимъ, и Варвара († незамужней).

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Л. В. Яшвилю, въ Кіевѣ.)

200

Le prince VLADIMIR MIKHAÏLOWITCH YACHVIL, 1764—1815, frère aîné du prince Léon Mikhaïlowitch Yachvil, fut comme lui amené tout enfant du Caucase; il naquit le 15 juillet 1764, d'une famille princière inconnue d'Imérétie. Capitaine à l'artillerie de la Garde, il passa le 5 mai 1800 colonel dans un bataillon d'artillerie montée. Il déploya une énergie particulière dans l'organisation du complot contre Paul Ier, et, le jour du 11 mars, prit à l'exécution une part active et des plus cyniques. Il était sans doute mû aussi par un ressentiment personnel contre l'Empereur, qui l'aurait, dit le baron Heyking, frappé de sa canne dans un moment d'humeur. Quelques jours après l'avènement d'Alexandre Ier, il rentrait le 20 mars à l'artillerie de la Garde. Il mourut dans sa propriété de Mouromtzévo, gouvernement de Kalouga, à l'âge de 50 ans, 11 mois et 12 jours le 20 juillet 1815, et fut inhumé au monastère Optine, près Kozelsk, même gouvernement. Son monument porte l'inscription: „Seigneur, donne Ta paix à mon âme!" Sur l'autre face, on lit l'épitaphe suivante:

„En ce monde son cœur eut la félicité,
„De sa famille il fut ami fidèle.
„La conscience pure il a quitté la vie,
„Vers l'immortalité s'envolant plein d'espoir".

Le prince Yachvil avait épousé Varvara Alexandrowna Soukhovo-Kobyline (18 septembre 1782—22 juillet 1822), inhumée au monastère Vydoubitzky, à Kieff, près du prince Léon Mikhaïlowitch Yachvil: elle était la tante d'Alexandre Soukhovo-Kobyline et de la comtesse Elisabeth Salias (Eugénie Tour), les écrivains connus. De ce mariage naquirent un fils, Vladimir, et trois filles, Eudoxie, mariée à N. Soukhozanet, Marie à G. Guéjélinsky, et Varvara, morte sans alliance.

(D'après une miniature appartenant au prince L. Yachvil, Kieff.)

201

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЖЕРЕБЦОВЪ, 1754—1807, дѣйствительный камергеръ, тайный совѣтникъ, сынъ генералъ-аншефа, потомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Алексѣя Григорьевича (былъ женатъ первымъ бракомъ на Маріи Михайловнѣ Парышкиной, вторымъ на Сухаревой и умеръ въ 1777 г.), родился 30 Августа 1754 года. Умеръ 28 Іюня 1807 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, въ церкви св. Александра Свирскаго.

А. А. Жеребцовъ былъ женатъ на Ольгѣ Александровнѣ Зубовой (р. 1766 г., † 1849 г.), извѣстной сестрѣ фаворита Екатерины II и участницѣ подготовленія событія 11 Марта 1801 г., отъ которой имѣлъ 2 сыновей: Александра и Григорія, и 2 дочерей: Елизавету, за генералъ-адъютантомъ Николаемъ Михайловичемъ Бороздинымъ, и Анну.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

201

ALEXANDRE ALEXÉEWITCH JÉREBTZOFF, 1754—1807, chambellan actuel et conseiller privé, fils du général en chef, puis conseiller privé actuel Alexis Grigoriewitch Jérebtzoff (marié en premières noces à Marie Mikhaïlowna Narychkine, en secondes noces à Mlle Soukhareff, mort en 1777), naquit le 30 août 1754. Il mourut le 28 juin 1807, et fut inhumé au monastère Donskoï, dans l'église St-Alexandre Svirsky, à Moscou.

Jérebtzoff épousa la sœur du favori de Catherine II, Olga Alexandrowna Zouboff (1766—1849), qui joua un rôle dans la préparation de l'affaire du 11 mars 1801. Il eut d'elle deux fils, Alexandre et Grégoire, et deux filles, Elisabeth, mariée au général aide de camp Nicolas Mikhaïlowitch Borozdine, et Anne.

(D'après une miniature appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1767—1801, младшій сынъ Александра Федоровича Талызина, отъ брака съ Маріей Степановной Апраксиной, родился 17 Января 1767 г. (см. т. II, № 115); воспитывался Талызинъ въ Штутгартѣ въ „Высшей герцога Карла школѣ“, гдѣ въ 1782 г., 22 Декабря, получилъ патентъ на награды за французскій языкъ и всеобщую исторію. Вмѣстѣ съ братомъ Степаномъ началъ службу въ Измайловскомъ полку и 1 Января 1784 г. произведенъ въ прапорщики, черезъ годъ—въ подпоручики, еще черезъ 2 года—въ поручики, 1 Января 1789 г.—въ капитанъ-поручики, въ 1791 г.—въ капитаны. Произведенный 11 Августа 1797 г. въ генералъ-майоры, 15 Апрѣля 1799 г. Талызинъ былъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ это время онъ имѣлъ орденъ св. Анны 1 ст. и былъ командоромъ Мальтійскаго ордена. Молодой генералъ, богатый холостякъ, пользовался любовью въ полку. Человѣкъ, получившій по тому времени блестящее образованіе, въ душѣ мистикъ, масонъ, Талызинъ, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлался дѣятельнымъ участникомъ заговора противъ Павла I. „Талызинъ былъ единственной надежной подпорой заговорщиковъ и, вѣроятно, былъ умышленно рекомендованъ Павлу на это мѣсто, куда былъ указанъ графомъ Н. П. Панинымъ. Однажды Талызинъ, возвратившись поздно вечеромъ домой, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ запечатанное письмо; распечатываетъ—оно отъ графа Панина, который проситъ его содѣйствовать Палену въ заговорѣ противъ Императора, говоря, что онъ уже рекомендовалъ его, какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка, военному губернатору“. Талызинъ не только самъ вступилъ въ число заговорщиковъ, но и завлекъ въ него своихъ офицеровъ, Аргамакова и С. П. Марина. Талызинъ устраивалъ у себя „пиршества сборища и de petits soupers fins, длившіеся до поздней ночи“. Наконецъ, 11 Марта, около 11 ч. вечера, отъ П. Зубова заговорщики, до 40 человѣкъ, собрались на квартирѣ Талызина въ Лейбъ-Компанскомъ корпусѣ Зимняго дворца, гдѣ стоялъ 1 баталіонъ. Послѣ ужина съ шампанскимъ заговорщики, изъ которыхъ многіе были пьяны, отправились къ Михайловскому замку, гдѣ въ это время уже были Маринъ и Аргамаковъ: первый командовалъ внутреннимъ карауломъ преображенцевъ, а второй былъ дежурнымъ и долженъ былъ докладывать о пожарахъ въ городѣ. Самъ Талызинъ вывелъ баталіонъ своего полка и повелъ его къ замку, внушивъ солдатамъ, что нужно спѣшить, ибо жизнь Государя въ опасности, въ замкѣ онъ занялъ наружные входы и приказалъ зарядить ружья.... Вѣроятно, событіе 11 Марта тяжело повліяло на Талызина, онъ прожилъ ровно 2 мѣсяца и скончался 11 Мая 1801 г.; похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ его надпись: „Любезному, нѣжному и вѣрному брату и другу, въ вѣрѣ непоколебимому, въ счастіи и въ несчастіи равному, въ честности отличному и въ дружбѣ неизмѣнному. Воздвигнули сей прискорбія знакъ съ сердечнымъ сѣтованіемъ оставшіеся по немъ 2 сестры и братъ“. „Предъ самой кончиной, собственноручнымъ письмомъ“ на имя Государя, Талызинъ просилъ, чтобы его большое состояніе, болѣе 2000 душъ, вопреки закону, было раздѣлено на 3 равныя части между братомъ и сестрами; это завѣщаніе было представлено Государю и утверждено на другой же день послѣ его смерти, т.-е. 12 Мая. Смерть Талызина была неожиданна, и современники окружили ее таинственностью. Декабристъ Фонъ-Визинъ пишетъ, что Панинъ и Паленъ хотѣли „ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять конституціонный актъ“, но Талызинъ, „человѣкъ искренно преданный Александру, убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать согласія, обѣщая, что гвардія сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина“.... Паленъ догадался и „въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на 3-й или 4-й день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ Императора испустилъ духъ“. Весь этотъ разсказъ интересенъ, конечно, только какъ отголосокъ циркулировавшихъ въ то время толковъ о причинахъ его смерти, но не имѣетъ никакихъ признаковъ фактической и хронологической достовѣрности: Талызинъ умеръ не 4 дня спустя послѣ 11 Марта, а 11 Мая, и Государь, очевидно, не видалъ его предъ смертью, ибо только на другой день узналъ о его завѣщаніи. Однако, таинственные слухи, 11-е число, спустя ровно 2 мѣсяца послѣ трагическаго событія въ Михайловскомъ замкѣ, неожиданность смерти, писаніе наканунѣ завѣщанія—все это невольно наводитъ на мысль о томъ, не было ли тутъ самоубійства.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

PIERRE ALEXANDROWITCH TALYZINE, 1767—1801, plus jeune fils d'Alexandre Féodorowitch Talyzine et de Marie Stépanowna Apraxine, naquit le 17 janvier 1767 (v. T. II, № 115). Il fit ses études à Stuttgard, à l'Ecole Supérieure du Duc Charles, où il reçut le 22 décembre 1782 un brevet de français et d'histoire générale. Il entra au service, en même temps que son frère Stéphane, au régiment Izmaïlowsky, où il fut porte-enseigne le 1er janvier 1784, sous-lieutenant un an après, lieutenant au bout de deux autres années, capitaine-lieutenant le 1er janvier 1789, capitaine en 1791. Promu le 11 août 1797 général major, il fut fait le 15 avril 1799 général lieutenant et nommé chef du régiment Préobragensky; il était alors chevalier de Ste-Anne de 1re classe et commandeur de l'ordre de Malte. Jeune général, riche célibataire, il était fort aimé au régiment. Pourvu d'une éducation brillante dans le goût du temps, âme mystique, franc-maçon, il prit une part active au complot contre Paul Ier. Talyzine était, au témoignage des contemporains, „le seul appui sûr des conjurés et fut sans doute recommandé à dessein à Paul pour être le chef du régiment Préobragensky à la tête duquel il avait été mis sur l'indication du comte N. Panine. En rentrant chez lui un soir tard, il trouve sur son bureau une lettre cachetée; il l'ouvre, elle était du comte Panine, qui le priait de prêter son concours au comte Pahlen pour le complot contre l'Empereur, en lui annonçant qu'il l'avait déjà recommandé au gouverneur militaire comme un homme sûr et fidèle". Non seulement il se mit lui-même au nombre des conjurés, mais encore il y fit entrer deux de ses officiers, Argamakoff et Marine. Il organisa chez lui „des réunions intimes et de petits soupers fins, qui se prolongeaient bien avant dans la nuit". Enfin, le 11 mars, vers 11 heures du soir, les conjurés, au nombre de près de quarante, vinrent de chez Zouboff se réunir chez Talyzine, dans une dépendance du Palais d'Hiver, où se trouvait un bataillon. Après un souper au champagne, ils se dirigèrent, ivres pour la plupart, vers le Palais Michel, où étaient déjà Marine et Argamakoff: le premier, chef du piquet d'intérieur des Préobragensky, le second, de garde et chargé d'annoncer les incendies de la ville. Talyzine lui-même prit un bataillon de son régiment et le dirigea sur le Palais, en disant aux soldats qu'il fallait se hâter, car la vie de l'Empereur était en danger; une fois arrivé, il garda les entrées et fit charger les fusils.... L'événement du 11 mars eut sans doute une influence funeste sur lui: il y survécut juste deux mois et mourut le 11 mai 1801. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare; sur sa tombe on lit l'inscription: „A l'aimable, tendre et fidèle frère et ami, inébranlable dans la foi, égal dans le bonheur et le malheur, parfait en honneur et constant en amitié. Ses deux sœurs et son frère survivants ont élevé ce monument de douleur avec une profonde affliction". A son lit de mort, il écrivit de sa main une lettre à l'Empereur pour le prier de faire une exception à la loi en partageant sa grosse fortune, plus de 2000 âmes, entre son frère et ses sœurs: l'Empereur fit droit à cette demande le lendemain même de la mort, le 12 mai. La fin inopinée de Talyzine fut entourée d'un certain mystère par les contemporains. Le décabriste von Vizine raconte que Panine et Pahlen voulaient „restreindre l'autocratie en forçant dès la première minute Alexandre à adopter un acte constitutionnel", mais que Talyzine, „entièrement dévoué à l'Empereur, l'objura de n'y consentir sous aucune forme, lui promettant que la Garde lui resterait fidèle et le soutiendrait, et réussit à le convaincre".... Pahlen comprit, et, „pour se venger, trouva moyen de l'empoisonner. C'était le troisième ou quatrième jour après la fin tragique de Paul: pris d'un malaise subit avec tous les symptômes d'un empoisonnement, Talyzine envoya immédiatement chercher Alexandre, n'eut que le temps de lui faire part de ses soupçons et expira dans ses bras". L'histoire n'a évidemment d'intérêt que comme écho des bruits qui circulaient alors; l'authenticité en est contredite par les faits et les dates: Talyzine mourut non pas quatre jours après le 11 mars, mais le 11 mai, et l'Empereur ne le vit certainement pas avant sa mort, car ce ne fut que le lendemain qu'il eut connaissance du testament. Pourtant, ces bruits secrets, cette date du 11, deux mois jour pour jour après la catastrophe du Palais Michel, l'imprévu de l'événement, ce testament de la veille, tout porte involontairement à se demander s'il n'y aurait pas eu suicide.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ТИЗЕНГАУЗЕНЪ, 1774—1862, потомокъ одного изъ древнѣйшихъ Прибалтійскихъ дворянскихъ родовъ, предокъ котораго переселился изъ Германіи въ Лифляндію еще въ 1199 г., сынъ оберъ-гофмейстера графа Ивана Андреевича (р. 1745 г., † 1815 г.), отъ брака его съ Екатериной Ивановной Штакельбергъ, родился 16 Августа (по другимъ свѣдѣніямъ 9 Сентября нов. ст.) 1774 г. (такъ по родословнымъ; по формуляру же онъ уже въ 1773 г. числился на службѣ) и былъ записанъ на службу въ Конную гвардію. Переведенный въ 1781 г. въ Семеновскій полкъ, Тизенгаузенъ въ 1792 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1798 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Александру Павловичу. Въ 1799 г. Тизенгаузенъ, уже въ чинѣ полковника, принялъ участіе въ Итальянскомъ походѣ Суворова и заслужилъ ордена: св. Анны 2 ст., Мальтійскій командорскій крестъ, св. Анны 2 ст. съ алмазами (за переходъ черезъ Альпы) и сардинскій св. Маврикія и Лазаря, 15 Октября 1800 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ мушкатерскаго полка, но уже на слѣдующій день отставленъ отъ службы, за болѣзнью. Александръ I, 21 Марта 1801 г., вновь принялъ его на службу и назначилъ въ Ригу комендантомъ, а въ 1802 г.—въ Ревель. Въ 1805 г. Тизенгаузенъ вторично вышелъ въ отставку. Поселившись въ Эстляндіи, гдѣ у него была родовая мыза Гросъ-Саусъ, онъ былъ выбранъ въ губернскіе предводители дворянства и въ члены комиссіи, разрабатывавшей проектъ освобожденія крестьянъ. Ревельскій генералъ-губернаторъ, наслѣдный принцъ Ольденбургскій, представляя въ 1815 г. Александру I проектъ новаго закона о крестьянахъ на утвержденіе, въ своемъ докладѣ съ благодарностью отозвался о Тизенгаузенѣ, коего „неутомимая дѣятельность и испытанное благоразуміе“ много способствовали быстрому ходу дѣла. За свои труды по освобожденію крестьянъ Тизенгаузенъ получилъ въ 1816 г. орденъ св. Анны 1 степени. Въ 1827 г. Тизенгаузенъ, послѣ 22-лѣтняго нахожденія въ отставкѣ, вновь былъ принятъ на службу, съ чиномъ тайнаго совѣтника, и пожалованъ въ сенаторы. Въ 1828 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для начертанія проекта общаго устава Евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи, по окончаніи трудовъ котораго былъ, въ 1832 г., награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1833 г. Тизенгаузенъ былъ назначенъ президентомъ Евангелическо-лютеранской Генеральной консисторіи. Служебные его труды были награждены орденами св. Владиміра 2 ст. въ 1835 г. и Александра Невскаго въ 1839 г. и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ 1843 году. Въ 1845 г. онъ былъ, согласно прошенію, уволенъ по разстроенному здоровью отъ службы, съ сохраненіемъ въ воздаяніе долговременной и усердной службы сенаторскаго оклада жалованья.

Графъ П. И. Тизенгаузенъ скончался въ Ревелѣ 1 Декабря 1862 года. Отъ брака съ графиней Юліей Петровной Паленъ (р. 1782 г., † 1862 г.) онъ имѣлъ 3 сыновей: Александра-Эдуарда (р. 1809 г., † 1884 г.), Фердинанда-Ѳедора (р. 1811 г., † 1870 г.) и Петра (р. 1815 г., † 1860 г.), и 4 дочерей: Елену (въ замужествѣ за Григоріемъ Андреевичемъ Захаржевскимъ), Аделанду († 1853 г.; за графомъ Рейнгольдомъ Штакельбергомъ), Наталію (р. 1810 г., † 1899 г.; за Министромъ Юстиціи графомъ Викторомъ Никитичемъ Панинымъ) и Юлію.

У графини С. В. Паниной имѣется также прекрасная миніатюра ея дѣда, графа П. И. Тизенгаузена, помѣченная 1803 годомъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей графу Тизенгаузену, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PAUL IVANOWITCH TIESENHAUSEN, 1774—1862, originaire d'une des plus vieilles familles de la noblesse baltique, dont un ancêtre avait émigré d'Allemagne en Livonie dès 1199, fils du comte Ivan Andréewitch Tiesenhausen (1745—1815), grand maître de la Cour, et de Catherine Ivanowna, née Stackelberg, naquit le 16 août (d'autres disent le 9 septembre nouveau style) 1774 (d'après les généalogies; ses états de service partent de 1773). Enrôlé à la Garde à cheval, puis affecté en 1781 au régiment Sémenowsky, il fut promu en 1792 porte-enseigne, et, en 1798, alors capitaine en second, nommé aide de camp du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. Déjà colonel en 1799, il fit avec Souvoroff la campagne d'Italie, qui lui valut Ste-Anne de 2e classe, la croix de commandeur de l'ordre de Malte, Ste-Anne de 2e classe en diamants (pour le passage des Alpes) et l'ordre sarde des SS.-Maurice-et-Lazare. Général major le 15 octobre 1800 et chef du régiment de mousquetaires, il donna sa démission le lendemain même pour raisons de santé. Alexandre Ier le réintégra au service le 21 mars suivant et le fit commandant de Riga, puis, en 1802, de Rével. Il reprit sa retraite en 1805 pour se retirer dans sa métairie patrimoniale de Gross-Sauss, en Esthonie, où il fut élu maréchal de la noblesse de gouvernement et membre de la commission du projet d'émancipation des serfs. „Son infatigable activité et sa sagesse éprouvée" permirent de mener rapidement l'étude à bonne fin, furent l'objet d'une mention des plus élogieuses dans le rapport accompagnant le projet de loi soumis en 1815 à l'approbation de l'Empereur par le prince héritier d'Oldenbourg, général gouverneur de Rével, et lui valurent l'année suivante Ste-Anne de 1re classe. En 1827, après vingt-deux ans de retraite, il reprit du service avec rang de conseiller privé et fut fait sénateur. Nommé en 1828 président du comité de préparation d'un projet de règlement général pour l'église luthérienne de Russie, il fut décoré de l'Aigle Blanc en 1832, à l'achèvement de ses travaux, et, l'année suivante, fait président du Consistoire général luthérien. Décoré encore de St-Vladimir de 2e classe en 1835 et de St-Alexandre Newsky en 1839, puis promu conseiller privé actuel en 1845, il fut, en 1845, mis à la retraite sur sa demande pour raisons de santé, mais en conservant, pour sa longue et laborieuse carrière, ses émoluments de sénateur.

Le comte Tiesenhausen mourut à Rével le 1er décembre 1862. De son mariage avec la comtesse Julie Pétrowna Pahlen (1782—1862), il eut trois fils, Alexandre-Edouard (1809—1884), Ferdinand-Théodore (1811—1870) et Pierre (1815—1860), et quatre filles, Hélène, mariée à Grégoire Andréewitch Zakharjewsky, Adélaïde († 1833), au comte Reinhold Stackelberg, Natalie (1810—1899), au comte Victor Nikititch Panine, ministre de la justice, et Julie.

La comtesse S. Panine, petite-fille du comte Tiesenhausen, a aussi de lui une superbe miniature datée de 1803.

(D'après une miniature appartenant au comte Tiesenhausen, St-Pétersbourg.)

ГУСТАВЪ-ГЕОРГІЙ фонъ-ФЕЛЬКЕРЗАМЪ, 1734—1801, сынъ Лифляндскаго генералъ-экономій директора, ландрата и вице-президента Лифляндскаго гофгерихта Рейнгольда-Георгія фонъ-Фелькерзама, отъ брака съ Софіею-Елизаветою, рожденною баронессою Менгденъ (сестрою фрейлины Юліи Менгденъ, графини Минихъ и графини Лестокъ), родился 28 Февраля 1734 г. въ Ригѣ; получивъ отличное домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ гувернера Киллани, впослѣдствіи извѣстнаго ученаго, учился затѣмъ въ Кенигсбергскомъ (1751—1753) и Лейпцигскомъ (1753 и 1754) университетахъ, потомъ, въ 1754 году, отправился въ Саксонію и поступилъ на службу въ Дрезденѣ, гдѣ въ томъ же году пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Затѣмъ, уже въ 1757 году, получилъ званіе дѣйствительнаго камергера, съ одновременнымъ назначеніемъ экстраординарнымъ посланникомъ курфюрста Саксонскаго и короля Польскаго при Датскомъ дворѣ, каковую должность исправлялъ до 1768 года. Въ 1763 году былъ предназначаемъ на постъ Саксонскаго посланника въ Версаль, но, прибывъ въ Дрезденъ на похороны короля Августа III, получилъ порученіе вернуться опять въ Данію, гдѣ, при возвращеніи, получилъ звѣзду и цѣпь Даннеброга. Въ 1768 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ посланникомъ при Вѣнскомъ дворѣ, на мѣсто графа Фицтума, на каковомъ посту оставался до 1775 года. Императрица Марія-Терезія, при прощальной аудіенціи, пожаловала ему лично табакерку, осыпанную брильянтами. При оставленіи поста Вѣнскаго посланника былъ удостоенъ производства въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ 1773 году городъ Дрезденъ поднесъ ему почетное званіе гражданина. Освободившись отъ служебныхъ обязанностей, онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проживалъ то въ Дрезденѣ, то въ Лифляндіи, впредь до назначенія его, въ 1790 году, полномочнымъ министромъ и посланникомъ при Императорскомъ Русскомъ дворѣ. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1791 года, но уже въ 1800 году, въ виду пошатнувшагося здоровья, просилъ о своемъ отозваніи и, немного спустя, скончался 1 Марта 1801 г. въ своемъ замкѣ Залисбургѣ, въ Лифляндіи. Германскій Императоръ возвелъ его въ баронское достоинство Римской имперіи, но смерть постигла его раньше изготовленія диплома. За немногими сыновей, всѣ его большія имѣнія перешли къ его двумъ дочерямъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за подполковникомъ баропомъ фонъ-Фитингофъ, а другая за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, герольдмейстеромъ и Пермскимъ губернаторомъ, баропомъ Ильсомъ-Оттономъ Крюденеръ. По отзывамъ саксонскихъ историковъ, Фелькерзамъ былъ талантливымъ исполнителемъ возложенныхъ на него задачъ; они чрезвычайно хвалятъ „неутомимую ревность этого на дипломатической службѣ посѣдѣвшаго человѣка“. Его дипломатическія депеши, сохранившіяся въ Дрезденскомъ Государственномъ архивѣ, доказываютъ, особенно за 1791—1796 года, его глубокое и детальное знаніе всѣхъ событій, предшествовавшихъ и подготовлявшихъ второй раздѣлъ Польши, въ которомъ хотя Саксонія и не участвовала, но у которой мечты о возобновленіи претензій на Польскій престолъ еще иногда проявлялись. Фелькерзамъ неоднократно защищалъ при Русскомъ дворѣ интересы герцога Курляндскаго Петра Бирона. Его близкое родство со многими выдающимися современниками, какъ-то: съ посломъ графомъ О. М. Штакельбергомъ, женатымъ на его родной сестрѣ и, кромѣ того, связаннымъ съ нимъ старинной университетской дружбой, съ баронами Менгденъ, съ графами Минихъ, съ г-жой Крюденеръ, приходившейся ему племянницей, а также близкія сношенія со многими австрійскими и саксонскими вліятельными родами, придаютъ жизни Фелькерзама интересъ въ историческомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ. Его обширная, дипломатическая и частная, корреспонденція и богатая библіотека, хранившіяся въ замкѣ Залисбургѣ, принадлежавшемъ потомку его дочери барону Фитингофу, вмѣстѣ съ замкомъ, уничтожены пожаромъ во время революціи 1905 года. Фелькерзамъ женился въ 1771 году въ Вѣнѣ на баронессѣ Еленѣ-Маріи-Эспери фонъ-Риппъ (р. въ Вѣнѣ 1755 г., † въ Лифляндіи 1833 г.). Она была дочь барона Римской имперіи, Саксонскаго тайнаго совѣтника Вольфганга фонъ-Риша († 1776 г.) и сестра тайнаго совѣтника графа Риша и фельдмаршала-лейтенанта барона Іоанна-Сигизмунда фонъ-Риша. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ и спустя долгое время послѣ смерти мужа, она вышла вторично замужъ за французскаго эмигранта и авантюриста François-Joseph chevalier de Chaumas, поселившагося въ Лифляндіи.

(Съ миніатюры К. Верне (копія); собственность барона А. Е. фонъ-Фелькерзама, въ С.-Петербургѣ.)

GUSTAVE-GEORGES von FŒLKERSAM, 1734—1801, fils du directeur général des finances, landrat et vice-président du conseil aulique de Livonie, Reinhold-Georges von Fœlkersam et de Sophie-Elisabeth, née baronne Mengden, sœur de la demoiselle d'honneur Julie Mengden, de la comtesse Munnich et de la comtesse Lestock, naquit à Riga le 28 février 1734. Il reçut dans sa famille une excellente éducation sous la direction de son gouverneur Killani, connu plus tard comme savant, alla ensuite aux universités de Kœnigsberg (1751—1753) et de Leipzig (1753 et 1754), puis partit en 1754 pour la Saxe et prit du service à Dresde, où il fut fait la même année gentilhomme de la chambre. Chambellan actuel en 1757, il fut en même temps nommé envoyé extraordinaire de l'électeur de Saxe et du Roi de Pologne près la Cour de Danemark, et le resta jusqu'en 1768; il fut affecté en 1763 à l'ambassade de Versailles, mais, venu à Dresde pour les funérailles du Roi Auguste III, fut rappelé en Danemark, où il reçut l'étoile et la chaîne du Danebrog. Conseiller privé en 1768, il alla remplacer le comte Vitztum comme ambassadeur à Vienne, où il resta jusqu'en 1775; l'Impératrice Marie-Thérèse, à son audience de congé, lui remit de sa main une tabatière d'or enrichie de brillants: il fut en même temps promu conseiller privé actuel et décoré de l'Aigle Blanc. En 1773, la ville de Dresde lui avait conféré le titre de citoyen honoraire. Une fois libre de tout service, il passa quelques années, tantôt à Dresde, tantôt en Livonie, mais finit par être nommé en 1790 ministre plénipotentiaire et envoyé près la Cour de Russie. Arrivé à Pétersbourg en juillet 1791, il dut pourtant se faire rappeler dès 1800 pour raisons de santé, et mourut peu après, le 1er mars 1801, dans son château de Salisburg, en Livonie. L'Empereur d'Allemagne l'avait élevé à la dignité de baron du Saint Empire Romain, mais la mort ne lui laissa pas le temps de recevoir son diplôme. Faute de descendance mâle, la totalité de ses biens passa à ses deux filles, mariées l'une au lieutenant-colonel baron von Vietinghof, l'autre au baron Niels-Othon Krudener, conseiller d'état actuel, maître de la Chambre Héraldique et gouverneur de Perm. Les historiens de la Saxe apprécient hautement le talent avec lequel Fœlkersam s'acquitta des missions qui lui furent confiées et font le plus grand éloge du „zèle infatigable de cet homme blanchi au service diplomatique". Ses dépêches officielles, conservées aux Archives de l'Etat à Dresde, révèlent surtout pour la période 1791—1796 sa connaissance profonde et détaillée de tous les événements préalables au second partage de la Pologne, à l'écart duquel la Saxe dut sans doute se tenir, mais non sans laisser percer par moments des velléités de prétentions à la succession éventuellement ouverte. Il défendit également à maintes reprises près la Cour de Russie les intérêts du Duc de Courlande Pierre Biron. Sa proche parenté avec nombre de personnages éminents, l'ambassadeur O. Stackelberg, mari de sa propre sœur et son ancien camarade d'université, les barons Mengden, les comtes Munnich, sa nièce Mme de Krudener, et aussi son intimité avec nombre d'influentes familles autrichiennes et saxonnes, donnent à sa vie un intérêt considérable au point de vue historique et diplomatique. Sa vaste correspondance, officielle et personnelle, sa riche bibliothèque furent la proie des flammes lors de la révolution de 1905, en même temps que le château de Salisburg, alors propriété d'un baron Vietinghof, descendant de sa fille.

Fœlkersam avait épousé en 1771 à Vienne la baronne Hélène-Marie-Esther von Riesch, née dans cette ville en 1755 et morte en Livonie en 1833, fille du baron du Saint Empire Romain et conseiller privé du Royaume de Saxe Wolfgang von Riesch († 1776) et sœur du comte Riesch, conseiller privé, et du baron Jean-Sigismond von Riesch, feld-maréchal-lieutenant. Longtemps après la mort de son mari, elle épousa en secondes noces, à un âge avancé, le chevalier François-Joseph de Chaumas, émigré et aventurier français fixé en Livonie.

(D'après une miniature de Carle Vernet (copie), appartenant au baron A. von Fœlkersam, St-Pétersbourg.)

Графиня **ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА**, 1766—1821, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, писанныхъ ею для Императрицы Елисаветы Алексѣевны, съ которою одно время она состояла въ большой дружбѣ. Графиня Головина приходилась, по матери своей, княгинѣ П. П. Голицыной, рожденной Шуваловой, родной племянницей одного изъ первыхъ русскихъ знатоковъ и цѣнителей искусства И. И. Шувалова. Воспитанная въ его домѣ, полномъ художественныхъ произведеній, и подъ его руководствомъ, она унаслѣдовала его любовь къ искусству, особенно къ живописи, и развила въ себѣ свой природный талантъ къ рисованію. Ею между прочимъ написанъ свой собственный портретъ масляными красками, принадлежащій одному изъ ея внуковъ. Графиня Головина съ успѣхомъ занималась и гравированіемъ на мѣди крѣпкой водкой, сдѣлавъ между прочимъ посмертный портретъ Екатерины II, сидящей на Камероновской колоннадѣ Царскосельскаго дворца. Ея офорты смѣло могутъ соперничать съ работами другой любительницы этого искусства, ея современницы, графини П. М. Строгановой. Знавшая Головину и писавшая съ нея портретъ г-жа Виже-Лебрень такъ отзывается о ней въ своихъ запискахъ: „La comtesse Golovine était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait souvent pour nous tenir compagnie. Elle dessinait très bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle était à l'affût de toutes les nouvelles littéraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussi tôt qu'à Paris". Во время своихъ путешествій за границей, графиня Головина не упускала случая срисовывать съ натуры правившіеся ей виды, рискуя даже разъ быть принятой за шпіона. Ни жизнь при дворѣ въ Петербургѣ, ни полное для нея интереса пребываніе въ Парижѣ въ тѣсномъ общеніи съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ, ни, наконецъ, религіозный мистицизмъ, охватившій ее съ переходомъ ея въ католичество, не мѣшали графинѣ Головиной съ любовью предаваться своимъ художественнымъ вкусамъ и занятіямъ. Въ своемъ скромномъ помѣщеніи въ Парижѣ, на rue de Babylone, окруженномъ садами, она много занималась рисованіемъ. „Легкость достать себѣ все, что касалось искусства", говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, „возбуждала и поощряла вкусъ. Робертъ (французскій художникъ Hubert Robert) обѣдалъ у меня по четвергамъ и оставлялъ мнѣ почти всегда по эскизу, начатому въ два часа, а въ четыре часа уже повѣшенному на стѣну моего салона. Тѣмъ, что я знаю, обязана Роберту; что можетъ быть поучительнѣе, какъ видѣть, какъ работаетъ великій артистъ".

Съ возвращеніемъ графини В. Н. Головиной въ Россію, послѣдовавшія скоро одна за другою тяжелыя для нея потери сперва матери, съ которой она не разставалась всю жизнь, а потомъ лучшаго ея друга, принцессы де-Тарантъ, заботы о выросшихъ дочеряхъ, выданныхъ ею замужъ за иностранцевъ-католиковъ, придворныя дрязги и семейныя непріятности, все это вмѣстѣ не могло не отразиться на состояніи ея духа. Съ этого времени она не упоминаетъ болѣе въ своихъ запискахъ о своихъ занятіяхъ искусствомъ, но ея художественная натура осталась вѣрна себѣ, и на страницахъ ея воспоминаній встрѣчаются прелестныя, полныя поэтическаго чутья описанія поразившихъ ее своей красотой мѣстностей и явленій природы. Передъ самой смертью графиня В. Н. Головина вернулась во Францію, ища исцѣленія отъ постигшей ее болѣзни; скончалась она въ Парижѣ 11 Сентября 1821 года и похоронена на кладбищѣ St-Germain-des-Prés, въ Парижѣ.

Подробныя біографическія свѣдѣнія о графинѣ В. Н. Головиной см. т. I, № 159.

(Съ рисунка, принадлежащаго барону де-Во, въ Римѣ.)

La comtesse VARVARA NIKOLAEWNA GOLOVINE, 1766—1821, connue par les Mémoires qu'elle composa pour l'Impératrice Elisabeth Alexéewna, avec laquelle elle fut un certain temps liée d'une grande amitié. Nièce par sa mère, la princesse P. Golitzyne, née Schouvaloff, d'un des premiers connaisseurs et critiques d'art, I. Schouvaloff, elle fut élevée chez lui au milieu d'un vrai musée, partagea sa passion pour les arts, surtout la peinture, et développa ses dispositions naturelles pour le dessin. On a conservé d'elle un autoportrait à l'huile, qui appartient à un de ses petits-fils. Elle fit également de l'eau-forte avec succès: on lui doit, entre autres, un portrait postume de Catherine II assise sous la colonnade Cameron, au Palais de Tzarskoïé Sélo, et ses travaux en ce genre ne le cèdent nullement à ceux d'un autre amateur du temps, la comtesse N. Stroganoff. „La comtesse Golovine", dit dans ses Mémoires Mme Vigée-Lebrun, qui la connut et fit son portrait, „était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait souvent pour nous tenir compagnie. Elle dessinait très bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle était à l'affût de toutes les nouvelles littéraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussi tôt qu'à Paris". Dans ses voyages à l'étranger, elle ne manquait jamais de croquer d'après nature les paysages qui lui paraissaient jolis, au risque de se faire prendre pour un espion. Ni la vie à la Cour de Pétersbourg, ni le séjour de Paris plein d'intérêt pour elle au sein de sa société du Faubourg St-Germain, ni enfin le mysticisme religieux auquel elle s'abandonna en embrassant le catholicisme, rien ne l'empêcha de se livrer avec amour à ses goûts et à ses travaux artistiques. Dans son modeste appartement de la rue de Babylone, à Paris, elle dessinait beaucoup: „Les commodités qu'on trouvait en matière d'art", dit-elle dans ses Souvenirs, „excitaient et encourageaient le goût. Robert" (le peintre français Hubert Robert) „dînait chez moi le jeudi et, presque chaque fois, me laissait une esquisse commencée à deux heures et déjà pendue à quatre aux murs de mon salon. Ce que je sais, je le dois à Robert; que peut-il y avoir de plus instructif que de voir travailler un grand artiste?"

Les épreuves cruelles qui la frappèrent coup sur coup à son retour en Russie, la perte de sa mère, d'abord, dont elle ne s'était jamais séparée de sa vie, puis celle de sa meilleure amie la princesse de Tarente, le souci de ses filles devenues grandes et mariées à des étrangers catholiques, les intrigues de Cour et des ennuis de famille, tout cela ne pouvait être sans affecter sérieusement son moral: mais si, dans ses Mémoires, il n'est plus question dès lors de travaux artistiques, sa nature d'artiste ne se dément pas, et on y rencontre des descriptions charmantes et vraiment poétiques des sites et autres beautés de la nature qui l'ont frappée. Peu avant de mourir, la comtesse Golovine retourna en France chercher un soulagement à ses souffrances; elle mourut à Paris le 11 septembre 1821, et y fut inhumée au cimetière St-Germain-des-Prés.

Pour la biographie détaillée de la comtesse Golovine, v. T. I, № 159.

(D'après un dessin appartenant au baron de Vaux, Rome.)

Графиня ПРАСКОВІЯ НИКОЛАЕВНА ФРЕДРО, 1790—18.., старшая дочь оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина, отъ брака его съ княжной Варварой Николаевной Голицыной, родилась въ 1790 году. Воспитанная матерью, женщиной очень образованной, съ большими художественными дарованіями и окружавшей своихъ дочерей самыми нѣжными заботами, она провела дѣтство свое въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ, гдѣ придворная служба удерживала ея родителей. Въ 1802 году Головины уѣхали съ дѣтьми за границу, и во время остановки ихъ въ Берлинѣ молодая графиня Прасковія Николаевна заболѣла нервной лихорадкой, едва не стоившей ей жизни. Ко времени пребыванія ея въ Парижѣ и сближенія графини В. И. Головиной съ принцессой де-Тарантъ слѣдуетъ отнести тайный переходъ Прасковіи Николаевны, еще не вышедшей изъ дѣтскаго возраста, и младшей сестры ея, Елизаветы, въ католичество, по примѣру и желанію матери. Перемѣна религіи, вѣроятно, сильно подѣйствовала на экзальтированную натуру молодой графини, унаслѣдованную ею отъ матери. Такъ же, какъ и мать ея, она вполнѣ поддалась вліянію принцессы де-Тарантъ, ходила за нею во время ея предсмертной болѣзни и послѣ смерти ея письменно изложила исторію ея болѣзни и ея послѣднихъ минутъ. Около 19 лѣтъ отъ роду молодая графиня Прасковія Николаевна начала выѣзжать съ матерью въ свѣтъ. По словамъ графини Головиной, внѣшность старшей ея дочери „не представляла ничего привлекательнаго: она не отличалась ни красотой, ни граціей и не могла внушить никакого опаснаго чувства“. Это была „кроткая и благоразумная молодая дѣвица, и строгія начала нравственности предохраняли ее отъ всего того, что могло ей повредить“. Въ день новаго 1810 года она получила фрейлинскій шифръ при обстоятельствахъ, которыя должны были подчеркнуть расположеніе Императора къ ея родителямъ. Тайная перемѣна религіи графиней Головиной и ея дочерьми естественно побуждала ее искать для нихъ брачнаго союза съ католиками, и графиня Прасковія Николаевна вышла замужъ за состоявшаго на русской службѣ гофмаршаломъ польскаго графа Максимиліана Фредро. Отъ этого брака она имѣла двухъ сыновей, Феликса-Максимиліана и Іосифа-Болеслава, изъ коихъ послѣдній сдѣлался священникомъ и принялъ французское подданство.

О послѣдующихъ годахъ жизни графини П. Н. Фредро, оставившей послѣ себя не изданныя еще, интересныя записки, не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что съ оставленіемъ ея мужемъ, навлекшимъ на себя неудовольствіе русскаго правительства, службы, она поселилась съ нимъ во Львовѣ, въ Австрійской Галиціи, откуда въ 1826 г. она обращалась къ заступничеству Императрицы Маріи Ѳеодоровны письмомъ, въ коемъ просила о принятіи ея мужа вновь на русскую службу и жаловалась на свое стѣсненное матеріальное положеніе, которое заставляло ее круглый годъ жить въ деревнѣ.

(Съ портрета Квадаля; собственность князя П. С. Голицына, имѣніе Кучукъ-Кайнарджи, Московской губ.)

206

La comtesse **PRASCOVIE NIKOLAEWNA FRÉDRO**, 1790—18.., fille aînée du comte Nicolas Nikolaewitch Golovine, grand écuyer, et de la princesse Varvara Nikolaewna Golitzyne, naquit en 1790. Elevée par une mère très instruite, douée d'un grand talent d'artiste et qui entoura ses filles de la plus tendre sollicitude, elle passa son enfance à Pétersbourg et Tzarskoïé Sélo, où le service de la Cour retenait ses parents. En 1802, toute la famille partit pour l'étranger, et, en passant à Berlin, la jeune comtesse Prascovie fut prise d'une fièvre nerveuse qui faillit lui coûter la vie. Le séjour à Paris fut marqué par sa conversion secrète au catholicisme et celle de sa sœur cadette: les deux jeunes filles, à peine au sortir de l'enfance, ne faisaient que se conformer à l'exemple et au désir de leur mère, entraînée elle-même par sa nouvelle amie la princesse de Tarente. Ce changement de religion dut faire un effet considérable sur la nature exaltée que tenait de sa mère la comtesse Prascovie: entièrement soumise, comme elle, à l'ascendant de la princesse de Tarente, elle la soigna lors de sa dernière maladie, et, après sa mort, rédigea un récit de sa maladie et de ses derniers instants. Elle avait environ 19 ans quand elle fit son entrée dans le monde; d'ailleurs, au témoignage de sa mère, „elle n'avait rien de séduisant, ni beauté ni grâce, et ne pouvait inspirer aucun sentiment dangereux"; c'était „une jeune fille douce et raisonnable, que des principes rigoureux préservaient de tout ce qui pouvait lui faire du tort". Au Jour de l'An 1810, elle reçut le chiffre de demoiselle d'honneur dans des conditions qui devaient souligner la bienveillance de l'Empereur à l'égard de ses parents. La conversion de la comtesse Golovine et de ses filles leur fit naturellement rechercher des alliances catholiques, et la comtesse Prascovie épousa un polonais au service russe, le comte Maximilien Frédro, maréchal de la Cour. Elle eut de ce mariage deux fils, Félix-Maximilien et Joseph-Boleslas, dont le dernier devint prêtre et sujet français.

Des dernières années de la comtesse Frédro, dont les intéressants mémoires sont restés inédits, on ne connaît presque rien. On sait seulement que son mari encourut le mécontentement du gouvernement russe, dut donner sa démission et se fixa avec elle à Lemberg, en Galicie autrichienne, d'où elle écrivit en 1826 à l'Impératrice Marie pour la prier de vouloir bien le faire reprendre au service, leur situation matérielle étant fort précaire et les contraignant à passer tout leur temps à la campagne.

(D'après un original de Quadal, appartenant au prince N. Golitzyne, Koutchouk-Kaïnardji, gouv. de Moscou.)

Графиня ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ПОТОЦКАЯ, 1795—18.., младшая сестра предъидущей, графини Фредро, и вторая дочь автора извѣстныхъ записокъ, графини Варвары Николаевны Головиной, родилась 22 Ноября 1795 года. Названная Елизаветою въ честь Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны, дружба которой съ графиней В. Н. Головиной была въ полномъ расцвѣтѣ во время появленія на свѣтъ ея младшей дочери; „Лиза“ Головина пользовалась особеннымъ расположеніемъ царственнаго друга своей матери. Какъ и сестра ея, Прасковія, впослѣдствіи графиня Фредро, она была тайно воспитана матерью въ католической вѣрѣ и въ той атмосферѣ религіозной экзальтаціи, въ которой жила графиня В. Н. Головина со времени своего перехода въ латинизмъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ и принцессы де-Тарантъ. Вліяніе этой послѣдней въ семействѣ Головиныхъ было такъ велико, что, по словамъ іезуита Фаллу (Falloux), дочери Головиной относились къ принцессѣ де-Тарантъ такъ же, какъ къ своей матери („partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet Hôte illustre“). На другой день послѣ смерти Тарантъ Лиза Головина, просматривая молитвенникъ покойной, искала въ немъ словъ утѣшенія для горюющей матери. Первый выѣздъ молодой графини Головиной въ Петербургскій свѣтъ и представленіе ея ко двору состоялось какъ разъ въ то время, когда все семейство Головиныхъ находилось подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ вслѣдствіе смерти принцессы де-Тарантъ, скончавшейся у нихъ въ домѣ въ 1814 году.

На Пасху 1816 года графиня Е. Н. Головина была пожалована во фрейлины. Вступивъ въ бракъ съ графомъ Львомъ Сергѣевичемъ Потоцкимъ, впослѣдствіи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, она имѣла двухъ дочерей: графиню Леонилду Львовну, замужемъ за австрійскимъ графомъ Казиміромъ Ланскоронскимъ, и Анну Львовну, за графомъ Андреемъ Карловичемъ Мнишкомъ. Почти полное разореніе, въ которое пришло состояніе Головиныхъ къ концу жизни графа Николая Николаевича Головина, послужило причиною тому, что послѣ смерти его въ 1821 году дочери его, графиня П. Н. Фредро и графиня Потоцкая, испросили себѣ разрѣшеніе разыграть въ лотерею, для ликвидаціи наслѣдства, всѣ доставшіяся имъ недвижимыя имѣнія отца, и, хотя билетовъ было продано на $8^1/_2$ милліоновъ рублей, доля, пришедшаяся каждой наслѣдницѣ, за выплатою долговъ, была не настолько велика, чтобы избавить графиню Фредро, не обезпеченную, подобно сестрѣ, огромнымъ состояніемъ Потоцкихъ, отъ необходимости прибѣгать къ помощи Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

(Съ миніатюры Геренъ; изъ собранія графовъ Ланскоронскихъ, въ Вѣнѣ.)

207

La comtesse ÉLISABETH NIKOLAEWNA POTOCKI, 1795—18.., sœur cadette de la précédente, la comtesse Frédro, et seconde fille de la comtesse Varvara Golovine, connue comme auteur de Mémoires, naquit le 22 novembre 1795. Elle reçut le nom d'Elisabeth en l'honneur de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, qui, grande amie de sa mère lors de sa naissance, témoigna dans la suite une bienveillance constante à Lise. Sa mère l'éleva secrètement, ainsi que sa sœur Prascovie, plus tard comtesse Frédro, dans la foi catholique, au milieu de l'atmosphère d'exaltation religieuse où elle était elle-même plongée depuis sa conversion sous l'influence des Jésuites et de la princesse de Tarente. Celle-ci avait même sur la famille Golovine un ascendant qui a fait dire au comte de Falloux que les jeunes comtesses „partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet Hôte illustre", et Lise, au lendemain de sa mort, parcourait le missel de la défunte pour y puiser des paroles de consolation pour sa mère éplorée. Son entrée dans le monde de Pétersbourg et sa présentation à la Cour datent précisément de l'époque où les Golovine étaient tout entiers à leur deuil de la princesse, morte chez eux en 1814.

En 1816, à Pâques, la comtesse Elisabeth Golovine fut faite demoiselle d'honneur. Elle épousa le comte Léon Sévérinowitch Potocki, plus tard conseiller privé actuel et membre du Conseil de l'Empire, dont elle eut deux filles, Léonille, mariée au comte autrichien Casimir Lanskoronsky, et Anne, au comte André Karlowitch Mniszek. La ruine presque complète où le comte Golovine laissa sa famille en mourant réduisit ses filles en 1821 à se faire autoriser à mettre en loterie tous les biens-fonds de sa succession; mais, malgré les huit millions et demi de roubles que donna l'opération, la part qui revint à chacune, les dettes une fois payées, fut si peu considérable que la comtesse Frédro, moins riche que sa sœur, héritière de la grosse fortune des Potocki, dut faire appel à la générosité de l'Impératrice Marie.

(D'après une miniature de Guérin, collection des comtes Lanskoronsky, Vienne.)

208

Графъ МАКСИМИЛІАНЪ ФРЕДРО, 1784—1845, потомокъ древняго червонорусскаго рода, вышедшаго изъ Венгріи, сынъ Яцка Фредро († 1828 г.), возведеннаго въ 1822 году императоромъ Австрійскимъ въ графское достоинство, отъ брака его съ графиней Маріей Дембинской, родился въ Галиціи въ 1784 году; въ 1806 году поступилъ на службу въ армію Наполеона и вскорѣ былъ назначенъ адъютантомъ къ Понятовскому, главнокомандующему войсками герцогства Варшавскаго, затѣмъ служилъ въ уланахъ и конно-егеряхъ, но производствѣ въ полковники командовалъ Уланскимъ полкомъ, а затѣмъ числился по арміи. Послѣ присоединенія Польши къ Россіи Фредро перешелъ на русскую службу и 29 Декабря 1815 г. (10 Января 1816 г., н. с.) назначенъ флигель-адъютантомъ въ польскую свиту Александра I. Въ 1817 году былъ произведенъ въ бригадные генералы и до выхода въ отставку, въ 1822 году, числился при особѣ Государя. Послѣ перехода на гражданскую службу онъ былъ гофмаршаломъ Польскаго двора, товарищемъ министра Народнаго просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ и главнымъ начальникомъ учебныхъ заведеній. Во время Польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ графъ Фредро вышелъ въ отставку и удалился въ Веймаръ, хотя и былъ въ 1832 году пожалованъ въ гофмаршалы Высочайшаго двора. Скончался онъ въ Парижѣ 2/14 Марта 1845 года.

Графъ Фредро принадлежитъ къ числу видныхъ Польскихъ писателей: онъ написалъ нѣсколько балладъ и трагедій (драматическими писателями были также его младшій братъ и племянникъ), переводилъ съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, русскаго (басни Крылова) и латинскаго (Горація и Виргилія) и предпринялъ полиглотное изданіе Виргилія.

Графъ Максимиліанъ Фредро былъ женатъ на графинѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Головиной (см. № 206), дочери графини В. Н. Головиной, автора „Мемуаровъ“.

(Съ рисунка, принадлежащаго барону Де-Во, въ Римѣ.)

208

Le comte MAXIMILIEN FRÉDRO, 1784—1845, descendant d'une vieille famille galicienne d'origine hongroise, fils de Jacob Frédro († 1828), élevé en 1822 à la dignité de comte par l'Empereur d'Autriche, et de la comtesse Marie Dembitzky, naquit en Galicie en 1784. Il prit du service en 1806 à l'armée de Napoléon et fut peu après nommé aide de camp de Poniatowsky, le commandant en chef des troupes du Grand-Duché de Varsovie, puis servit aux uhlans et aux chasseurs à cheval, commanda comme colonel un régiment de uhlans, et fut ensuite affecté à l'armée. La Pologne annexée à la Russie, il passa au service russe, et, le 29 décembre 1815 (10 janvier 1816 n. st.), fut nommé aide de camp de Sa Majesté à la Suite polonaise d'Alexandre Ier. Général de brigade en 1817, il resta jusqu'à sa retraite, en 1822, attaché à la personne de l'Empereur. Au service civil, où il passa ensuite, il fut maréchal de la Cour de Pologne, adjoint au ministre de l'instruction publique et des affaires ecclésiastiques, et directeur général des établissements d'instruction. Lors de l'insurrection polonaise de 1830/1831, il donna sa démission et alla se fixer à Weimar; il fut cependant fait en 1832 maréchal de la Cour Impériale. Il mourut à Paris le 2/14 mars 1845.

Le comte Frédro s'est fait un nom marquant dans la littérature polonaise: auteur de ballades et de tragédies (il eut également un frère cadet et un neveu auteurs dramatiques), ainsi que de traductions du français, de l'allemand, de l'anglais, du russe (les Fables de Kryloff) et du latin (Horace et Virgile), il entreprit aussi une édition polyglotte de Virgile.

Le comte Maximilien Frédro épousa la comtesse Prascovie Nikolaewna Golovine (v. № 206), fille de la comtesse Varvara Golovine, auteur de Mémoires.

(D'après un dessin appartenant au baron de Vaux, Rome.)

АЛЕКСАНДРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1795—1858, единственный сынъ Степана Александровича (см. т. II, № 114), отъ 1-го брака его съ полькой Магдалиной Петровной (NN; † 1796 г.), родился 22 Марта 1795 г.; Суворовъ былъ его крестнымъ отцомъ и писалъ отцу новорожденнаго: „Имени моему утѣха, а Вамъ съ Магдалиной Петровной большее со временемъ у Васъ будетъ полна изба солдатъ. Мой долгъ при Васъ о нихъ пещись, Господь соблюди Васъ и любезнаго Александра Степановича. Желаю Вамъ чести и славы. Пребуду по конецъ жизни моей и дружбою и истиннымъ почтеніемъ". Талызинъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе; воспитателями его были достойные люди: извѣстный педагогъ въ Москвѣ П. М. Мартъ и его жена, Анна Никифоровна, находившіеся при немъ до 1809 года. Въ 1812 г., 20 Августа, 17-лѣтній Талызинъ поступилъ на службу урядникомъ въ Московское ополченіе и за отличіе при Бородинѣ пожалованъ въ прапорщики. Переведенный въ артиллерію въ 1813 г., состоялъ при князѣ Яшвилѣ и участвовалъ въ крупнѣйшихъ дѣлахъ кампаній 1813 и 1814 гг., кончившихся взятіемъ Парижа. Въ 1815 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, 13 Августа 1817 г. переведенъ поручикомъ въ лб.-гв. Конно-Егерскій полкъ, а 19 Іюня 1818 г. переведенъ въ Лейбъ-Гусары и назначенъ адъютантомъ къ князю Д. В. Голицыну. Въ 1822 г. былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, въ 1825 г.—въ ротмистры, а черезъ 2 года—въ полковники, съ переводомъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Однако, Талызинъ остался при князѣ Д. В. Голицынѣ, въ то время Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, для особыхъ порученій. Въ 1829 г. онъ сдѣланъ былъ членомъ Тюремнаго комитета, а 30 Апрѣля членомъ комитета по постройкѣ Тріумфальныхъ воротъ. Въ 1833 г., 4 Марта, Талызинъ перешелъ въ гражданскую службу, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1 Апрѣля пожалованъ въ камергеры и назначенъ попечителемъ Матросской богадѣльни, въ Москвѣ. Когда онъ въ 1839 г. былъ назначенъ въ Комитетъ о просящихъ милостыню,—эти дѣла были „сродны его доброму сердцу". Участвовалъ Талызинъ также въ основаніи Московскаго училища живописи и ваянія. Въ 1844 г., 15 Января, онъ былъ избранъ Бронницкимъ уѣзднымъ предводителемъ, въ 1849 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1850 г. избранъ Московскимъ совѣстнымъ судьею, а 5 Октября 1856 г. вышелъ въ отставку.

А. С. Талызинъ умеръ въ Страстную пятницу 22 Марта 1858 г. и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ, съ 11 Апрѣля 1824 г., на графинѣ Ольгѣ Николаевнѣ Зубовой (р. 1803 г., † 1882 г.), родной внучкѣ Суворова. Отъ этого брака было 5 сыновей: Степанъ, Петръ, Аркадій, Николай и Михаилъ, и 4 дочери: Марія, Лидія, Любовь и Вѣра.

(Съ акварельнаго портрета Соколова, 1824 г.; собственность Л. и В. А. Талызиныхъ, с. Денежниково, Московской губ.)

ALEXANDRE STÉPANOWITCH TALYZINE, 1795—1858, fils unique de Stéphane Alexandrowitch Talyzine (v. T. II, № 114) et de sa première femme Madeleine Pétrowna († 1796), polonaise de famille inconnue, naquit le 22 mars 1795. Peu après sa naissance, Souvoroff, son parrain, écrivait au père: „Joie de mon nom, et plus encore la vôtre et celle de Madeleine Pétrowna! Avec le temps vous aurez toute une maisonnée de soldats, et mon devoir près de vous est d'en avoir soin. Dieu vous ait en Sa garde, ainsi que votre charmant enfant! Je vous souhaite honneur et gloire, et vous assure jusqu'à mon dernier jour de mon amitié et de ma considération sincère". Alexandre Talyzine reçut chez ses parents une excellente éducation, sous l'éminente direction de P. Mart, connu comme pédagogue à Moscou, et de sa femme, Anna Nikiforowna, qui restèrent près de lui jusqu'en 1809. Le 20 août 1812, alors âgé de 17 ans, il s'enrôla sous-officier dans la milice de Moscou, et sa valeur à Borodino lui valut le grade de porte-enseigne. Il passa dans l'artillerie en 1813, et fit comme attaché au prince Yachvil les campagnes de 1813 et 1814, où il fut de toutes les affaires importantes, y compris la prise de Paris. Sous-lieutenant en 1815, il passa le 13 août 1817 lieutenant au régiment des chasseurs à cheval de la Garde, puis permuta le 19 juin 1818 aux hussards de la Garde, et fut nommé aide de camp du prince D. Golitzyne. Il fut ensuite promu, en 1822, capitaine de cavalerie en second, en 1825 en premier, et deux ans plus tard colonel avec affectation au régiment des hussards de Pavlograd, en restant toutefois attaché pour missions spéciales au prince D. Golitzyne, alors général gouverneur militaire de Moscou. En 1829, il devint membre du Comité des prisons, et le 30 avril membre du comité pour la construction de l'Arc-de-Triomphe de Moscou. Il passa au service civil le 4 mars 1833 avec le rang de conseiller d'état actuel, et, le 1er avril suivant, fut fait chambellan et nommé curateur de l'Hôpital Naval de Moscou. Nommé en 1839 au Comité de Mendicité, il se trouva là dans un élément „familier à son bon cœur". Il coopéra également à la fondation de l'Ecole de Peinture et de Sculpture de Moscou. Elu le 15 janvier 1844 maréchal de la noblesse du district de Bronnitzy, promu en 1849 conseiller privé, élu en 1850 juge au Tribunal de Conscience de Moscou, il prit sa retraite le 5 octobre 1856.

Talyzine mourut le Vendredi Saint, 22 mars 1858, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou. Il avait épousé le 11 avril 1824 la comtesse Olga Nikolaewna Zouboff (1803—1882), petite-fille de Souvoroff, et eut de ce mariage cinq fils, Stéphane, Pierre, Arcade, Nicolas et Michel, et quatre filles, Marie, Lydie, Liouboff et Véra.

(D'après une aquarelle de Sokoloff, 1824, appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

210

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ТАЛЫЗИНА, 1803—1882, младшая дочь графа Николая Александровича Зубова и знаменитой „Суворочки“, была внучка самого Суворова и родилась 5 Мая 1803 года. Въ записной книжкѣ Александра Степановича Талызина отмѣчено: „1823 г., въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, первый разъ увидалъ графиню Наталію Александровну Зубову съ дочерью графинею Ольгою Николаевною“; „6 Декабря, у графа Толстого на балѣ былъ для меня роковой день счастья моего“.... „На всѣхъ прочихъ балахъ только и видѣлъ одинъ предметъ души моей“. Талызина „взялись сватать“ графиня Бобринская и А. М. Гедеоновъ съ женой. Затѣмъ, 9 Января 1824 г. было уже обрученіе, а 11 Апрѣля того же года, на Красную Горку—свадьба. Посажёнымъ отцомъ былъ Московскій вельможа Ст. Ст. Апраксинъ, присутствовалъ самъ князь Д. В. Голицынъ, вѣнчались въ домовой церкви князя С. М. Голицына, на Пречистенкѣ. Молодые поселились сначала на Кисловкѣ, въ домѣ Колокольцова (теперь гимназія Перепелкиной), а потомъ—въ своемъ домѣ, противъ Александровскаго сада (потомъ Егорова).

Семья вышла благословенная: жили душа въ душу. Всѣ дѣти вышли людьми рѣдкаго сердца и высокой честности и прямоты. Ольга Николаевна не только была истинная мать и воспитательница своихъ дѣтей, но и энергическая дѣятельница въ дѣлѣ общественной благотворительности. Она 14 лѣтъ состояла предсѣдательницей Дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ (Общество 1837 г.). Послѣ открытія Московскаго Маріинскаго института, она всю жизнь была его попечительницей. И то и другое потомъ О. Н. Талызина передала своей достойной дочери, М. А. Нейдгардтъ, свѣтлая личность которой такъ свѣжо памятна еще и сейчасъ въ Москвѣ. Принимать у себя и утѣшать бѣдныхъ, оказывать имъ существенную помощь было потребностью высокой души О. Н. Талызиной.

Скончалась она въ родовомъ селѣ Денежниковѣ 3 Іюля 1882 г., а похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. У ней было 5 сыновей и 4 дочери.

С. М. Загоскинъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ пишетъ: „А. С. Талызинъ, коренной богатый Москвичъ, честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, пользовался общимъ уваженіемъ; жена его, рожденная графиня Зубова, умная, добрая и любезная, была предсѣдательницей Совѣта женскихъ школъ, въ Москвѣ. Дочери унаслѣдовали вмѣстѣ съ прекрасными душевными качествами своей матери и веселость ея характера, были милы и крайне просты въ обращеніи“.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Л. и В. А. Талызинымъ, с. Денежниково, Московской губ.)

210

OLGA NIKOLAEWNA TALYZINE, 1803—1882, la plus jeune fille du comte Nicolas Alexandrowitch Zouboff et de la célèbre Souvorotchka, était petite-fille de Souvoroff et naquit le 5 mai 1803. On lit dans le journal d'Alexandre Stépanowitch Talyzine: „1823, novembre, vu pour la première fois la comtesse Natalie Alexandrowna Zouboff avec sa fille, la comtesse Olga"; et encore: „Le bal du 6 décembre chez le comte Tolstoï a décidé de mon bonheur".... „A tous les autres bals, je n'ai vu que l'objet de mon âme". La comtesse Bobrinsky et A. Guédéonoff avec sa femme servirent d'intermédiaires; les fiançailles furent célébrées le 9 janvier 1824 et la noce, le 11 avril suivant à Krasnaïa Gorka: avec Stéphane Apraxine, le grand seigneur moscovite, comme parrain de noce, et en présence du prince D. Golitzyne en personne, la bénédiction nuptiale fut donnée à la chapelle du prince S. Golitzyne, dans sa maison de la Prétchistenka. Les nouveaux mariés habitèrent d'abord à la Kislovka la maison Kolokoltzoff (aujourd'hui le gymnase Pérépelkine), puis s'installèrent chez eux, en face du Jardin Alexandre, dans une maison qui appartint plus tard à Egoroff.

Ce fut une bienheureuse famille, où régna la plus étroite union. Tous les enfants devinrent des modèles de cœur, de probité et de loyauté. La mère, outre son rôle de mère et d'éducatrice, s'occupait avec activité et énergie d'œuvres de bienfaisance: elle fut quatorze ans présidente du Comité des Dames pour l'assistance aux Pauvres de Moscou (Société de 1837). A l'ouverture de l'Institut Marie, à Moscou, elle en devint curatrice et le resta toute sa vie. Elle fut remplacée dans ces deux œuvres par sa fille, Mme Neidhardt, dont le radieux souvenir est encore aujourd'hui vivant à Moscou. Recevoir chez elle et consoler les malheureux, soulager leur infortune, c'était pour l'âme supérieure de Mme Talyzine un besoin véritable.

Elle mourut dans son domaine patrimonial de Dénejnikovo le 3 juillet 1882, et fut inhumée au monastère Novodévitchi, à Moscou. Elle eut cinq fils et quatre filles.

„Alexandre Stépanowitch Talyzine", dit Zagoskine dans ses Mémoires, „riche moscovite de souche, était d'une probité et d'une noblesse de sentiments qui lui assuraient l'estime générale; sa femme, née comtesse Zouboff, charmante personne d'esprit et de cœur, fut présidente du Conseil des Ecoles de Jeunes filles, à Moscou. Ses filles tenaient de leur mère, avec des qualités morales supérieures, sa gaîté de caractère; elles étaient charmantes et d'une extrême simplicité".

(D'après une aquarelle appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

211

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МЕЗЕНЦЕВЪ, 1734—179., сынъ сенатскаго канцеляриста, потомъ секретаря Смоленской губернской канцеляріи Ѳедора Андреевича, внукъ Смоленскаго подьячаго, началъ службу въ 1749 г. и въ томъ же году, 8 Декабря, съ производствомъ въ офицеры, пожалованъ въ дворяне; въ 1763 г. онъ былъ подполковникомъ, а въ 70-хъ годахъ воеводой въ Сѣвскѣ; въ 1775 г. былъ произведенъ въ бригадиры, съ назначеніемъ оберштеръ-кригсъ-комиссаромъ въ Польскій корпусъ. Въ 1777 г. пожалованъ въ генералъ-майоры, въ 1784 г.—въ генералъ-поручики, и въ томъ же году получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Съ 1784 г. и по 23 Мая 1792 г. Мезенцевъ былъ правителемъ Вологодскаго намѣстничества.

Женатъ П. Ѳ. Мезенцевъ былъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Пустошкиной. Отъ этого брака у него было 4 сына: Павелъ (р. 1771 г., † 1819 г.; штабсъ-капитанъ, служилъ въ Преображенскомъ полку, позднѣе Угличскій уѣздный предводитель), Владиміръ (генералъ-майоръ; см. о немъ слѣдующій №), Михаилъ и Николай, и 1 дочь, Варвара († дѣвицей, въ 1838 г.).

(Съ миніатюры, принадлежавшей князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, въ С.-Петербургѣ.)

211

PIERRE FÉODOROWITCH MÉZENTZEFF, 1734—179., fils de Théodore Andréewitch Mézentzeff, commis de chancellerie du Sénat, puis secrétaire de l'administration de Smolensk, et petit-fils d'un expéditionnaire de Smolensk, entra au service en 1749, et, le 8 décembre de la même année, fut promu officier et élevé à la noblesse. Lieutenant-colonel en 1763, puis voïévode de Sevsk après 1770, il passa brigadier en 1775 et fut nommé commissaire général à la guerre au corps de Pologne. Général major en 1777, général lieutenant en 1784, il fut décoré la même année de St-Vladimir de 2e classe. De 1784 au 23 mai 1792, il fut administrateur de la lieutenance de Vologda.

Mézentzeff épousa Elisabeth Alexéewna Poustochkine, dont il eut quatre fils, Paul (1771—1819), capitaine en second, officier au régiment Préobragensky, puis maréchal de la noblesse du district d'Ouglitch, Vladimir, général major (v. ci-après № 212), Michel et Nicolas, et une fille, Varvara, morte sans alliance en 1838.

(D'après une miniature ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

212

ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ МЕЗЕНЦЕВЪ, 1779—1833, сынъ генералъ-поручика и Вологодскаго намѣстника Петра Ѳедоровича Мезенцева, женатаго на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Пустошкиной, родился въ Варшавѣ 22 Декабря 1779 года, когда отецъ его служилъ въ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Польшѣ. В. П. Мезенцевъ съ успѣхомъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ войнахъ царствованія Александра I и 20 Іюля 1812 г. произведенъ въ генералъ-майоры; 18 Марта 1814 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Будучи всего 46 лѣтъ, вышелъ въ отставку 2 Января 1826 года и больше не служилъ.

Умеръ В. П. Мезенцевъ въ С.-Петербургѣ 2 Января 1833 года и погребенъ въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга. Онъ былъ женатъ на родной внучкѣ Суворова, графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Зубовой (р. 31 Декабря 1800 г., † 27 Февраля 1862 г.). Отъ этого брака было 2 сына: Михаилъ (р. 1822 г.; гофмейстеръ, холостой) и Николай (р. 11 Апрѣля 1827 г., † 9 Августа 1878 г.; генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, убитъ на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ, холостъ), и 4 дочери: Александра (р. 1819 г., † 1823 г.), Наталія (р. 1820 г., † 1895 г.; въ замужствѣ за штальмейстеромъ княземъ С. А. Оболенскимъ-Нелединскимъ-Мелецкимъ), Елизавета (р. 1823 г., † дѣвицей) и Софія (р. 1825 г., † 1908 г.; за генералъ-адъютантомъ княземъ П. Ѳ. Масальскимъ, р. 1812 г., † 1880 г.).

Миніатюры Е. А. Мезенцевой, рожденной Пустошкиной, и В. Н. Мезенцевой, рожденной графини Зубовой, также имѣлись въ собраніи покойнаго князя В. С. Оболенскаго; кромѣ того, миніатюра послѣдней, какъ дочери знаменитой „Суворочки“, есть у В. А. и Л. А. Талызиныхъ, мать которыхъ была также графиня Зубова, въ с. Денежниковѣ, Московской губерніи.

(Съ миніатюры, принадлежавшей князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, въ С.-Петербургѣ.)

212

VLADIMIR PÉTROWITCH MÉZENTZEFF, 1779—1833, fils du général lieutenant et administrateur de la lieutenance de Vologda Pierre Féodorowitch Mézentzeff et d'Elisabeth Alexéewna, née Poustochkine, naquit le 22 décembre 1779 à Varsovie, où son père était affecté au corps russe cantonné en Pologne. Il fit une bonne carrière d'officier, prit part aux guerres du règne d'Alexandre Ier, et devint général major le 20 juillet 1812; le 18 mars 1814, il fut décoré de St-Vladimir de 2e classe. Démissionnaire le 2 janvier 1826, à l'âge de 46 ans seulement, il ne reprit jamais de service.

Mézentzeff mourut à Pétersbourg le 2 janvier 1833, et fut inhumé au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Il avait épousé la petite-fille de Souvoroff, la comtesse Véra Nikolaewna Zouboff (31 décembre 1800—27 février 1862), dont il eut deux fils, Michel (né 1822), maître de la Cour, célibataire, et Nicolas (11 avril 1827—9 août 1878), général aide de camp, chef des gendarmes, tué Place Michel à Pétersbourg, célibataire, et quatre filles, Alexandrine (1819—1823), Natalie (1820—1895), mariée au prince S. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, écuyer, Elisabeth (née 1823), morte sans alliance, et Sophie (1825—1908), mariée au prince N. Massalsky (1812—1880), général aide de camp.

Les collections de feu prince Valérien Obolensky renfermaient également la miniature de la mère de Mézentzeff et celle de sa femme; il y a de celle-ci, fille de la célèbre Souvorotchka, une autre miniature à Dénejnikovo, gouvernement de Moscou, chez les sœurs L. et V. Talyzine, dont la mère était aussi une comtesse Zouboff.

(D'après une miniature ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

СЕРАФИМЪ (въ мірѣ Стефанъ Васильевичъ) Глаголевскій, 1757—1843, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, былъ сынъ дьячка въ г. Калугѣ. Обучаясь въ Троицко-Лаврской семинаріи, а затѣмъ въ Московской Академіи, онъ пользовался уроками въ основанной Новиковымъ и Шварцемъ семинаріи Дружескаго Общества и слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Постриженный 2 Декабря 1787 г. въ монашество, онъ съ 1790 г. былъ префектомъ, а съ 1798 г. ректоромъ Московской Академіи, въ санѣ архимандрита сначала Можайскаго Лужецкаго, а затѣмъ Московскаго Заиконоспасскаго монастырей; 25 Декабря 1799 г. Серафимъ былъ рукоположенъ въ Троицкой лаврѣ митрополитомъ Платономъ въ епископа Дмитровскаго; 23 Января 1804 г. онъ былъ переведенъ въ Вятку, 7 Іюля 1805 г.—въ Смоленскъ, а 7 Февраля 1812 г.—въ Минскъ, съ возведеніемъ въ архіепископы. 30 Августа 1814 г. онъ былъ назначенъ Тверскимъ архіепископомъ, членомъ Св. Сунода и Комиссіи Духовныхъ училищъ и тогда же былъ избранъ вице-президентомъ Библейскаго Общества; 15 Марта онъ былъ переведенъ митрополитомъ въ Москву, а 29 Іюня 1821 г. получилъ въ управленіе митрополію С.-Петербургскую и Новгородскую. Аракчеевъ воспользовался Серафимомъ, какъ орудіемъ для низверженія близкаго къ Государю министра Духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына. Знаменитая аудіенція Серафима у Александра I, 17 Апрѣля 1824 г., вызвала отставку Голицына и гоненіе на мистиковъ. За пять лѣтъ до смерти Серафимъ впалъ въ дѣтство, и его въ торжественныхъ случаяхъ выводили въ пріемную подъ руки, съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами.

Митрополитъ Серафимъ скончался 17 Января 1843 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

Митрополитъ Серафимъ былъ человѣкъ заурядный, возведенный на высоту благопріятнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ и благоволеніемъ знаменитаго Платона. Его ученость выразилась лишь въ схоластическомъ „Изслѣдованіи доказательствъ бытія Божія“. Онъ не безъ зависти чувствовалъ свое ничтожество передъ разнообразными дарованіями Филарета Московскаго. Успѣхъ его проповѣдей въ ранній Московскій періодъ его службы объяснялся тѣмъ, что на эти проповѣди со всего города съѣзжались дамы, ради внѣшней привлекательности „Серафимчика“. Онъ былъ человѣкъ слабохарактерный и боязливый. Онъ робѣлъ предъ деспотичнымъ графомъ Пратасовымъ и всегда безпокоился о томъ, что скажутъ о немъ въ высшихъ сферахъ.

Какъ многіе слабые люди, онъ подъ давленіемъ обстоятельствъ способенъ былъ на поступки, какъ бы свидѣтельствовавшіе о мужествѣ; но на дѣлѣ это была смѣлость отчаянія. Не безъ трепета, уступая Аракчееву, онъ въ извѣстной аудіенціи эффектно сложилъ свой бѣлый клобукъ предъ Александромъ I; не безъ трепета же онъ 14 Декабря 1825 г., по приказанію Николая I, выѣхалъ на Сенатскую площадь для увѣщанія мятежниковъ. Серафимъ не прочь былъ слушать клеветниковъ, „дувшихъ ему въ уши“, и „отпереться отъ своихъ словъ“, что, по свидѣтельству митрополита Григорія, „случалось многократно“. „Все у него основано на внѣшности“, говорилъ про Серафима раздраженный имъ Фотій; онъ былъ способенъ держать нужнаго человѣка „въ наружномъ благоволеніи“, а при перемѣнѣ счастія „болѣе всѣхъ ему чашу горести подносилъ“.

Почти полвѣка онъ былъ архіереемъ, почти четверть вѣка занималъ престолъ первенствующаго іерарха, но дѣятельность его не „ознаменовалась какими-либо выдающимися явленіями“ и состояла лишь въ церковныхъ служеніяхъ, посѣщеніи Сунода и слушаніи консисторскихъ докладовъ. „Не остался онъ“, писалъ о Серафимѣ Сушковъ, „въ памяти народной. Нѣтъ разсказовъ о немъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Рѣдко бесѣдовалъ онъ съ паствою своею и вовсе не слылъ проповѣдникомъ. Не было у него ни пламенныхъ почитателей, ни завистливыхъ недруговъ“.

(Съ портрета, принадлежащаго священнику Н. М. Миловскому, въ Москвѣ.)

SÉRAPHIN (dans le monde Stéphane Vassiliewitch) Glagolewsky, 1757—1843, métropolite de Novgorod et St-Pétersbourg, était fils d'un diacre de Kalouga. Il fit ses études au séminaire du Couvent de la Trinité, puis à l'Académie Ecclésiastique de Moscou, tout en fréquentant le séminaire fondé par Novikoff et Schwartz à la Société Amicale et en suivant les cours de l'université de Moscou. Entré dans les ordres le 2 décembre 1787, il devint en 1790 préfet et en 1798 recteur de l'Académie Ecclésiastique de Moscou: il était en même temps archimandrite, d'abord du monastère Loujetzky à Mojaïsk, puis du monastère Zaïkonospassky à Moscou. Le 25 décembre 1799, le métropolite Platon l'intronisa au Couvent de la Trinité évêque de Dmitrowsk, d'où il passa à Viatka le 23 janvier 1804, à Smolensk le 7 juillet 1805, enfin à Minsk le 7 février 1812 avec la dignité d'archevêque. Nommé le 30 août 1814 archevêque de Tver, membre du Saint Synode et de la Commission des écoles religieuses, élu en même temps vice-président de la Société Biblique, il devint le 15 mars 1821 métropolite de Moscou, et le 29 juin suivant métropolite de St-Pétersbourg et Novgorod. Il fut aux mains d'Araktchéeff l'instrument qui servit à discréditer près de l'Empereur le prince A. Golitzyne, le ministre des affaires ecclésiastiques: sa fameuse audience du 17 avril 1824 avec Alexandre Ier décida la retraite du ministre et les persécutions contre les mystiques. Séraphin tomba en enfance cinq ans avant de mourir: dans les occasions solennelles, on l'amenait dans le salon de réception, soutenu sous chaque bras et avec une visière verte sur les yeux. Il mourut le 17 janvier 1843, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Simple médiocrité, le métropolite Séraphin ne dut son élévation qu'à un heureux concours de circonstances et à la faveur du fameux Platon. Son érudition n'aboutit qu'à sa scolastique Etude des preuves de l'Existence de Dieu. Les facultés brillantes et variées du métropolite de Moscou Philarète ne furent pas sans inspirer à sa nullité une certaine jalousie, et son succès comme prédicateur au début de sa carrière à Moscou tint uniquement au public féminin attiré par sa belle prestance.

Caractère faible et timoré, il tremblait devant le despotisme du comte Protassoff et s'inquiétait sans cesse de ce qu'on pouvait dire de lui en haut lieu. Sous la pression des circonstances, cette faiblesse de caractère était capable, comme il arrive souvent, de semblants de coups d'énergie, qui n'étaient en réalité que des coups de désespoir. Il n'était rien moins que rassuré dans la fameuse audience où, à l'instigation d'Araktchéeff, il dépouilla avec éclat son froc blanc en présence d'Alexandre Ier; il ne l'était pas davantage le 14 décembre 1825 quand Nicolas Ier l'envoyait haranguer l'émeute Place du Sénat. Assez enclin à prêter l'oreille à la calomnie, il était homme aussi à „désavouer ses propres paroles", et la chose, dit le métropolite Grégoire, „lui arriva maintes fois". „Tout en lui n'est qu'apparence", disait Photius, dont il avait provoqué le dépit; prodigue de démonstrations envers ses bienfaiteurs, „il était le premier", une fois en mesure de se passer d'eux, „à les abreuver d'amertume".

Prélat près d'un demi-siècle, titulaire près de vingt-cinq ans du siège le plus éminent, il ne fit jamais rien qui le signalât particulièrement, et se borna à officier, aller au Synode et recevoir les rapports de son consistoire. „Il n'est resté dans la mémoire du peuple", écrit Souchkoff, „ni à Moscou ni à Pétersbourg, aucun récit populaire dont il soit le héros. Il parlait rarement à ses ouailles et n'avait aucun renom de prédicateur. Il ne comptait ni admirateurs enthousiastes, ni ennemis jaloux".

(D'après un original appartenant au prêtre N. Milowsky, Moscou.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1773—1844, сынъ капитана князя Николая Сергѣевича Голицына, отъ третьяго его брака съ Александрой Александровной Хитрово, родился въ Москвѣ 8 Декабря 1773 года (см. т. II, № 48). Князь Голицынъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ Великаго Князя Александра Павловича и пріобрѣлъ его неизмѣнную дружбу. До воцаренія своего друга, Голицынъ состоялъ при Дворѣ, довольствуясь званіемъ камергера. Назначенный въ 1802 году оберъ-прокуроромъ 1-го Департамента Сената, онъ 21 Октября 1803 г. получилъ постъ оберъ-прокурора Св. Сунода, со званіемъ статсъ-секретаря. Въ 1810 году онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а въ 1816 году министромъ Народнаго просвѣщенія. Учрежденіе въ 1817 г. для князя Голицына новаго Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія составляло важный шагъ въ дѣлѣ подчиненія церкви государству вообще и усиленія власти Голицына въ частности. Въ 1820 г. ко всѣмъ своимъ должностямъ онъ присоединилъ еще должность главноуправляющаго Почтовымъ департаментомъ. Аракчеевъ, опасаясь вліянія князя Голицына, подвелъ подъ него интригу, съ участіемъ митрополита Серафима и извѣстнаго Фотія, и 15 Мая 1824 г. Голицынъ оставилъ Министерство Духовныхъ дѣлъ, которое тогда же было упразднено, и удержалъ въ своихъ рукахъ лишь управленіе почтами. Николай I смотрѣлъ на него, какъ на „вѣрнѣйшаго друга своего семейства". Достигнувъ званія канцлера всѣхъ Россійскихъ орденовъ и чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса, князь А. Н. Голицынъ, по старости и слабости зрѣнія, 13 Іюня 1843 года былъ уволенъ отъ службы. Онъ умеръ въ Крыму, въ своемъ имѣніи Гаспра, 22 Ноября 1844 года и погребенъ въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Весьма страннымъ кажется назначеніе оберъ-прокуроромъ Св. Сунода князя А. Н. Голицына, человѣка съ поверхностнымъ, чисто свѣтскимъ образованіемъ, не знакомаго ни съ ученіемъ, ни съ исторіей церкви, вольнодумца, никогда не читавшаго даже Евангелія. Но Александру I нуженъ былъ въ Сунодѣ „свой человѣкъ". Съ годами этотъ libre penseur впалъ въ благочестіе и сдѣлался усерднѣйшимъ адептомъ мистицизма, къ которому все болѣе и болѣе склонялся его вѣнценосный другъ. Странно было видѣть этого вольтерьянца Екатерининскаго закала окруженнымъ доморощенными и выписанными изъ-за границы ханжами и лжечудотворцами и ожидающимъ, вмѣстѣ съ ними, знаменій, чудесъ и откровеній Св. Духа. Религіей его былъ туманный сентиментальный піетизмъ съ примѣсью православныхъ догматовъ, разнообразныхъ еретическихъ и сектантскихъ ученій.

Прилагаемый портретъ идетъ изъ семьи Демидовыхъ. Любопытны надписи на оборотѣ его, частью рукой самого князя А. Н. Голицына, а именно: „Мнѣ кажется, что портретъ мой довольно похожъ, для того къ вамъ оный посылаю, а у васъ бывшій не столько сходенъ". И дальше: „J'ai oublié, mon cher ami, ce matin de vous remettre moi-même une badine, que j'ai préparé pour vous comme étrenne du nouvel an. Qu'elle vous serve de souvenir d'un vieillard qui vous aime beaucoup. le 1 Janvier 1835". Другой рукой, также на оборотѣ, написаны стихи, съ отмѣткой „1842 Сентября 8":

„Онъ съ геніемъ ума, съ возвышенной душой,
Царей слуга, въ свой вѣкъ, слугой Россіи сталъ,
И почести сложивъ, съ крестомъ пошелъ къ покою,
Но слѣдъ свой на скрижаль безсмертья начерталъ".

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова, собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince ALEXANDRE NIKOLAEWITCH GOLITZYNE, 1773—1844, fils du prince Nicolas Serguéewitch Golitzyne, capitaine, et de sa troisième femme, Alexandrine Alexandrowna Khitrovo, naquit à Moscou le 8 décembre 1773 (v. T. II, № 48). Il fut camarade d'enfance du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, dont il conserva toujours l'amitié; à la Cour, avant son avènement, il était simplement chambellan. Nommé en 1802 procureur général du 1er département du Sénat, il devint le 21 octobre 1803 haut procureur du Saint Synode, avec le titre de secrétaire d'état. En 1810, il fut fait membre du Conseil de l'Empire et directeur général des cultes non orthodoxes, puis, en 1816, ministre de l'instruction publique. La fondation pour lui en 1817 d'un ministère des affaires ecclésiastiques et de l'instruction publique, mesure d'importance capitale par l'autorité qu'elle attribuait à l'Etat sur l'Eglise, ne l'était pas moins par celle qu'elle conférait en particulier au nouveau ministre, qui en 1820 ajouta à toutes ses fonctions la direction générale du département des postes. Mais, sous la pression des intrigues nouées bientôt par Araktchéeff, de concert avec le métropolite Séraphin et le fameux Photius, il dut le 15 mai 1824 abandonner le ministère des affaires ecclésiastiques, supprimé par la même occasion, pour ne conserver que les postes. Nicolas Ier regardait le prince Golitzyne comme „l'ami le plus fidèle de sa famille". Il était chancelier de tous les Ordres russes et conseiller privé actuel, quand l'âge et la faiblesse de sa vue le contraignirent à la retraite le 13 juin 1843. Il mourut en Crimée, dans sa propriété de Gaspra, le 22 novembre 1844, et fut inhumé au monastère St-Georges, près Balaklava.

On est un peu surpris de voir haut procureur du Saint Synode un homme comme le prince Golitzyne, d'une instruction toute mondaine et superficielle, ignorant de l'Eglise la doctrine comme l'histoire, libre penseur qui n'avait même jamais lu l'Evangile: mais ce qu'Alexandre Ier voulait au Synode, c'était „un homme à lui". Avec le temps, notre libre penseur tourna à la piété et devint un des adeptes les plus zélés de ce mysticisme dans lequel versait de plus en plus son Impérial ami. Spectacle bizarre, que celui de ce voltairien à la Catherine II s'entourant de ce qu'il pouvait trouver en Russie et ailleurs de dévots et pseudo-thaumaturges pour attendre de compagnie apparitions, miracles et révélations du Saint-Esprit. Sa religion n'était qu'un nuageux et sentimental piétisme, assaisonné de dogmes orthodoxes et de doctrines empruntées à diverses sectes et hérésies.

Le portrait ci-joint vient de la famille Démidoff. Le revers porte de curieuses légendes, deux de la propre main du prince Alexandre Golitzyne, dont une en russe: „Il me semble que ce portrait est assez ressemblant; aussi je vous l'envoie: celui que vous aviez l'est moins", et l'autre en français: „J'ai oublié, mon cher ami, ce matin de vous remettre moi-même une badine, que j'ai préparé pour vous comme étrenne du nouvel an. Qu'elle vous serve de souvenir d'un vieillard qui vous aime beaucoup! Le 1 janvier 1835". Et d'une autre main, également au revers, avec la date „8 septembre 1842", ces vers en russe:

„Cet esprit éminent, cette âme généreuse
„Servit ses Souverains et servit la Russie,
„Puis quitta les honneurs pour le repos, mais laisse
„Au livre de l'histoire un nom ineffaçable".

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

215

Князь АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1752—1830, старшій сынъ князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго, отъ брака съ княжной Екатериной Александровной Куракиной, родился 24 Мая 1752 года. Въ службѣ онъ дослужился до чина генералъ-майора. Въ 1797 году онъ былъ выбранъ въ Московскіе губернскіе предводители дворянства; но уже 1 Сентября 1800 года состоялся указъ Императора Павла I на имя Московскаго генералъ-губернатора слѣдующаго содержанія: „Усматривая изъ поступившихъ ко мнѣ прошеній отъ недорослей о опредѣленіи въ службу, что многіе показываются дворянами Московской губерніи, не бывъ совсѣмъ оными, а основываясь на данныхъ имъ аттестатахъ, за подписаніемъ предводителя Московскаго дворянства, отставного генералъ-майора князя Лобанова, то, не удивляясь таковой отъ него неосновательности, повелѣваю вамъ по полученіи сего отрѣшить его отъ должности и приступить къ выбору другого предводителя, который бы достоинъ былъ Московскаго дворянства".

Князь П. В. Долгорукій въ своихъ мемуарахъ посвящаетъ князю А. И. Лобанову-Ростовскому нѣсколько злыхъ строкъ: „Le prince Alexandre Ivanowitch Lobanow, l'aîné des fils du calmouk, arrivant à Rostow, s'arrête à la dernière station, et fit sommer le gorodnitchyi de le recevoir à la barrière de la ville et au son des cloches. Comme il était le petit-neveu du comte Panine, à cette époque chef des affaires étrangères et tout puissant à la cour, le gorodnitchyi n'osa désobéir, et le reçut à la porte de la ville, les cloches sonnant à pleine volée. L'Impératrice, ayant appris cela, fut très mécontente et défendit de répéter cette réception à l'avenir. Ce prince Alexandre était connu par son terrible caractère; dès qu'il était de mauvaise humeur, il se promenait de long en large en fredonnant: „Turlututu, chapeau pointu", et dès qu'on entendait la funeste „turlututu" tout le monde dans la maison, domestiques, enfants et femmes commençaient à trembler"....

Князь А. И. Лобановъ умеръ 20 Января 1830 года и погребенъ въ Москвѣ, въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря.

Онъ былъ женатъ два раза: 1) на Аннѣ Никифоровнѣ Масловой († 1819 г.) и 2) на Юліи Антоновнѣ (фамилія неизвѣстна). Всѣ дѣти его отъ перваго брака, а именно: 3 сына—Алексѣй, Иванъ и Борисъ, и 5 дочерей: Екатерина (старшая), Анастасія (за Семеномъ Ефимовичемъ Ляпуновымъ), Варвара, Прасковья (за Александромъ Васильевичемъ Новосильцовымъ) и Екатерина (младшая).

(Съ портрета, находящагося въ домѣ Благороднаго Собранія, въ Москвѣ.)

215

Le prince ALEXANDRE IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1752—1830, fils aîné du prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky et de la princesse, née Catherine Alexandrowna Kourakine, naquit le 24 mai 1752. Il servit jusqu'au grade de général major. Il n'était que depuis 1797 maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou, quand, le 1er septembre 1800, l'Empereur Paul Ier adressa au nom du général gouverneur de Moscou l'oukaze suivant: „Dans les demandes d'admission au service qui Me parviennent, de nombreux mineurs se donnent comme nobles du gouvernement de Moscou sans l'être en réalité et sans autre titre que des certificats délivrés sous la signature du maréchal de la noblesse de Moscou, le général major en retraite prince Lobanoff. Sans M'étonner d'actes aussi inconsidérés de sa part, Je vous ordonne, à la réception du présent Oukaze, de le destituer de ses fonctions et de procéder à l'élection d'un nouveau maréchal, qui soit digne de la noblesse de Moscou".

Le prince P. Dolgorouky consacre dans ses Mémoires quelques lignes méchantes au prince Lobanoff-Rostowsky: „Le prince Alexandre Ivanowitch Lobanow, l'aîné des fils du calmouk, arrivant à Rostow, s'arrête à la dernière station, et fit sommer le gorodnitchyi de le recevoir à la barrière de la ville et au son des cloches. Comme il était le petit-neveu du comte Panine, à cette époque chef des affaires étrangères et tout puissant à la cour, le gorodnitchyi n'osa désobéir, et le reçut à la porte de la ville, les cloches sonnant à pleine volée. L'Impératrice, ayant appris cela, fut très mécontente et défendit de répéter cette réception à l'avenir. Ce prince Alexandre était connu par son terrible caractère; dès qu'il était de mauvaise humeur, il se promenait de long en large en fredonnant: „Turlututu, chapeau pointu", et dès qu'on entendait la funeste „turlututu" tout le monde dans la maison, domestiques, enfants et femmes commençaient à trembler"....

Le prince Lobanoff mourut le 20 janvier 1830, et fut inhumé à Moscou, dans l'église de l'Apparition de la Vierge, au monastère Novospassky.

Il avait épousé en premières noces Anne Nikiforowna Masloff († 1819) et en secondes noces Julie Antonowna (famille inconnue). Il n'eut d'enfants que du premier mariage: trois fils, Alexis, Ivan et Boris, et cinq filles, Catherine (ainée), Anastasie, mariée à Simon Efimowitch Liapounoff, Varvara, Prascovie, mariée à Alexandre Vassiliewitch Novossiltzoff, et Catherine (jeune).

(D'après un original conservé à l'Assemblée de la Noblesse de Moscou.)

Князь БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮСУПОВЪ, 1794—1849, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Николая Борисовича Юсупова, отъ брака съ племянницей Потемкина Татьяной Васильевной Энгельгардтъ (въ первомъ бракѣ за Михаиломъ Семеновичемъ Потемкинымъ), родился 9 Іюня 1794 года. Послѣ обученія въ модномъ французскомъ пансіонѣ аббата Николя, князь Б. Н. Юсуповъ служилъ сперва въ вѣдомствѣ Иностранныхъ дѣлъ, потомъ былъ членомъ Мануфактуръ-Совѣта, а съ 1839 г. почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго присутствія, имѣя придворное званіе гофмейстера. Онъ умеръ 25 Октября 1849 г. отъ тифа. Князь Б. Н. Юсуповъ былъ женатъ 2 раза: на княжнѣ Прасковьѣ Павловнѣ Щербатовой и на Зинаидѣ Ивановнѣ Нарышкиной (во 2-мъ бракѣ—графиня де-Шово). Отъ второго брака онъ имѣлъ сына Николая, послѣдняго въ старшинствѣ родѣ татарскихъ князей Юсуповыхъ, передавшаго свой титулъ дочери, графинѣ Зинаидѣ Николаевнѣ Сумароковой-Эльстонъ.

Въ книгѣ „О родѣ князей Юсуповыхъ“ князь Б. Н. Юсуповъ, въ панегирическомъ тонѣ, изображается „истиннымъ вельможей“, человѣкомъ, преданнымъ долгу, „утѣшавшимъ страждущихъ“ во время холеры, кормившимъ до 70.000 крестьянъ во время голода, „не перестававшимъ преслѣдовать своими остротами всякое лицемѣріе, всякій, по его мнѣнію, несправедливый поступокъ“. Съ этимъ не совсѣмъ согласны отзывы нѣкоторыхъ мемуаристовъ, хотя бы, напримѣръ, князя П. В. Долгорукаго. Несмѣтное богатство князя Б. Н. Юсупова, имъ еще увеличенное, конечно, дѣлало его вполнѣ независимымъ; ему не было надобности прибѣгать къ „лицемѣрію“; онъ не дорожилъ службой и постоянно ссорился съ важными лицами, навлекая на себя ихъ неудовольствіе своими весьма „колкими“, по оцѣнкѣ его собственнаго сына, остротами. По самъ князь Б. Н. Юсуповъ, по утвержденію графа М. А. Корфа, имѣлъ „разныя причудливыя странности и репутацію ограниченнаго ума“, „ничѣмъ не стѣснялся въ выраженіяхъ своихъ мыслей и понятій, ни въ свѣтѣ, ни даже въ разговорахъ съ Государемъ, и позволялъ себѣ такую непринужденную откровенность изъясненій, которой не спустили бы никому другому“. Балы его были великолѣпны, но графъ В. А. Сологубъ находитъ, что они „не имѣли оттѣнка врожденнаго щегольства и барства“, и приписываетъ князю „легендарную скаредность“, заставлявшую его при встрѣчѣ Государя и Государыни тутъ же отдавать хозяйственныя приказанія въ родѣ того, чтобы „выѣздному Ихъ Величествъ дали два стакана чаю, а кучеру одинъ“. При этомъ служебныя заслуги князя, въ родѣ провожанія тѣла Императрицы Елисаветы Алексѣевны, участія въ Коронаціонной комиссіи и урегулированія производства и продажи игральныхъ картъ, несмотря на „многія и постоянно повторяемыя изъявленія Высочайшаго благоволенія“, носили слишкомъ спеціальный характеръ, чтобы обезпечить этому вельможѣ видное въ исторіи мѣсто среди дѣятелей эпохи Императора Николая I.

(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ З. Н. Юсуповой, с. Архангельское, Московской губ.)

Le prince **BORIS NIKOLAEWITCH YOUSSOUPOFF**, 1794—1849, fils du prince Nicolas Borissowitch Youssoupoff, conseiller privé actuel, et d'une nièce de Potemkine, Tatiana Vassiliewna Engelhardt (mariée en premières noces à Michel Sémenowitch Potemkine), naquit le 9 juin 1794. Il fit ses études chez l'abbé Nicolle, à la pension française en vogue, puis prit du service aux Affaires étrangères; il fut ensuite membre du Conseil des Manufactures, et, en 1839, tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de St-Pétersbourg; il était maître de la Cour. Le prince Youssoupoff mourut du typhus le 25 octobre 1849. Il avait épousé la princesse Prascovie Pavlowna Chtcherbatoff, et en secondes noces Zénaïde Ivanowna Narychkine, plus tard comtesse de Chauveau, dont il eut un fils, Nicolas, qui, dernier représentant de la vieille famille tatare des princes Youssoupoff, transmit le titre à sa fille, Zénaïde, comtesse de Soumarokoff-Elston.

La Famille des Princes Youssoupoff fait un portrait dithyrambique du prince Boris, le „véritable grand seigneur", l'homme du devoir qui „soulagea les souffrances" lors du choléra, nourrit jusqu'à 70.000 paysans durant la famine, et „ne cessa de poursuivre de ses sarcasmes tout ce qui lui paraissait hypocrisie ou injustice". Telle n'est pas tout à fait l'opinion de certains auteurs de mémoires, comme, par exemple, le prince P. Dolgorouky. Une immense fortune, qui ne faisait naturellement que grossir, assurait au prince Youssoupoff une complète indépendance; il n'avait rien à gagner, par „hypocrisie": libre de préoccupations de carrière, il était sans cesse en délicatesse avec les personnages haut placés, qu'il s'évertuait à piquer de sarcasmes, au témoignage de son fils, des plus „mordants". Pour sa part, il joignait, dit le baron Korff, „à de singulières bizarreries la réputation d'un esprit borné", „ne se gênait nullement pour émettre ses idées et dire ce qu'il pensait, ni dans la société, ni même en parlant à l'Empereur, et se permettait dans ses explications une désinvolture qui n'eût été de mise pour personne autre". Il donnait des bals somptueux, mais „dont l'élégance et le grand genre n'étaient pas foncièrement de bon aloi", au dire du comte Sollohub, qui parle encore de „la ladrerie légendaire" avec laquelle, en recevant l'Empereur et l'Impératrice, il entrait sur place dans des détails d'office comme: „Deux verres de thé au laquais de Leurs Majestés, un au cocher!" Quant à la valeur du fonctionnaire, des services comme l'accompagnement du corps de l'Impératrice Elisabeth, la part prise aux travaux de la commission du Couronnement et la réglementation de la fabrication et de la vente des cartes à jouer sont, malgré „les multiples et incessantes déclarations de gratitude de S. M.", d'une nature trop spéciale pour assurer à ce grand seigneur une place marquante parmi les hommes politiques de l'époque de Nicolas Ier.

(D'après un original appartenant à la princesse Z. Youssoupoff, Arkhangelskoïé, gouv. de Moscou.)

217

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА, рожденная Лачинова, 1768—1794, родилась 13 Декабря 1768 года; была замужемъ за флигель-адъютантомъ, потомъ генералъ-майоромъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ (р. 1754 г., † 1812 г.) и имѣла одного сына, Александра (р. 1788 г., † 1836 г.).

Скончалась М. А. Дмитріева-Мамонова 16 Ноября 1794 г. и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность Д. П. Щукина, въ Москвѣ.)

217

MARIE ALEXANDROWNA DMITRIEFF-MAMONOFF, née Latchinoff, 1768—1794, naquit le 13 décembre 1768. Elle épousa l'aide de camp de Sa Majesté, plus tard général major, Ivan Féodorowitch Dmitrieff-Mamonoff (1754—1812), et eut un fils, Alexandre (1788—1836).

Mme Dmitrieff-Mamonoff mourut le 16 novembre 1794, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à D. Chtchoukine, Moscou.)

218

МАРІЯ ИВАНОВНА ДУБОВИЦКАЯ, 17..—1821, дочь статскаго совѣтника Озерова, сестра члена Государственнаго Совѣта Петра Ивановича Озерова, въ 1808 году вышла замужъ за Александра Петровича Дубовицкаго (р. 1782 г., † 1848 г.), извѣстнаго впослѣдствіи мистика-сектанта.

Мужъ любилъ жену „нѣжно и пламенно", но лишился ея послѣ 13-лѣтняго супружества: она скончалась 11 Іюля 1821 г., оставивъ сына Петра (р. 1815 г., † 1868 г.) и 2 дочерей: Надежду (р. 1817 г., † 1893 г.) и Софію (р. 1820 г., † 1883 г.; была замужемъ за генералъ-адъютантомъ Мерхелевичемъ). Погребена М. И. Дубовицкая въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Степкино, Рязанской губ.)

218

MARIE IVANOWNA DOUBOVITZKY, 17..—1821, fille du conseiller d'état Ozéroff, sœur du membre du Conseil de l'Empire Pierre Ivanowitch Ozéroff, épousa en 1808 Alexandre Pétrowitch Doubovitzky (1782—1848), connu plus tard comme mystique et dissident.

Doubovitzky, „tendrement et ardemment" attaché à sa femme, la perdit après treize ans d'union: elle mourut le 11 juillet 1821, laissant un fils, Pierre (1815—1868), et deux filles, Nadejda (1817—1895) et Sophie (1820—1885), mariée au général aide de camp Merkhélewitch. Elle fut inhumée au monastère Donskoï, à Moscou.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

219

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ДУБОВИЦКАЯ, 1791 — 1847, дочь Петра Николаевича Дубовицкаго (р. 1753 г., † 1825 г.), отъ брака его съ Надеждой Ивановной Медвѣдской (р. 1754 г., † 1849 г.), сестра извѣстнаго сектанта-мистика, родилась 27 Декабря 1791 года.

Е. П. Дубовицкая была замужемъ за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Протасьевымъ (р. 1778 г., † 1848 г.). Когда братъ ея былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, она вмѣстѣ съ родителями своими принимала участіе въ хлопотахъ по облегченію его участи и призрѣнію его малолѣтнихъ дѣтей.

Скончалась Е. П. Протасьева 31 Декабря 1847 г. и погребена въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ. Изъ дѣтей ея извѣстны сыновья: Дмитрій (р. 1810 г., † 1852 г.), Ѳедоръ (р. 1812 г., † 1860 г.) и Александръ (р. 1819 г., † 1839 г.).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность О. Л. Мерхелевичъ, с. Стенькино, Рязанской губ.)

219

ÉLISABETH PÉTROWNA DOUBOVITZKY, 1791—1847, fille de Pierre Nikolaewitch Doubovitzky (1753—1825) et de Nadejda Ivanowna, née Medvedsky (1754—1849), était sœur du mystique et dissident Doubovitzky, et naquit le 27 décembre 1791. Elle épousa Michel Féodorowitch Protassieff (1778—1848). Quand son frère fut cloîtré au monastère St-Cyrille, à Bélozersk, elle se joignit à ses parents pour faire des démarches en faveur du coupable et de ses jeunes enfants.

Mme Doubovitzky mourut le 31 décembre 1847, et fut inhumée à Moscou, au monastère de l'Intercession. On lui connaît trois fils, Dmitri (1810—1852), Théodore (1812—1860) et Alexandre (1819—1839).

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à O. Merkhélewitch, Stenkino, gouv. de Riazan.)

Княгиня ВАРВАРА ПЕТРОВНА ЩЕРБАТОВА, 1774—1843, дочь князя Петра Александровича Оболенскаго (р. 1742 г., † 1822 г.), отъ брака его съ княжной Екатериной Андреевной Вяземской (р. 1741 г., † 1811 г.), родилась 14 Января 1774 года; она была племянницей поэта князя П. А. Вяземскаго. Въ замужествѣ княжна Оболенская была за шталмейстеромъ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Щербатовымъ (р. 1778 г., † 1817 г.). Отъ этого брака она имѣла двухъ сыновей: князей Ѳедора (р. 1802 г., † 1827 г.) и Петра (р. 1811 г.) Александровичей, и трехъ дочерей: Софію (р. 1800 г., † 1824 г.; за П. А. Обрѣзковымъ), Екатерину († 1892 г.; за Д. П. Свербеевымъ) и Анну (за А. П. Елагинымъ). Скончалась княгиня В. П. Щербатова 11 Января 1843 года и похоронена, вмѣстѣ съ мужемъ, въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Княгиня Варвара Петровна Щербатова принадлежала къ семьѣ Оболенскихъ, упоминаемой княземъ П. А. Вяземскимъ, какъ образецъ Московскаго семейства стараго быта. Ту же, извѣстную всей Москвѣ, патріархальность, тѣ же чисто русскія вѣрованія и убѣжденія, простоту и чистоту семейной жизни, въ которыхъ она была воспитана въ домѣ отца, перенесла она и въ скромную деревенскую жизнь, избранную ею послѣ смерти мужа. По словамъ ея зятя, Д. П. Свербеева, это была, въ полномъ смыслѣ этого слова, честная, прямая и благородная женщина.

(Съ портрета Тончи; собственность князя П. В. Голицына, въ С.-Петербургѣ.)

220

La princesse VARVARA PÉTROWNA CHTCHERBATOFF, 1774—1843, fille du prince Pierre Alexandrowitch Obolensky (1742—1822), et de la princesse Catherine Andréewna Viazemsky (1741—1811), naquit le 14 janvier 1774; elle était nièce du prince P. Viazemsky, connu comme poète. Elle épousa le prince Alexandre Féodorowitch Chtcherbatoff (1778—1817), écuyer, dont elle eut deux fils, Théodore (1802—1827) et Pierre (né 1811), et trois filles, Sophie (1800—1824), mariée à P. Obreskoff, Catherine († 1892) à D. Sverbéeff et Anne à A. Elaguine. Elle mourut le 11 janvier 1843, et fut inhumée aux côtés de son mari, au monastère Novodévitchi, à Moscou.

La princesse Chtcherbatoff était de la famille Obolensky, citée par le prince P. Viazemsky comme un type d'intérieur moscovite de vieille souche. Même allure patriarcale connue dans tout Moscou, mêmes croyances et convictions purement russes, même simplicité, même pureté de vie familiale, dans lesquelles elle avait été élevée chez ses parents, la suivirent dans la modeste retraite campagnarde où elle se confina après son veuvage. C'était bien dans toute la force des termes, dit son gendre Sverbéeff, un modèle de probité, de droiture, de noblesse de sentiments.

(D'après un original de Tonci, appartenant au prince N. Golitzyne, St-Pétersbourg.)

ДАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА ПОТЕМКИНА, 1704—1780, рожденная Кондырева, мать свѣтлѣйшаго князя Таврриды, происходила изъ рода Кондыревыхъ и въ первомъ бракѣ была за старикомъ помѣщикомъ Скуратовымъ. Рано овдовѣвъ, она продолжала жить у родныхъ мужа въ селѣ Большомъ Скуратовѣ, на Кіевской дорогѣ. Случайно увидѣвшій ее старый ветеранъ Петровскихъ войнъ, отставной подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ (р. 1673 г., † 1746 г.), плѣнился двадцатилѣтней красивой и бездѣтной вдовой и женился на ней, скрывъ отъ нея, что у него была законная жена, проживавшая въ его Смоленской деревнѣ. Обманъ открылся послѣ свадьбы, когда Дарія Васильевна была уже беременна. Въ ужасѣ и отчаяніи она потребовала свиданія съ законною женою мужа и своими слезами тронула эту добрую и уже пожилую женщину, къ тому же несчастную въ супружествѣ: она приняла постриженіе и этимъ узаконила второй бракъ мужа. Но и Дарія Васильевна не нашла себѣ счастья съ мужемъ, бывшимъ на 30 лѣтъ ея старше, державшимъ ее почти взаперти и доведшимъ своимъ тяжелымъ характеромъ, деспотизмомъ и ревностью почти до слабоумія. Первыми дѣтьми ихъ были дочери, Елена и Марія. Въ третій разъ беременная, Потемкина увидала вѣщій сонъ: прямо съ неба на нее катилось солнце, и она въ испугѣ проснулась; скоро послѣ этого, 13 Сентября 1739 г., у нея родился сынъ Григорій. Рожденіе сына почему-то возбудило въ старикѣ Потемкинѣ подозрѣніе въ его незаконности, и положеніе его забитой жены еще ухудшилось. Защитникомъ ея явился двоюродный братъ ея мужа, Григорій Матвѣевичъ Козловскій, принявшій родственное участіе въ своемъ крестникѣ, будущемъ свѣтлѣйшемъ, и взявшій его къ себѣ на воспитаніе. Послѣ этого у Потемкиныхъ родилось еще три дочери, но подозрительная ревность старика не унималась, и онъ подалъ даже прошеніе о разводѣ, взятое имъ потомъ обратно. А. В. Потемкинъ умеръ въ 1746 году, и вдова его, оставшаяся съ очень ограниченными средствами, переѣхала съ дочерьми изъ Смоленской глуши въ Москву. Возвышеніе Григорія Александровича Потемкина не замедлило отразиться на судьбѣ его матери. Въ торжество мира съ Турціей, въ 1775 г., Дарія Васильевна была принята въ Москвѣ Императрицей съ отмѣннымъ благоволеніемъ, и ей былъ пожалованъ большой домъ на Пречистенкѣ, съ мебелью изъ комнатъ Государыни. Въ 1776 г. она была пожалована въ статсъ-дамы и получила позволеніе, по преклонности лѣтъ, продолжать жить въ Москвѣ. До конца жизни она продолжала пользоваться благоволеніемъ Екатерины, часто посылавшей ей, иногда при собственноручныхъ письмахъ, подарки, какъ-то: осыпанные брильянтами часы, флакончики и собственной работы табакерку изъ кости, съ портретомъ Ея Величества.

По словамъ помнившаго ее П. Ѳ. Карабанова, Потемкина была очень хороша и умна; свѣтлѣйшій князь Таврическій очень походилъ лицомъ на мать, которую, однако, мало зналъ и не любилъ; въ свою очередь, она была недовольна слухами о его разнузданной жизни и не стѣснялась говорить ему правду въ письмахъ, которыя онъ бросалъ нераспечатанными въ каминъ.

Д. В. Потемкина скончалась въ Іюлѣ 1780 г. отъ камней въ печени; набальзамированное тѣло ея, за невозвращеніемъ отправленнаго къ сыну эстафета, оставалось въ домовой ея церкви и лишь 13 Августа, послѣ торжественнаго отпѣванія у Большого Вознесенія, на Никитской улицѣ, отправлено въ подмосковное село Хорошево, а оттуда уже зимнимъ путемъ перевезено въ Смоленскую губернію.

Изъ дочерей Д. В. Потемкиной четыре были замужемъ: Марія—за тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ, Елена—за полковникомъ Василіемъ Андреевичемъ Энгельгартомъ, Пелагея—за бригадиромъ Петромъ Егоровичемъ Высоцкимъ, Дарія—за А. А. Лихачевымъ и пятая, Надежда, умерла дѣвицею.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ М. Е. Браницкой, м. Бѣлая-Церковь, Кіевской губ.)

DARIA VASSILIEWNA POTEMKINE, 1704—1780, née Kondyreff, mère du prince sérénissime Potemkine de Tauride, était de la famille Kondyreff et avait épousé en premières noces le vieux propriétaire Skouratoff. Veuve de bonne heure, elle resta dans la famille de son mari, à Bolchoïé Skouratovo, sur la route de Kieff, et fut remarquée par hasard par un vétéran des guerres de Pierre-le-Grand, le lieutenant-colonel en retraite Alexandre Vassiliewitch Potemkine (1673—1746), qui s'éprit de cette belle veuve de vingt ans sans enfants et l'épousa, sans révéler qu'il avait une femme légitime, résidant dans ses propriétés de Smolensk. La supercherie ne se découvrit que plus tard, quand la jeune femme était déjà enceinte: hors d'elle et au désespoir, elle tint à voir la première femme de son mari, excellente personne d'un certain âge, d'ailleurs malheureuse en ménage, qui se laissa toucher par ses larmes et prit le voile pour légitimer le second mariage. La jeune femme ne fut pas heureuse non plus avec ce mari de trente ans de plus qu'elle qui la tenait presque cloîtrée et la rendait à demi folle avec son caractère intraitable, son despotisme et sa jalousie. Ils eurent d'abord deux filles, Hélène et Marie. Enceinte une troisième fois, elle eut un songe prophétique: elle vit le soleil se détacher du ciel pour tomber droit sur elle, et se réveilla en sursaut; bientôt après, elle donnait le jour, le 13 septembre 1739, à son fils Grégoire. Cette naissance eut le don d'inspirer des soupçons au père, et la situation de la malheureuse ne fit qu'empirer; elle trouva pourtant consolation près d'un cousin germain de son mari, Grégoire Matvéewitch Kozlowsky, parrain de l'enfant, qui témoigna à son filleul un paternel intérêt et se chargea de son éducation. Potemkine eut encore trois filles, mais sa jalousie tracassière ne diminuait pas, et il alla même jusqu'à faire une instance en divorce, qu'il retira pourtant. A sa mort, en 1746, sa veuve, restée dans une situation matérielle assez précaire, quitta ce coin perdu des environs de Smolensk pour venir à Moscou, où elle ne tarda pas à éprouver les heureux effets de l'élévation de son fils: le jour de la célébration de la paix de 1775 avec la Turquie, elle y fut reçue avec une insigne bienveillance par l'Impératrice, qui lui fit don d'une maison considérable sur la Prétchistenka, avec un mobilier pris dans ses propres appartements. Dame d'honneur l'année suivante, elle reçut l'autorisation de rester à Moscou, en raison de son grand âge. Elle ne cessa jamais d'être l'objet de toute la bienveillance de Catherine II, qui lui envoya, souvent avec lettres de sa main, de nombreux présents, une montre enrichie de brillants, des flacons et une tabatière d'ivoire de sa façon ornée de son portrait.

P. Karabanoff, qui connut personnellement Mme Potemkine, lui trouve un physique charmant et de l'esprit. Le Sérénissime, qui ressemblait beaucoup à sa mère, ne la connut pourtant guère et ne l'aimait pas: de son côté, elle était indignée de ses débordements et ne craignit pas de le lui dire dans des lettres qu'il jetait au feu sans les ouvrir.

Mme Potemkine mourut de calculs du foie en juillet 1780; son corps fut embaumé et dut attendre longtemps dans la chapelle de sa maison le retour du courrier envoyé à son fils. Le 13 août seulement, après un service solennel à la Grande Eglise de l'Ascension, sur la Nikitzkaïa, il fut déposé au bourg de Khorochévo, près Moscou, pour être transporté l'hiver suivant en traîneau au gouvernement de Smolensk.

Des filles de Mme Potemkine, quatre furent mariées, Marie, au conseiller privé Nicolas Borissowitch Samoïloff, Hélène, au colonel Basile Andréewitch Engelhardt, Pélagie, au brigadier Pierre Egorowitch Wysocki, et Daria, à A. Likhatcheff; la cinquième, Nadejda, mourut sans alliance.

(D'après un original appartenant à la comtesse M. Branicki, Bélaïa Tzerkov, gouv. de Kieff.)

МАРІЯ ВАСИЛЬЕВНА ОЛЕШЕВА, 1743—18.., рожденная Суворова, сестра генералиссимуса князя Суворова-Рымникскаго, родилась въ 1743 году и была старшею изъ двухъ дочерей генералъ-аншефа Василія Ивановича Суворова (р. 1705 г., † 1775 г.), отъ брака его съ Авдотьей Феодосьевной Мануковой († до 1760 г.). Была замужемъ за богатымъ Вологодскимъ помѣщикомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, первымъ губернскимъ предводителемъ Вологодскаго дворянства, Алексѣемъ Васильевичемъ Олешевымъ (р. 1724 г., † 1788 г.), женившимся на ней вторымъ бракомъ, послѣ смерти своей первой жены. Это былъ человѣкъ весьма образованный, начитанный, извѣстный своими литературными трудами по разнымъ философскимъ вопросамъ и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ губерніи. Олешевы проживали въ богатѣйшемъ имѣніи Алексѣя Васильевича, селѣ Ермасово или Ермолово, близъ Вологды, отличались гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ и были окружены, по словамъ одного современника ихъ, „избраннѣйшими увеселеніями, посреди сельской жизни“. Въ этомъ имѣніи навѣщалъ ихъ знаменитый Суворовъ съ сыномъ Аркадіемъ, тогда еще несовершеннолѣтнимъ; къ нимъ заѣзжала также и гостила у нихъ со 2 по 6 Іюня 1799 г., по пути на богомолье въ Тотьму, и покинутая жена фельдмаршала, княгиня Варвара Ивановна Суворова. Единственный сынъ Олешевыхъ, Василій Алексѣевичъ (р. 1765 г., † 1830 г.), умеръ бездѣтнымъ, и роскошно устроенное имѣніе ихъ перешло къ сыну младшей сестры Маріи Васильевны, Анны, князю Андрею Ивановичу Горчакову.

Біографическія свѣдѣнія о Маріи Васильевнѣ Олешевой до того скудны, что неизвѣстенъ даже годъ ея смерти; извѣстно лишь, что она пережила своего супруга, похороненнаго въ Петербургѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, при чемъ на памятникѣ его вырѣзана слѣдующая надпись: „Сіе изъ мрамора и металла надгробіе положили: оставшаяся по немъ вторая жена и рожденный отъ нея сынъ его, неутѣшно сѣтующіе о разлученіи съ нимъ и горестно оплакивающіе его кончину“.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE VASSILIEWNA OLÉCHEFF, 1743—18.., née Souvoroff, sœur du grand Souvoroff, naquit en 1743, l'aînée des deux filles du général en chef Basile Ivanowitch Souvoroff (1705—1775) et d'Eudoxie Féodosiewna, née Manoukoff († avant 1760). Elle épousa un veuf, riche propriétaire de Vologda, conseiller d'état actuel et premier maréchal de la noblesse du gouvernement de Vologda, Alexis Vassiliewitch Olécheff (1724—1788); c'était un homme d'une bonne instruction, avec des lectures et tout un passé de travaux littéraires sur diverses questions de philosophie, jouissant enfin de l'estime de tout son gouvernement. Fixés, sa femme et lui, dans sa somptueuse propriété d'Ermassovo ou Ermolovo, près Vologda, ils y donnaient des réceptions, entourés, dit un contemporain, „au milieu de la vie de campagne, des distractions les plus raffinées". Ils y reçurent la visite du grand Souvoroff avec son fils, Arcade, alors enfant, et, du 2 au 6 juin 1799, celle de sa femme, abandonnée par lui, la princesse Varvara Ivanowna Souvoroff, en route pour le pélerinage de Totma. Leur fils unique, Basile (1765—1830), mourut sans postérité, et leur splendide propriété passa au fils de la sœur cadette, Anne, de Mme Olécheff, le prince André Ivanowitch Gortchakoff.

On connaît si peu de chose de la vie de Mme Olécheff, qu'on ignore même la date de sa mort; on sait seulement qu'elle survécut à son mari, inhumé à Pétersbourg, au cimetière St-Lazare du monastère d'Alexandre Newsky, et dont la tombe porte l'épitaphe: „Monument de marbre et de métal élevé par sa seconde femme restée veuve et leur fils, inconsolables de sa perte et profondément éplorés".

(D'après un original ayant appartenu au prince V. Obolensky-Nélédinsky-Méletzky, St-Pétersbourg.)

АНДРЕЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВСЕВОЛОЖСКІЙ, 17..—1774, сынъ майора Алексѣя Степановича отъ перваго брака, потомокъ брата нареченной невѣсты Царя Алексѣя Михаиловича, былъ Пензенскимъ воеводой и трагически погибъ во время Пугачевскаго бунта (въ началѣ Августа 1774 г.). Пушкинъ въ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“ такъ разсказываетъ о его смерти: „Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ и пали передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами“. Совсѣмъ иначе изображаетъ поведеніе А. А. Всеволожскаго новѣйшій историкъ Пугачевскаго бунта П. Ѳ. Дубровинъ: „За нѣсколько дней до прихода Пугачева Всеволожскій бѣжалъ изъ Пензы и скрылся у одного помѣщика, гдѣ и былъ схваченъ пугачевцами; его повезли въ Пензу, но по дорогѣ, въ деревнѣ Скочкахъ, сожгли живымъ, вмѣстѣ съ его товарищемъ и двумя офицерами“.

А. А. Всеволожскій былъ женатъ на Маріи Ивановнѣ Нечаевой и имѣлъ 3 сыновей: Алексѣя, Николая и Всеволода (дѣйствительный камергеръ, р. 1769 г., † 1836 г.), и 2 дочерей, изъ коихъ одна (Елизавета) была за Пущинымъ, а другая за Вишняковымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

ANDRÉ ALEXÉEWITCH VSÉVOLOJSKY, 17..—1774, fils d'un premier mariage du major Alexis Stépanowitch Vsévolojsky, descendant du frère de la fiancée du Tzar Alexis Mikhaïlowitch, fut voïévode de Penza et périt tragiquement lors de l'insurrection de Pougatcheff, au commencement d'août 1774. Pouchkine fait de cette mort le récit suivant dans son Histoire de l'insurrection de Pougatcheff: „Pougatcheff était à proximité de Penza. Le voïévode Vsévolojsky tint quelque temps la populace en respect pour permettre aux nobles de se sauver. Pougatcheff arriva devant la ville. Les habitants vinrent au devant de lui avec les images saintes et le pain, et tombèrent à genoux devant lui. Pougatcheff entra à Penza. Vsévolojsky, abandonné par la garnison, s'enferma chez lui avec douze nobles et résolut de se défendre. Le feu fut mis à la maison, et le brave Vsévolojsky périt avec ses camarades". Toute autre est la version de Doubrovine, le nouvel historien de l'insurrection de Pougatcheff: „Quelques jours avant l'arrivée de Pougatcheff, Vsévolojsky s'enfuit de Penza et se réfugia chez un propriétaire des environs. Découvert par les insurgés, il fut dirigé sur la ville, mais en route, au village de Skotchki, on le brûla vif avec un camarade et deux officiers".

Vsévolojsky avait épousé Marie Ivanowna Nétchaeff, dont il eut trois fils, Alexis, Nicolas et Vsévolode (1769—1836), chambellan actuel, et deux filles, l'une, Elisabeth, mariée à Pouchtchine, l'autre à Vichniakoff.

(D'après un original appartenant à A. Vsévolojsky, Moscou.)

СЕРГѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВСЕВОЛОЖСКІЙ, 17..—1822, сынъ майора Алексѣя Степановича (р. 1703 г.), отъ второго его брака съ Маріей Ивановной Овцыной; въ 1762 г., будучи прапорщикомъ Измайловскаго полка, способствовалъ восшествію на престолъ Екатерины II. Въ 1763 г. онъ былъ опредѣленъ въ Сенатъ исправлять должность секретаря, въ 1765 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и генералъ-поручикомъ.

29 Іюля 1771 г. Всеволожскій женился на фрейлинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Зиновьевой (р. 1751 г., † 1836 г.). Отъ этого брака у него было 2 сына, Николай (р. 1772 г., † 1857 г.) и Всеволодъ, и 2 дочери, Софія (р. 1775 г., † 1848 г.), за княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ, и Анна († 1838 г.), за княземъ Иваномъ Александровичемъ Голицынымъ.

Въ письмѣ отъ 22 Ноября 1821 г. А. Я. Булгаковъ сообщилъ своему брату, что Всеволожскій, „не жившій 29 лѣтъ съ своею женою и ее даже не видавшій лѣтъ съ 10, вдругъ съ нею съѣхался, и увѣряютъ, qu'ils sont comme deux cœurs et que le mari trouve sa femme aussi belle que lors du fameux carrousel donné par Catherine II, je crois, l'année 1766“.

Въ перепискѣ М. С. Бахметевой („Архивъ с. Михайловскаго“) С. А. Всеволожскій часто упоминается, какъ одинъ изъ Московскихъ именитыхъ старожиловъ, посѣщавшій жившаго въ отставкѣ графа Орлова-Чесменскаго и раздѣлявшій спортсменскіе вкусы и удовольствія послѣдняго. Всеволожскій скончался въ 1822 году.

(Съ портрета, принадлежащаго А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

SERGE ALEXÉEWITCH VSÉVOLOJSKY, 17..—1822, fils du major Alexis Stépanowitch Vsévolojsky (né 1703) et de sa seconde femme, Marie Ivanowna Ovtzyne, était porte-enseigne au régiment Izmaïlowsky lors du coup d'état de 1762, auquel il prit part comme partisan de l'Impératrice. Chargé l'année suivante des fonctions de secrétaire au Sénat, gentilhomme de la chambre en 1765, il devint dans la suite chambellan actuel et général lieutenant.

Il épousa le 29 juillet 1771 la demoiselle d'honneur Catherine Andréewna Zinovieff (1751—1836), dont il eut deux fils, Nicolas (1772—1857) et Vsévolode, et deux filles, Sophie (1775—1848), mariée au prince Ivan Serguéewitch Mechtchersky, et Anne († 1838), au prince Ivan Alexandrowitch Golitzyne.

Dans une lettre du 22 novembre 1821, Alexandre Boulgakoff annonce à son frère que Vsévolojsky, „après être resté vingt-neuf ans séparé de sa femme et une dizaine d'années sans la voir du tout, l'a reprise tout à coup; on assure qu'ils sont comme deux cœurs et que le mari trouve sa femme aussi belle que lors du fameux carrousel donné par Catherine II, je crois, l'année 1766".

La correspondance de Mme M. Bakhméteff (Archive du bourg de Mikhaïlowskoïé) fait souvent mention de Serge Vsévolojsky comme d'un notable moscovite de souche, et le représente visitant le comte Orloff-Tchesmensky dans sa retraite et partageant ses goûts sportifs et ses plaisirs.

(D'après un original appartenant à A. Vsévolojsky, Moscou.)

Князь **АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1775—1834, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (р. 1716 г., † 1792 г.), отъ его третьяго брака, родился 14 Мая 1775 г. (по надгробной надписи) и началъ службу въ гвардіи, гдѣ въ 1791 г. былъ прапорщикомъ; въ 1795 г. переведенъ въ армію премьеръ-майоромъ, въ 1798 г. пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и въ 1799 г. произведенъ въ полковники; 6 Іюля 1803 г., переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, перешелъ въ гражданскую службу и былъ прокуроромъ капитула Мальтійскаго ордена. Въ 1808 г. былъ назначенъ Симбирскимъ губернаторомъ, гдѣ проявилъ усердную дѣятельность, особенно по организаціи ополченій въ 1812 году; 17 Мая 1815 г. переведенъ губернаторомъ въ Москву, въ слѣдующемъ году произведенъ въ тайные совѣтники, а 26 Мая 1817 г. назначенъ сенаторомъ. Въ 1824 г. князь Долгорукій ревизовалъ Вятскую губернію, въ 1826 г.— губерніи Воронежскую, Курскую, Пензенскую и Симбирскую, при чемъ ему поручено было изслѣдовать причины частаго побѣга крѣпостныхъ крестьянъ. За исполненіе этого порученія онъ получилъ бриллiантовые знаки ордена св. Анны 1-й ст.; въ 1827 г., 2 Апрѣля,—Александровскую ленту и 27 Апрѣля того же года назначенъ товарищемъ министра Юстиціи; черезъ три дня ему повелѣно, „по случаю тяжкой болѣзни“ князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго, „вступить въ права и обязанности министра Юстиціи“. 18 Октября князь Лобановъ, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и болѣзни, былъ уволенъ по просьбѣ отъ должности министра, и управленіе министерствомъ попрежнему оставлено за Долгорукимъ „впредь до особаго назначенія“. Произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, онъ 20 Сентября 1829 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ прежней должности.

Умеръ князь А. А. Долгорукій 11 Августа 1834 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дочери С.-Петербургскаго именитаго гражданина Маргаритѣ Ивановнѣ Апайщиковой, отъ которой имѣлъ 4 сыновей: Ростислава († 1849 г.), Юрія, Сергѣя и Григорія, и во второй разъ на Варварѣ Николаевнѣ Текутьевой (статсъ-дама). Отъ 2 брака у него было 3 сына: Алексѣй, Николай и Дмитрій.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю П. С. Долгорукому, С.-Петербургъ.)

Le prince ALEXIS ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY, 1775—1834, fils du prince Alexis Alexéewitch (1716—1792) et de sa troisième femme, naquit le 14 mai 1775, comme l'indique son monument funéraire, et entra au service dans la Garde, où il était porte-enseigne en 1791; en 1795, il passa dans l'Armée comme premier-major, en 1798, reçut l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem et, en 1799, fut promu colonel. Le 6 juillet 1803, il échangea son grade contre le rang de conseiller d'état actuel pour passer au service civil, et fut fait procureur du chapitre de l'ordre de Malte. En 1808, il fut nommé gouverneur de Simbirsk, où il déploya un zèle énergique, en particulier lors de l'organisation des milices de 1812; le 17 mai 1815, il passa gouverneur à Moscou, fut, l'année suivante, fait conseiller privé et, le 26 mai 1817, sénateur. En 1824, il fit la revision du gouvernement de Viatka, en 1826, celle des gouvernements de Voronège, Koursk, Penza et Simbirsk: il avait en même temps à rechercher les causes des évasions répétées des serfs; la manière brillante dont il s'acquitta de cette mission lui valut les insignes en diamants de l'ordre de Ste-Anne de 1e classe. En 1827, le 2 avril, il eut le cordon de St-Alexandre et, le 27 suivant, fut nommé adjoint au ministre de la Justice; trois jours plus tard, il était, „en raison de la maladie grave" du prince D. Lobanoff-Rostowsky, „investi des prérogatives et fonctions de ministre de la Justice". Le 18 octobre, le prince Lobanoff, affaibli par l'âge et la maladie, fut relevé, sur sa demande, de son poste de ministre, et Dolgorouky continua à rester à la tête du ministère „jusqu'à nouvel ordre". Promu conseiller privé actuel, il fut nommé au Conseil de l'Empire le 20 septembre 1829 et relevé de ses autres fonctions.

Il mourut le 11 août 1834 et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces Marguerite Ivanowna Apaïchtchikoff, fille d'un notable bourgeois de Pétersbourg, dont il eut quatre fils, Rostislav († 1849), Youri, Serge et Grégoire, et en secondes noces Varvara Nikolaewna Tékoutieff, dame d'honneur, dont il eut trois fils, Alexis, Nicolas et Dmitri.

(D'après une miniature appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

226

Князь ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1763—1829, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (р. 1716 г., † 1792 г.) и его третьей жены Анны Ивановны, племянницъ фаворита Петра II и Княжны-невѣсты.

Князь П. В. Долгорукій разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что князь Алексѣй Алексѣевичъ по смерти своей второй жены вступилъ въ связь съ женой матроса и имѣлъ отъ нея 4 сыновей, въ томъ числѣ Павла и будущаго министра Юстиціи Алексѣя, послѣ же смерти ея мужа женился на ней, при чемъ сыновья были „привѣнчаны“. При этомъ Долгорукій такъ разсказываетъ объ этомъ старорусскомъ обычаѣ: „Lorsque le prêtre, suivant le rit, conduisit les nouveaux époux trois fois autour du lutrin placé au milieu de l'église, les quatre garçons suivaient eur mère, à la robe de laquelle on les avait rattachés par des rubans roses“.

Князь Павелъ Алексѣевичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Степановнѣ Трегубовой и имѣлъ 2 сыновей: Александра (р. 1787 г.) и Владиміра (р. 1794 г., † 1836 г.).

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Н. С. Долгорукому, въ С.-Петербургѣ.)

226

Le prince **PAUL ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY**, 1763—1829, fils du prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky (1716—1792) et de sa troisième femme Anne Ivanowna, et neveu du favori de Pierre II et de la princesse sa fiancée.

Veuf de sa seconde femme, son père, dit dans ses Mémoires le prince P. M. Dolgorouky, aurait contracté une liaison avec la femme d'un matelot, qui lui donna quatre fils, dont Paul et le futur ministre de la justice, Alexis, et qui, devenue veuve, l'épousa, les enfants étant „associés à l'union", selon la vieille coutume russe, décrite ainsi par le narrateur: „Lorsque le prêtre, suivant le rit, conduisit les nouveaux époux trois fois autour du lutrin placé au milieu de l'église, les quatre garçons suivaient leur mère, à la robe de laquelle on les avait rattachés par des rubans roses".

Le prince Paul Dolgorouky épousa Catherine Stépanowna Trégouboff, dont il eut deux fils, Alexandre (né 1787) et Vladimir (1794—1836).

(D'après une miniature appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

Князь **НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ**, 1713—1790, второй сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Верховнаго Тайнаго Совѣта князя Алексѣя Григорьевича († 1734 г.), отъ брака съ княжной Прасковьей Юрьевной Хилковой († 1730 г.), братъ фаворита Петра II, родился въ Январѣ 1713 г.; въ 1724 г. записанъ въ придворную службу, въ 1727 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1728 г.—въ камергеры и въ 1730 г.—въ капитаны Преображенскаго полка. Когда, по воцареніи Анны Іоанновны, послѣдовало паденіе Долгорукихъ, князь Николай Алексѣевичъ былъ сосланъ съ остальными членами семьи въ Березовъ, гдѣ вскорѣ лишился родителей. Годы ссылки онъ посвятилъ ученію: иконописецъ Тобольскаго архіерейскаго дома обучалъ его русской грамотѣ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи, а, судя по сохранившимся его учебнымъ тетрадямъ, у кого-то учился онъ и французскому языку. Въ концѣ царствованія Анны Іоанновны на Долгорукихъ вновь посыпались удары судьбы: по доносу на „вредительныя и злыя слова“ бывшаго фаворита возникло новое дѣло. Долгорукихъ въ 1739 г. увезли сначала въ Тобольскъ, потомъ въ Шлиссельбургъ и, наконецъ, въ Новгородъ. Слѣдствіе сопровождалось, по обыкновенію, жестокими пытками. Князь Николай выказалъ себя наиболѣе смѣлымъ изъ Долгорукихъ и все требовалъ, чтобы обвиненнымъ показанъ былъ подлинный указъ Императрицы. Четверо Долгорукихъ были казнены, а князь Николай Алексѣевичъ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ, урѣзанію языка и ссылкѣ въ Охотскъ на вѣчную работу; 19 Ноября 1740 г. приговоръ по отношенію къ нему былъ приведенъ въ исполненіе въ Тобольскѣ, а черезъ нѣсколько дней получень былъ указъ Императора Іоанна Антоновича отъ 23 Октября, которымъ повелѣвалось „для помиловенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти великой Государыни Императрицы Анны Іоанновны“ ограничиться только ссылкой князя Николая въ каторжныя работы въ Охотскъ. Однако, онъ былъ сосланъ не въ Охотскъ, а въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ, по воцареніи Елисаветы Петровны, возвращенъ. Въ 1742 г. Долгорукимъ возвращены были конфискованныя имѣнія.

Князь Николай Алексѣевичъ поступилъ на военную службу и вышелъ въ отставку, дослужившись до чина бригадира. Онъ скончался 3 Декабря 1790 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Женатъ онъ былъ дважды: на княжнѣ Натальѣ Сергѣевнѣ Голицыной (р. 1715 г., † 1755 г.) и на Аннѣ Александровнѣ Бредихиной (р. 1735 г., † 1808 г.). Отъ перваго брака у него былъ сынъ Алексѣй (р. 1750 г., † 1816 г.; генералъ-лейтенантъ) и 2 дочери: Анастасія († 1810 г.; въ замужствѣ за княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ) и Елена (р. 1754 г., † 1831 г.; за Павломъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ), а отъ второго брака—сынъ Александръ (р. 1757 г., † 1842 г.) и 4 дочери: Прасковія (р. 1759 г.; за Дмитріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ), Елизавета (р. 1761 г., † 1778 г.), Анна († 1815 г.; за Николаемъ Никитичемъ Спечинскимъ) и Варвара (р. 1769 г., † 1849 г.).

(Съ миніатюры, принадлежащей князю Н. С. Долгорукому, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince NICOLAS ALEXÉEWITCH DOLGOROUKY, 1713—1790, deuxième fils du prince Alexis Grigoriewitch Dolgorouky († 1734), conseiller privé actuel, membre du Haut Conseil Privé, et de la princesse Prascovie Yourievna, née Khilkoff († 1730), frère du favori de Pierre II, naquit en janvier 1713. Entré au service de la Cour en 1724, il devint en 1727 gentilhomme de la chambre, en 1728 chambellan, et en 1730 capitaine au régiment Préobragensky. L'avènement de l'Impératrice Anne entraîna la disgrâce de sa famille, dont il alla partager l'exil à Bérézoff. Orphelin de père et de mère peu après, il consacra à l'étude ses années de retraite forcée: le peintre d'images saintes de l'archevêché de Tobolsk lui donna des leçons de russe, de calcul, d'histoire et de géographie, et les cahiers qu'il a laissés montrent qu'il put faire aussi du français. A la mort de l'Impératrice Anne, nouveaux coups du sort: dénoncé comme coupable de „médisance et de mauvais propos", l'ancien favori fut derechef mis en accusation. Transféré en 1739 d'abord à Tobolsk, puis à Schlusselbourg et enfin à Novgorod, il était en même temps l'objet d'une instruction qui comportait, comme il était d'usage à l'époque, une cruelle mise à la question. De toute la famille, il fut le seul à avoir la hardiesse de demander avec instance à voir l'oukaze authentique de l'Impératrice. Quatre des accusés furent mis à mort, et lui-même fut condamné au knout, à la section de la langue et aux travaux forcés à perpétuité à Okhotsk: le 19 novembre 1740, l'arrêt était exécuté à Tobolsk, et quelques jours plus tard arrivait un oukaze de l'Empereur Ivan Antonowitch en date du 23 octobre réduisant la peine, „en mémoire de la bienheureuse et à jamais vénérée Impératrice Anne Ioannowna", aux travaux forcés à Okhotsk. Pourtant le prince fut déporté, non pas à Okhotsk, mais au monastère de Solovetzk. Il fut d'ailleurs gracié peu après, à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, et, en 1742, rentra en possession de ses biens confisqués. Admis ensuite au service comme officier, il prit sa retraite brigadier. Il mourut le 3 décembre 1790, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Le prince Dolgorouky avait épousé la princesse Natalie Serguéewna Golitzyne (1715—1755) et en secondes noces Anne Alexandrowna Brédikhine (1733—1808). Il eut du premier mariage un fils, Alexis (1750—1816), général lieutenant, et deux filles, Anastasie († 1810), mariée au prince Grégoire Alexéewitch Chtcherbatoff, et Hélène (1754—1831), à Paul Matvéewitch Rjewsky, et du second mariage un fils, Alexandre (1757—1842), et quatre filles, Prascovie (née 1759), mariée à Dmitri Ivanowitch Narychkine, Elisabeth (1761—1778), Anne († 1815), mariée à Nicolas Nikititch Spétchinsky, et Varvara (1769—1849).

(D'après une miniature appartenant au prince N. Dolgorouky, St-Pétersbourg.)

Князь **АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ**, 1778—1817, сынъ генералъ-поручика князя Ѳедора Ѳедоровича, отъ второго его брака съ княжной Анной Григорьевной Мещерской, сводный братъ жены фаворита Екатерины II графа А. М. Дмитріева-Мамонова, Даріи Ѳедоровны, родился 13 Іюля 1778 года. Отецъ его съ 1774 г., вслѣдствіе своихъ неудачныхъ дѣйствій при подавленіи Пугачевскаго бунта, былъ въ опалѣ, а вскорѣ и сестра его вызвала гнѣвъ Императрицы своими отношеніями къ ея фавориту. За то молодому князю А. Ѳ. Щербатову удалось пріобрѣсти милость Павла I: въ 1798 г. онъ, 20 лѣтъ отъ роду, былъ пожалованъ въ командоры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, изъ подполковниковъ Кирасирскаго графа Салтыкова полка переведенъ полковникомъ въ Конную гвардію, вскорѣ произведенъ въ генералъ-майоры и черезъ годъ (7 Мая 1799 г.) пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Государю даже пришлось принять участіе и въ семейныхъ дѣлахъ своего генералъ-адъютанта. Отношенія послѣдняго къ своей матери, женщинѣ суровой и властолюбивой, обострились (вѣроятно, вслѣдствіе брака князя противъ воли матери) настолько, что она прокляла его. Князь пожаловался на мать Государю. Павелъ I написалъ княгинѣ сначала увѣщательное письмо, а затѣмъ отправилъ къ ней сына, но она вторично предала его проклятію. Только послѣ того, какъ Государь пригрозилъ ей монастыремъ, если она не проститъ сына, княгиня не только простила его, но и, „яко мать, благословила“. Милость Павла I была по обыкновенію непродолжительна: 23 Марта 1800 г. Щербатовъ былъ отставленъ отъ службы „за побитіе почтальона и взятіе 12 лошадей вмѣсто 6“. Въ концѣ Марта 1801 г., уже послѣ кончины Павла I, онъ былъ вновь принятъ на службу и послѣдніе годы своей жизни былъ шталмейстеромъ, директоромъ Дворцовыхъ конныхъ заводовъ и предсѣдателемъ Конной экспедиціи. Скончался онъ 30 Апрѣля 1817 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Князь П. А. Вяземскій характеризуетъ его, какъ человѣка блестящаго, свѣтскаго и живого.

Князь А. Ѳ. Щербатовъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Оболенской (р. 1774 г., † 1843 г.). Они обвѣнчались тайно, потому что княгиня А. Г. Щербатова была противъ ихъ брака, и только черезъ нѣсколько лѣтъ мать простила сына и приняла невѣстку. Князь Щербатовъ имѣлъ 2 сыновей: Ѳедора (р. 1802 г., † 1827 г.) и Петра (р. 1811 г.), и 3 дочерей: Софію (р. 1800 г., † 1824 г.; въ замужствѣ за Петромъ Александровичемъ Обрѣзковымъ), Екатерину († 1892 г.; за Дмитріемъ Николаевичемъ Свербеевымъ) и Анну (за Александромъ Николаевичемъ Елагинымъ).

(Съ портрета Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

Le prince ALEXANDRE FÉODOROWITCH CHTCHERBATOFF, 1778—1817, fils du prince Théodore Féodorowitch Chtcherbatoff, général lieutenant, et de sa seconde femme, la princesse Anne Alexandrowna Mechtchersky, et frère consanguin de la princesse Daria Féodorowna Chtcherbatoff, femme du comte Dmitrieff-Mamonoff, le favori de Catherine II, naquit le 15 juillet 1778. Son père était en disgrâce depuis 1774 à la suite de ses opérations malheureuses contre Pougatcheff, et bientôt ce fut sa sœur qui encourut la colère de l'Impératrice pour son intrigue avec le favori. Mais aussi le prince put se concilier la faveur de Paul Ier: en 1798, à 20 ans, il était commandeur de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, puis, lieutenant-colonel aux cuirassiers du comte Saltykoff, passait colonel à la Garde à cheval, était promu en peu de temps général major, et, au bout d'un an, fait le 7 mai 1799 général aide de camp. L'Empereur eut même à intervenir dans les affaires de famille de son aide de camp, dont les rapports avec sa mère, femme revêche et dominatrice, s'étaient aigris par suite sans doute d'un mariage conclu contre son gré, au point qu'elle finit par lui donner sa malédiction. Sur une plainte du jeune prince, Paul Ier écrivit à la mère une lettre conciliante, puis lui envoya son fils, auquel elle renouvela sa malédiction, et ce ne fut que quand l'Empereur la menaça du cloître que non seulement elle pardonna, mais encore donna „sa bénédiction de mère". La faveur de Paul, comme toujours, ne fut pas de longue durée: le 23 mars 1800, Chtcherbatoff était destitué „pour avoir battu un maître de poste et pris douze chevaux au lieu de six". Il ne reprit du service qu'après la mort de Paul, à la fin de mars 1801, et fut, les dernières années de sa vie, écuyer, directeur des haras du service des Palais et président des bureaux des haras. Il mourut le 30 avril 1817, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou. Le prince P. Viazemsky le représente comme un homme brillant, mondain et plein de vivacité.

Le prince Chtcherbatoff avait épousé la princesse Varvara Pétrowna Obolensky (1774—1843). Le mariage fut célébré secrètement, car il était contraire à la volonté de la princesse Chtcherbatoff, qui ne pardonna et ne consentit à voir sa bru qu'au bout de plusieurs années. De cette union naquirent deux fils, Théodore (1802—1827) et Pierre (né 1811), et trois filles, Sophie (1800—1824), mariée à Pierre Alexandrowitch Obreskoff, Catherine († 1892) à Dmitri Nikolaewitch Sverbéeff, et Anne à Alexandre Nikolaewitch Elaguine.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Князь АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ, 1769—1817, сынъ генералъ-поручика князя Ивана Романовича (р. 1716 г., † 1801 г.), отъ брака его съ Анной Васильевной Суворовой (р. 1744 г., † 1813 г.), сестрой генералиссимуса, родился 20 Мая 1769 г. и 10 лѣтъ былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Поступивъ на дѣйствительную службу, онъ участвовалъ, подъ начальствомъ своего знаменитаго дяди, во многихъ его походахъ. Когда въ 1794 г. Суворовъ, послѣ взятія Варшавы, получилъ чинъ фельдмаршала, то племянникъ былъ посланъ къ нему съ грамотой и жезломъ. Горчаковъ пользовался также покровительствомъ Потемкина. Карабановъ, со словъ П. П. Архарова, разсказываетъ, что, когда начался „случай“ Зубова, Потемкинъ сдѣлалъ попытку замѣнить его своимъ ставленникомъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ расхваливать передъ Государыней своего адъютанта Горчакова. Екатерина II пожелала его увидѣть. Потемкинъ прислалъ его съ картиной. Государыня, разсмотрѣвъ со вниманіемъ, сказала: „Картина не дурна, но не имѣетъ экспрессіи“.... При Павлѣ I Горчаковъ былъ уже въ чинѣ генералъ-майора, а при Александрѣ I, въ Октябрѣ 1811 г., будучи въ чинѣ генералъ-лейтенанта, назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи для окончанія старыхъ дѣлъ военнаго вѣдомства и въ Февралѣ 1812 г. — членомъ Военнаго совѣта. Высочайшимъ указомъ отъ 22 Марта 1812 г. Горчакову, какъ старшему генералу въ составѣ Военнаго министерства, поручено было на случай отсутствія Военнаго министра (Барклая-де-Толли) управленіе Департаментами Военнаго министерства, но безъ права личнаго доклада Государю, а 24 Августа того же года онъ былъ назначенъ управляющимъ Военнымъ министерствомъ. На долю Горчакова выпала трудная задача—обезпечить армію всѣми видами довольствія во время войнъ Отечественной и за освобожденіе Европы, и онъ не сумѣлъ ее исполнить: наша армія не только не была надлежащимъ образомъ обезпечена всѣмъ необходимымъ, но даже иногда голодала. Вскорѣ обнаружились хищенія въ Провіантскомъ вѣдомствѣ, и въ обществѣ стали ходить слухи, что самъ Военный министръ причастенъ къ нимъ; 12 Декабря 1815 г. Александръ I уволилъ Горчакова отъ должности и назначилъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта комиссію для разслѣдованія дѣйствій Провіантскаго департамента. Комиссія обнаружила противозаконные поступки и самого Горчакова: заключеніе подрядовъ безъ торговъ, скрытіе выгоднаго для казны проекта генералъ-провіантмейстера, потворство неисправному подрядчику Коссиковскому и т. п. дѣйствія, причинившія казнѣ большіе убытки. Комиссія закончила свои дѣйствія къ Маю 1818 г., когда Горчакова уже не было въ живыхъ: онъ скончался 12 Ноября 1817 года и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Въ Государственномъ Совѣтѣ большинство членовъ признало Горчакова подлежавшимъ отвѣтственности, но Императоръ Николай I 26 Сентября 1827 г. повелѣлъ дѣло о его личной отвѣтственности, за его смертью, прекратить. По свидѣтельству Вигеля, Горчаковъ во время управленія министерствомъ былъ однимъ изъ „самоважнѣйшихъ лицъ“ въ Петербургѣ. „Человѣкъ добрый“, говоритъ тотъ же Вигель о Горчаковѣ, „весьма простой, который, будучи племянникомъ Суворова, почиталъ обязанностью подражать ему въ странностяхъ и только-что не передразнивалъ его. Хотя и жилъ розно со своей женой, но по ней, будучи племянникомъ Салтыкова, на старика также имѣлъ большое вліяніе. Его канцелярія, свита, любимцы дѣлали, что имъ было угодно, и во всеобщемъ волненіи, видя мутную воду, ловили въ ней, что хотѣли. Самъ князь Горчаковъ у себя гостей не принималъ, а—у сестры своей, графини Хвостовой. У нея начались балы, и домъ ея, куда прежде люди хорошаго тона не ѣздили, сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ“. Рѣзкую характеристику Горчакова дѣлаетъ Ростопчинъ; по его словамъ, онъ „былъ человѣкомъ ничтожнымъ, воображалъ себя красавчикомъ, важничалъ, предоставлялъ всѣ дѣла своему секретарю, проводилъ время въ интригахъ для того, чтобы снискать благоволеніе при дворѣ и подцѣпить какую-нибудь награду. Онъ притворялся подражателемъ своего дяди, генералиссимуса Суворова, держалъ рѣчи солдатамъ, рекрутамъ и больнымъ въ госпиталяхъ“.

Князь А. И. Горчаковъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Юрьевнѣ Долгорукой (р. 1776 г., † 1828 г.) и имѣлъ единственную дочь, Лидію (р. 1807 г., † 1826 г.), бывшую въ замужствѣ за графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

Le prince ALEXIS IVANOWITCH GORTCHAKOFF, 1769—1817, fils du prince Ivan Romanowitch Gortchakoff (1716—1801), général lieutenant, et d'Anne Vassiliewna, née Souvoroff (1744—1813), sœur du grand Souvoroff, naquit le 20 mai 1769, et fut enrôlé à l'âge de 10 ans sergent au régiment Préobragensky. Une fois au service effectif, il fit sous les ordres de son célèbre oncle un grand nombre de ses campagnes, et lorsqu'en 1794 le vainqueur de Varsovie reçut le titre de feld-maréchal, ce fut son neveu qui alla lui en porter le diplôme et le bâton. Gortchakoff fut aussi l'aide de camp favori de Potemkine, qui tenta, dit Karabanoff d'après N. Arkharoff, d'évincer Zouboff à son entrée en cour et se mit à exalter son protégé devant l'Impératrice. Elle demanda à le voir, et il l'envoya lui porter un tableau: elle l'examina attentivement et dit: „Pas mal, le tableau, mais il manque d'expression".... Sous Paul Ier, Gortchakoff était déjà général major, et sous Alexandre Ier, il fut nommé, en octobre 1811, alors général lieutenant, président de la Commission de liquidation des affaires arriérées de l'administration de la guerre et, en février 1812, membre du Conseil Militaire. Par oukaze du 22 mars suivant, il fut, comme le plus ancien général du ministère de la Guerre, chargé, en l'absence de Barclay-de-Tolly, de l'intérim des départements du ministère, mais sans pouvoir aller lui-même au rapport chez Sa Majesté. Gérant du ministère le 24 août suivant, il eut à faire face à la tâche difficile d'assurer les ravitaillements de toute nature pendant la Guerre Patriotique et les campagnes d'Europe, et ne sut pas s'en acquitter: non seulement les approvisionnements laissèrent à désirer, mais les vivres manquèrent même. Des déprédations se firent jour au service des vivres, et le bruit se répandit dans la société que le ministre lui-même n'y était pas étranger; le 12 décembre 1815, il était révoqué, et une commission d'enquête prise au sein du Conseil de l'Empire établit l'illégalité de plusieurs de ses actes, soumissions sans enchères préalables, étouffement d'une combinaison du commissaire général aux vivres avantageuse pour le Trésor, commandes répétées au fournisseur malhonnête Kossikowsky, et autres mesures des plus préjudiciables au Trésor. Quand l'enquête fut close en mai 1818, il n'était déjà plus: il était mort le 12 novembre 1817; il fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. La majorité du Conseil de l'Empire le déclara responsable, mais l'Empereur, en raison de sa mort, fit clore le 26 septembre 1827 l'instruction ouverte contre lui personnellement.

Wiegel représente Gortchakoff à la gérance du ministère comme un des „personnages se donnant le plus d'importance" de tout Pétersbourg. „Excellent homme", dit-il encore, „tout simple, qui, neveu de Souvoroff, crut bien faire en imitant ses bizarreries, jusque dans les moindres choses. Séparé de sa femme, par laquelle il était neveu de Saltykoff, il avait pourtant un grand ascendant sur le vieux comte. Sa chancellerie, sa suite, ses favoris faisaient tout ce qu'ils voulaient et, au milieu du désarroi général, pêchaient en eau trouble à leur guise. Ses réceptions, il ne les donnait pas chez lui, mais chez sa sœur la comtesse Khvostoff: elle inaugura des bals, et sa maison, jadis désertée par les personnes de bon ton, devint une des premières de Pétersbourg". Rostoptchine est sévère pour Gortchakoff: c'était, dit-il, „une nullité, prenant des airs de bellâtre, se donnant de l'importance, laissant toutes les affaires à son secrétaire, sans cesse occupé à intriguer pour se faire bien voir à la Cour et accrocher quelque distinction. Il contrefaisait son oncle, le grand Souvoroff, avec ses allocutions aux soldats, aux recrues et aux malades dans les hôpitaux militaires".

Le prince Gortchakoff avait épousé la princesse Varvara Youriewna Dolgorouky (1776—1828), dont il eut une fille unique, Lydie (1807—1826), mariée au comte Basile Alexéewitch Bobrinsky.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ДУРНОВО, 1769—1834, сынъ генералъ-аншефа, сенатора Николая Дмитріевича († 1816 г.), родился 14 Февраля 1769 года. Записанный въ дѣтствѣ въ Конную гвардію, онъ въ 1779 г. переведенъ былъ въ Семеновскій полкъ. Въ 1789 г. Дурново принялъ участіе въ Шведской войнѣ. Въ 1792 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, 12 Ноября 1796 г.—въ дѣйствительные камергеры, въ 1798 г. назначенъ гофмаршаломъ, въ 1799 г. пожалованъ въ командоры Мальтійскаго ордена, а въ 1800 г. назначенъ капитаномъ замка при Зимнемъ дворцѣ, съ производствомъ въ тайные совѣтники. 19 Декабря 1801 г. Д. П. Дурново былъ уволенъ отъ должности гофмаршала. Придворная служба Дурново, но только уже въ высшихъ чинахъ, возобновилась въ 1830 г., когда онъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ и президентомъ гофъ-интендантской конторы. Въ томъ же году Дурново былъ выбранъ въ Петербургскіе губернскіе предводители дворянства. Въ 1831 г. онъ получилъ ленту св. Александра Невскаго и скончался въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 11 Декабря 1834 года. Погребенъ Д. П. Дурново въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Маріей Никитичной Демидовой (р. 1776 г., † 1847 г.) у Д. П. Дурново было 4 сына: Николай (генералъ-майоръ, р. 1792 г., † 1828 г.), Никита (р. 1795 г., † 1811 г.), Сергѣй (р. 1796 г., † 1812 г.) и Павелъ (р. 1804 г., † 1864 г.), и дочь Александра (р. 1793 г., † 1795 г.).

(Съ портрета Кюгельхена; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

230

DMITRI NIKOLAEWITCH DOURNOVO, 1769—1834, fils du général en chef et sénateur Nicolas Dmitriewitch Dournovo († 1816), naquit le 14 février 1769. Enrôlé tout enfant à la Garde à cheval, il permuta en 1779 au régiment Sémenowsky. Il fit en 1789 la campagne de Suède. Gentilhomme de la chambre en 1792, chambellan actuel le 12 novembre 1796, il devint maréchal de la Cour en 1798, commandeur de l'ordre de Malte en 1799, et en 1800 commandant du Palais d'Hiver avec rang de conseiller privé. Relevé le 19 décembre 1801 de ses fonctions de maréchal de la Cour, il ne reprit du service à la Cour, mais dans les grandes charges, qu'en 1830, comme grand maître de la Cour et président des bureaux de l'intendance de la Cour. Il fut élu la même année maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg, et reçut l'année suivante le cordon de St-Alexandre Newsky. Il mourut conseiller privé actuel le 11 décembre 1834, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

De son mariage avec Marie Nikititchna Démidoff (1776—1847), Dournovo eut quatre fils, Nicolas (1792—1828), général major, Nikita (1795—1811), Serge (1796—1812) et Paul (1804—1864), et une fille, Alexandrine (1793—1795).

(D'après un original de Kügelchen, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ДУРНОВО, 174.—1816, въ дѣтствѣ (въ 1742 г.) записанъ былъ въ Семеновскій полкъ и служилъ въ немъ до 1762 г., когда произведенъ былъ въ капитанъ-поручики. Въ 1763 г. онъ былъ командированъ для производства слѣдствія по жалобамъ однодворцевъ на Козловскаго воеводу, а въ 1765 г., въ чинѣ капитана, посланъ съ особымъ порученіемъ на Яикъ. Здѣсь бунтовщики-казаки такъ его избили, что онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Черезъ 5 лѣтъ (въ 1770 году) Дурново вновь поступилъ на службу, съ чиномъ бригадира, и былъ назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаромъ, въ слѣдующемъ году перемѣщенъ на должность генералъ-провіантмейстера, а въ 1775 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ. Въ 1783 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и назначенъ сенаторомъ; въ 1791 г. ему было вторично поручено управленіе Кригсъ-комиссаріатомъ. Храповицкій 17 Января 1792 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: „На мѣсто Михайлы Серг. Потемкина, вторично въ генералъ-кригскомиссары опредѣленный явился Николай Дмитріевичъ Дурново и показался безтолковъ". Безтолковость Дурново не помѣшала, однако, Екатеринѣ II наградить его орденомъ св. Владиміра 1-й ст., въ 1793 г., чиномъ генералъ-аншефа, въ 1794 г., и 1828 душами крестьянъ въ Бѣлоруссіи, въ 1796 году.

Павелъ I относился къ Дурново милостиво, но уже въ 1797 г. онъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію. П. Ѳ. Карабановъ по этому поводу разсказываетъ со словъ Михаила Дмитріевича Дурново слѣдующее: „Генералъ-отъ-инфантеріи Николай Дмитріевичъ Дурново безпорочно служилъ при Екатеринѣ и снискалъ ея довѣренность. По дошедшимъ извѣстіямъ о восшествіи на престолъ Павла Петровича поѣхалъ въ Петербургъ; Государь, выхваляя его честность, дозволилъ свободный входъ и приказалъ безъ доклада у него обѣдать. Въ послѣдовавшее время Дурново, сидя за столомъ противъ Императора, который не могъ съ нимъ наговориться довольно, за дессертомъ скаталъ изъ хлѣба два шарика и, отдавая съ лѣвой стороны сидѣвшей Марьѣ Саввишнѣ Перекусихиной, что-то прошепталъ. Дурново не могъ себѣ представить, чтобы отъ сихъ шариковъ зависѣла его участь, но тотчасъ замѣтилъ, что Государь началъ коситься, отворачиваться и пересталъ говорить, потомъ вскорѣ приказалъ проситься въ отставку". Н. Д. Дурново скончался въ 1816 году.

(Съ портрета, принадлежащаго П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS DMITRIEWITCH DOURNOVO, 174.—1816, fut enrôlé tout enfant, en 1742, au régiment Sémenowsky, et y servit jusqu'en 1762, époque où il passa capitaine. Chargé l'année suivante de l'enquête sur une plainte des paysans libres de Kozloff contre leur voïévode, il fut envoyé en 1763, alors capitaine, sur l'Oural avec une mission spéciale: là, les cosaques révoltés le maltraitèrent si fort, qu'il dut prendre sa retraite. Rentré au service cinq ans après, en 1770, avec le grade de brigadier, il fut nommé commissaire supérieur à la guerre, passa l'année suivante commissaire général aux vivres, puis, promu en 1775 général major, fut fait commissaire général à la guerre. Il devint en 1783 général lieutenant et sénateur. En 1791, il fut de nouveau investi de la direction générale du commissariat de la guerre. Khrapovitzky note à ce propos dans son Journal, en date du 17 janvier 1792: „A la place de Michel Serguéewitch Potemkine, on a fait revenir au commissariat général de la guerre Nicolas Dmitriewitch Dournovo, et il n'y entend rien". Il y entendait, paraît-il, assez pour que Catherine II lui conférât successivement St-Vladimir de 1re classe en 1793, le grade de général en chef en 1794, et 1828 têtes de paysans en 1796.

Paul Ier commença par lui accorder sa faveur, mais, dès 1797, l'invita à donner sa démission. Karabanoff rapporte ainsi la chose, d'après le récit de Michel Dournovo: „Le général d'infanterie Nicolas Dournovo avait eu un service irréprochable sous Catherine, dont il avait gagné la confiance. A la nouvelle de l'avènement de Paul Ier, il se rendit à Pétersbourg. L'Empereur, en considération de sa loyauté, lui accorda libre entrée et l'invita à sa table sans formalités. Là, placé en face de S. M., qui n'avait de paroles que pour lui, il fit au dessert deux boulettes de pain, qu'il passa à Marie Savvichna Pérékoussïkhine, sa voisine de gauche, en lui disant quelques mots tout bas. Il ne pouvait se douter qu'il jouait ainsi son avenir, mais s'aperçut tout de suite que l'Empereur se mit à le regarder de travers, se détournant pour ne plus lui parler: il reçut peu après l'injonction de donner sa démission". Dournovo mourut en 1816.

(D'après un original appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

232

МАРІЯ НИКИТИЧНА ДУРНОВО, 1776—1847, младшая дочь статскаго совѣтника Никиты Акинѳіевича Демидова, отъ третьяго его брака съ Александрой Евпхіевной Сафоновой, родилась 2 Іюня 1776 года; была замужемъ за гофмаршаломъ, командоромъ Малтійскаго ордена, позднѣе оберъ-гофмейстеромъ Дмитріемъ Николаевичемъ Дурново (р. 1769 г., † 1834 г.). Она была кавалерственной дамой.

Отъ этого брака у М. Н. Дурново было четыре сына: Николай (генералъ-майоръ, р. 1792 г., † 1828 г.), Никита (р. 1795 г., † 1811 г.), Сергѣй (р. 1796 г., † 1812 г.) и Павелъ (р. 1804 г., † 1864 г.), и одна дочь, Александра (р. 1793 г., † 1795 г.). Умерла М. Н. Дурново 25 Мая 1847 года и похоронена въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

232

MARIE NIKITITCHNA DOURNOVO, 1776—1847, fille cadette du conseiller d'état Nikita Akinfiewitch Démidoff et de sa troisième femme, Alexandrine Evtikhiewna, née Safonoff, naquit le 2 juin 1776. Elle épousa le maréchal de la Cour et commandeur de l'ordre de Malte, plus tard grand maître de la Cour, Dmitri Nikolaewitch Dournovo (1769—1834). Elle fut dame d'honneur.

Mme Dournovo eut de son mariage quatre fils, Nicolas (1792—1828), général major, Nikita (1795—1811), Serge (1796—1812) et Paul (1804—1864), et une fille, Alexandrine (1793—1795). Elle mourut le 25 mai 1847, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

233

НИКОЛАЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ДУРНОВО, 1792—1828, старшій сынъ С.-Петербургскаго предводителя дворянства, оберъ-гофмейстера Дмитрія Николаевича Дурново (р. 1769 г., † 1834 г.), отъ брака его съ Маріей Никитичной Демидовой (р. 1776 г., † 1847 г.). Служилъ въ военной службѣ и окончилъ школу колонновожатыхъ. Въ 1815 г., 30 Августа, состоялся Высочайшій приказъ: „Гвардейскаго Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Дурново назначается флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству".

Н. Д. Дурново одно время состоялъ начальникомъ библіотеки Главнаго штаба, а затѣмъ исполнялъ нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1824 г. онъ осматривалъ военно-сиротскія отдѣленія: Нарвское, Ревельское, Арепсбургское, Перновское, Рижское, Кіевское, Могилевское, Витебское, Смоленское, Псковское и Новгородское. Еще раньше Дурново производилъ слѣдствіе въ 1816 г. по доносу на смотрителя Рижскаго военнаго госпиталя Тихонова. Послѣ окончанія слѣдствія, открывшаго личныя злоупотребленія Тихонова, получился Аракчеевымъ новый доносъ, въ которомъ было написано: „Вы единственный патріотъ нашего любезнаго Отечества и единственный Вы человѣкъ, кого всѣ эти мошенники и грабители государства нашего однихъ только Васъ боятся". Тому же П. Д. Дурново поручено было произвести второе слѣдствіе, въ 1818 году.

Въ 1828 г., 25 Марта, Д. П. Дурново былъ произведенъ въ генералъ-майоры и въ томъ же году, 25 Сентября, былъ убитъ при взятіи Варны. Онъ не былъ женатъ.

(Съ портрета Митуара, принадлежитъ П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS DMITRIEWITCH DOURNOVO, 1792—1828, fils aîné du maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg et grand maître de la Cour Dmitri Nikolaewitch Dournovo (1769—1834) et de Marie Nikititchna, née Démidoff (1776—1847), servit comme officier et passa par l'Ecole des Guides. Un oukaze de S. M. du 30 août 1815 nomma „le capitaine en second de l'Etat-Major général de la Garde Dournovo aide de camp de Sa Majesté".

Quelque temps directeur de la bibliothèque de l'Etat-Major général, Dournovo accomplit ensuite plusieurs missions importantes: il inspecta, par exemple, en 1824 les orphelinats militaires de Narva, Rével, Arensbourg, Pernau, Riga, Kieff, Mohileff, Vitebsk, Smolensk, Pskoff et Novgorod. En 1816, il avait été chargé de l'enquête ouverte à l'hôpital militaire de Novgorod, à la suite d'une dénonciation, contre le surveillant Tikhonoff, et qui révéla effectivement des abus; Araktchéeff reçut peu après une nouvelle dénonciation accompagnée de ces mots: „Vous êtes le seul patriote de notre cher pays, le seul qui soit redouté de tous ces coquins et spoliateurs de l'Etat". La nouvelle enquête fut encore confiée à Dournovo, en 1818.

Promu le 25 mars 1828 général major, Dournovo fut tué le 25 septembre suivant à la prise de Varna. Il n'était pas marié.

(D'après un original de Mitoire, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ДАВЫДОВИЧЪ ПАНЧУЛИДЗЕВЪ, 1762—1834, сынъ имеретинскаго дворянина Давыда Матвѣевича Панчулидзева, бывшаго въ 1782 г. совѣтникомъ Саратовской гражданской палаты, отъ брака его съ крестьянкой Марьей Семеновной. А. Д. Панчулидзевъ до назначенія Саратовскимъ губернаторомъ состоялъ сначала совѣтникомъ Солевозной комиссіи Элтонскаго соляного озера, а затѣмъ Саратовскимъ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ Казенной палаты. Въ 1807 г., послѣ ухода губернатора Бѣлякова, Панчулидзевъ вступилъ въ управленіе губерніей. На первыхъ же порахъ Панчулидзеву пришлось вступить въ борьбу съ чумой, занесенной въ губернію и въ самый Саратовъ изъ Черноярскаго уѣзда. Имъ былъ принятъ рядъ самыхъ энергичныхъ мѣръ, а затѣмъ, когда въ Саратовъ былъ присланъ сенаторъ Козодавлевъ, онъ дѣятельно помогалъ послѣднему. Правда, протоіерей Скопинъ въ своемъ „Дневникѣ“ дѣлаетъ намеки на то, что чумы никакой и не было, правда, на чуму, на сенатора и на губернатора былъ написанъ пасквиль, тѣмъ не менѣе Саратовская администрація получила награды: 24 Апрѣля 1808 г. былъ снятъ карантинъ, а 24 Мая Саратовскимъ губернаторомъ назначенъ Панчулидзевъ. Онъ почти 20 лѣтъ управлялъ губерніей, и надо сказать, что рѣдко какой изъ губернаторовъ пользовался такой популярностью. Саратовъ многимъ обязанъ Панчулидзеву. „Во время столь долговременнаго управленія его губерніею“, пишетъ Леопольдовъ, „много сдѣлано полезнаго для здѣшняго края“. При немъ, по перечисленію того же современника его, присланы были 4 повивальныя бабки изъ С.-Петербурга, осуществлена была мысль объ открытіи въ Саратовѣ дворянскаго училища-гимназіи, при чемъ Панчулидзевъ продалъ подъ гимназію свой собственный домъ, была заведена нѣкоторая чистота въ немощеномъ и грязнѣйшемъ городѣ, 25 Іюня 1810 г. былъ утвержденъ новый планъ города. „Съ тѣхъ поръ, мало-по-малу началъ искореняться въ немъ безпорядокъ безотчетной старины въ строеніяхъ“.... Панчулидзевъ устроилъ въ Саратовѣ пожарную команду, убѣдилъ городское общество построить гостиный дворъ. На свои средства губернаторъ построилъ Ильинскую церковь, недалеко отъ своей дачи (теперь Институтъ) и, наконецъ, построилъ въ память 1812 года величественный, въ излюбленномъ стилѣ Александровскаго царствованія, новый соборъ, на общія пожертвованія. Другой современникъ, Поповъ, пишетъ: „Всѣ саратовцы уважали и любили до высокой степени А. Д. Панчулидзева и его супругу Екатерину Петровну. Онъ имѣлъ характеръ тихій, кроткій; всѣхъ принималъ благосклонно: выслушивалъ просьбы кротко, съ какимъ-то особеннымъ радушіемъ, безъ всякаго строгаго и презрительнаго взгляда. На него каждый смотрѣлъ съ любовью, какъ на отца. Если кто ему приносилъ жалобу на чиновниковъ, то онъ даже выписывалъ послѣднихъ изъ уѣздовъ, требовалъ противу жалобы объясненій лично. Видя раскаяніе чиновника, Панчулидзевъ давалъ ему хорошую нотацію и обязывалъ помириться, принести извиненіе.... Панчулидзевъ жилъ съ большимъ комфортомъ, какъ слѣдуетъ губернатору, особенно въ тогдашнее время. У него при домѣ было собственной крѣпостной прислуги болѣе 100 человѣкъ. Онъ имѣлъ своихъ музыкантовъ и пѣвчихъ, держалъ театръ на свой счетъ. Не проходило дня, чтобы у губернатора не обѣдало 15-20 человѣкъ. Чиновники, прилично образованные и которые щеголевато одѣвались, обязаны были приходить къ обѣденному столу и на балы. Въ канцеляріи губернатора была лучшая служба, и служащіе дорожили ею“. По словамъ желчнаго Вигеля, „своей особой былъ Панчулидзевъ вовсе не любезенъ: малъ ростомъ, блѣденъ, долгоносъ, угрюмъ и молчаливъ“. 26 Ноября 1826 г. Панчулидзевъ былъ уволенъ отъ должности губернатора и поселился на своей дачѣ, а лѣтомъ жилъ въ д. Безсоновкѣ, Саратовскаго уѣзда. Когда въ 1834 г. умеръ Панчулидзевъ, архіерей Іаковъ отпѣвалъ его въ каѳедральномъ соборѣ, и весь Саратовъ провожалъ гробъ до Ильинскаго кладбища. На могилѣ его стоитъ большая часовня, въ Городской думѣ повѣшенъ его портретъ. „И теперь многіе старожилы помнятъ добрыя дѣла Алексѣя Давыдовича“.

А. Д. Панчулидзевъ былъ женатъ 3 раза: 1) на Маріи Александровнѣ Гладковой (р. 1770 г., † 1799 г.), 2) на Аннѣ Сергѣевнѣ Мачеверіани († 1802 г.) и 3) на Екатеринѣ Петровнѣ Демидовой (р. 1782 г., † 1847 г.). Отъ этихъ браковъ было 3 сына: Александръ (р. 1790 г., † 1867 г.; Пензенскій губернаторъ), Дмитрій (р. 1798 г., † 1822 г.) и Алексѣй (р. 1816 г., † 1880 г.; Пензенскій уѣздный предводитель дворянства), и 6 дочерей: Марія (р. 1785 г., † 1845 г.; за А. М. Устиновымъ), Анна (р. 1793 г., † 1815 г.; за Л. Я. Рославлевымъ), Ольга (р. 1802 г., † 1842 г.; за Е. П. Пашковымъ), Варвара (р. 1806 г., † 188 . г.; за П. П. Владыкинымъ), Людмила (р. 1812 г.; дѣвица) и Софія (р. 1817 г.; дѣвица).

(Съ портрета, принадлежащаго С. А. Панчулидзеву, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS DAVYDOWITCH PANTCHOULIDZEFF, 1762—1834, fils d'un noble d'Imérétie, David Matvéewitch Pantchoulidzeff, qui fut en 1782 conseiller au tribunal civil de Saratoff, et d'une paysanne, sa femme, Marie Sémenowna. Avant de devenir gouverneur de Saratoff, il fut d'abord conseiller à la Commission pour le transport du sel du Lac salé d'Elton, puis vice-gouverneur de Saratoff et président des bureaux de gouvernement. En 1807, au départ du gouverneur Béliakoff, il fut chargé de l'intérim de ses fonctions, et se trouva tout d'abord aux prises avec une épidémie de peste qui, venue du district de Tchernoïarsk, éclata dans le gouvernement et dans la ville même de Saratoff, et contre laquelle il prit les mesures les plus énergiques, puis prêta son concours actif au sénateur Kozodavleff envoyé sur les lieux. L'archiprêtre Skopine insinue bien dans son Journal qu'il n'y eut pas la moindre épidémie; aussi bien, il circula un libelle sur la peste, le sénateur et le gouverneur: quoi qu'il en soit, l'administration fut récompensée, la quarantaine levée le 24 avril 1808, et Pantchoulidzeff gouverneur le 24 mai suivant. Il le resta près de vingt ans, et il n'y eut guère, il faut le dire, gouverneur qui connût semblable popularité. Saratoff lui doit beaucoup: „Durant sa longue administration", dit Léopoldoff, „il fit beaucoup de bien au pays". C'est lui, au témoignage du même contemporain, qui fit venir quatre sages-femmes de Pétersbourg, fonder pour la jeunesse noble un collège pour lequel il vendit une maison à lui, enfin nettoyer un peu la ville, non pavée et affreusement sale; il contresigna même le 25 juin 1810 le projet de nouveaux alignements: „Ce fut le début d'une régularisation progressive des constructions désordonnées du temps jadis".... Il inaugura encore un service de pompiers et décida la municipalité à construire un Gostiny Dvor. Il éleva à ses frais l'église St-Elie, non loin de sa villa (aujourd'hui l'Institut), et aussi, par souscription publique, la nouvelle cathédrale en mémoire de 1812, majestueuse, dans le style favori du règne d'Alexandre. „Tout Saratoff", dit un autre contemporain, Popoff, „était pénétré de considération et d'affection pour Pantchoulidzeff et pour sa femme Catherine Pétrowna. D'humeur paisible et calme, il recevait tout le monde avec bienveillance, accueillant les solliciteurs avec une douceur, un empressement tout particuliers, sans prendre d'airs farouches et dédaigneux. Il était aimé comme un père. En cas de plaintes contre un fonctionnaire, il le faisait venir pour s'expliquer lui-même: passait-on condamnation, on recevait une bonne mercuriale, puis il fallait faire amende honorable.... Pantchoulidzeff vivait largement, comme il convient à un gouverneur, surtout dans le temps. Il avait comme gens de maison plus de cent de ses serfs, un orchestre et des chœurs à lui, un théâtre entretenu à ses frais. Il ne se passait pas de jour qu'il ne traitât quinze à vingt personnes. Les fonctionnaires, d'un bon niveau intellectuel et d'une mise recherchée, étaient tenus de venir aux dîners et aux bals. Le service de sa chancellerie était le meilleur, et les titulaires y tenaient". Le fielleux Wiegel le représente comme „entièrement dépourvu d'avantages personnels, petit, pâle, avec un long nez, morose et taciturne". Relevé le 26 novembre 1826 de ses fonctions de gouverneur, il se retira dans sa villa, passant l'été à Bezsonovka, près Saratoff. Lorsqu'il mourut en 1834, les obsèques furent célébrées à la cathédrale par l'archevêque Jacob, et tout Saratoff suivit le cortège au cimetière St-Elie. Une grande chapelle fut élevée sur son tombeau, et son portrait suspendu dans la salle de l'Hôtel-de-Ville. „Aujourd'hui encore bien des vieux habitants gardent la mémoire de ses bonnes œuvres".

Pantchoulidzeff fut marié successivement à Marie Alexandrowna Gladkoff (1770—1799), à Anne Serguéewna Matchévériani († 1802) et à Catherine Pétrowna Démidoff (1782—1847). Il eut de ces trois mariages trois fils, Alexandre (1790—1867), gouverneur de Penza, Dmitri (1798—1822) et Alexis (1816—1880), maréchal de la noblesse du district de Penza, et six filles, Marie (1785—1845), mariée à A. Oustinoff, Anne (1793—1815) à L. Roslavleff, Olga (1802—1842) à E. Pachkoff, Varvara (1806—188.) à P. Vladykine, Ludmila (née 1812) et Sophie (née 1817), toutes deux sans alliance.

(D'après un original appartenant à S. Pantchoulidzeff, St-Pétersbourg.)

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЫЧОВЪ, 1791—1836, сынъ Василія Петровича (р. 1736 г., † 1794 г.), отъ брака съ Дарьей Алексѣевной Тихменевой († 1817 г.), родился 14 Іюля 1791 г., въ Москвѣ. Записанный въ дѣтствѣ вахмистромъ въ Конную гвардію, онъ былъ выключенъ оттуда вмѣстѣ съ другими малолѣтними общимъ указомъ Павла I; въ 1804 г. его опредѣлили въ Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поступилъ въ школу колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева, въ с. Осташовѣ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1811 году. Во время Отечественной войны Колычовъ участвовалъ въ рядѣ дѣлъ; послѣ Бородина онъ служилъ въ партизанскихъ отрядахъ сначала Сеславина, а потомъ Фигнера, который оцѣнилъ его и не разъ давалъ важныя, рискованныя порученія. Въ 1814 г. Колычовъ былъ переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, съ которымъ затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ въ предѣлахъ Франціи, а въ 1815 г.—въ Иркутскій гусарскій, но черезъ 2 года вышелъ въ отставку, съ чиномъ майора. По отзыву Н. Н. Муравьева-Карсскаго, онъ „принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ называютъ отчаянными головами, имѣлъ свѣдѣнія и былъ вѣрный товарищъ". Въ полку и товарищи, и подчиненные любили „милаго гусара-сибарита" и добраго, хотя и горячаго, отца-командира. За годъ до выхода въ отставку Колычовъ женился по любви, по показанію формуляра—на дочери капитанъ-лейтенанта Лочзея (Лочеса), а по свидѣтельству родословной—на крѣпостной дѣвушкѣ матери. Бракъ этотъ вызвалъ такое неудовольствіе Д. А. Колычовой, что сынъ боялся показаться на глаза матери. Въ концѣ 1817 г. она тяжко заболѣла и пожелала видѣть сына. Послѣ ея смерти онъ вступилъ во владѣніе ея большимъ состояніемъ. Первые годы Колычовъ жилъ то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, но вскорѣ окончательно уединился въ своемъ Саратовскомъ имѣніи. Несмотря на бракъ по любви, съ женой своей онъ сталъ жить врозь; она поселилась въ другомъ имѣніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мужа. Образованный „вольтерьянецъ", Колычовъ скоро разочаровался въ своей доброй и любящей, но простой для него супругѣ, отличавшейся крайней набожностью и склонностью къ монашеской жизни (по смерти мужа, М. П. Колычова постриглась съ именемъ Магдалины; † 1857 г. въ Тихвинскомъ монастырѣ, въ г. Кирсановѣ). Состояніе Колычова, родовое и благопріобрѣтенное, было значительно: онъ владѣлъ 2276 душами крестьянъ, при чемъ больше половины приходилось на Саратовскую губернію. Самъ онъ жилъ въ сельцѣ Хмѣлинкѣ, той же губерніи. Здѣсь у него была обширная библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ новыми книгами и періодическими изданіями, въ томъ числѣ спеціальными научными, какъ русскими, такъ и иностранными. Колычовъ съ увлеченіемъ занимался физическими опытами, интересовался описаніями путешествій, географіей, русской исторіей, составлялъ родословныя, перевелъ „Слово о полку Игоревѣ". Занятія естественными науками доставили ему званіе почетнаго члена Московскаго общества любителей естествознанія. Онъ отличался большой добротой, охотно помогалъ обращавшимся къ нему за помощью, заботился о распространеніи грамотности среди крестьянъ и, не будучи самъ религіозенъ, строилъ въ своихъ имѣніяхъ церкви. По словамъ барона Боде-Колычова, онъ „въ околоткѣ слылъ за чудака, часто ѣздилъ въ экипажѣ, имъ самимъ устроенномъ и запряженномъ двумя верблюдами, носилъ усы и бороду", что въ то время почиталось за вредное свободомысліе, кромѣ того „ходилъ въ красной рубахѣ, а фракъ и сюртукъ надѣвалъ только въ особенно торжественныхъ случаяхъ". Колычовъ скончался 24 Января 1836 г. и погребенъ около церкви села Краснаго Колѣна, Саратовской губерніи. Еще въ 1832 г. онъ составилъ завѣщаніе, по которому благопріобрѣтенную часть своего имѣнія въ 2476 десятинъ, въ Балашовскомъ уѣздѣ, завѣщалъ малолѣтней балашовской мѣщанкѣ Устиньѣ Сергѣевой, по прекращеніи рода которой земля переходитъ въ собственность Саратовскаго дворянства, съ тѣмъ, чтобы на доходы съ нея воспитывались дѣти дворянъ. Такъ какъ въ 1836 г. Сергѣевой уже не было въ живыхъ, то земля тотчасъ же перешла въ распоряженіе Саратовскаго дворянства. Въ настоящее время стоимость пожертвованной земли достигаетъ полумилліона рублей, а изъ доходовъ образовался капиталъ въ 100.000 рублей. На Колычовскія стипендіи воспитывается до 50 дѣтей. Жизнь С. В. Колычова послужила Саратовскому писателю и старожилу Салову сюжетомъ для разсказа „Святая могила", при чемъ И. А. Саловъ дѣлаетъ намекъ, что трагизмъ жизни Колычова заключался въ томъ, что онъ, не зная того, женился на побочной дочери своей матери, о чемъ узналъ отъ послѣдней предъ самой ея кончиной.... Подъ такимъ же заглавіемъ напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" (за 1904 г.) біографія С. В. Колычова.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ П. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

SERGE VASSILIEWITCH KOLYTCHOFF, 1791—1836, fils de Basile Pétrowitch Kolytchoff (1736—1794) et de Daria Alexéewna, née Tikhméneff († 1817), naquit à Moscou le 14 juillet 1791. Enrôlé tout enfant vaguemestre à la Garde à cheval, il fut rayé en application de l'oukaze de Paul Ier excluant les mineurs. Affecté ensuite en 1804 aux Archives des Affaires étrangères à Moscou, il entra quelques années plus tard à l'Ecole des Guides de Mouravieff, à Ostachovo, et en sortit porte-enseigne en 1811. Il fit toute la Guerre Patriotique, et, après Borodino, s'enrôla dans les partisans d'abord de Séslavine, puis de Figner, qui faisait grand cas de lui et lui confia à plusieurs reprises d'importantes et dangereuses missions. Il passa en 1814 au régiment des hussards d'Alexandrie, avec lequel il fit la campagne de France, puis, en 1815, à celui des hussards d'Irkoutsk: deux ans plus tard, il fut retraité major. Mouravieff-Karssky le représente comme „un de ces jeunes gens qu'on peut appeler cerveaux brûlés, assez instruit et excellent camarade", au régiment „bon petit hussard-sybarite" chéri de tous, et de ses subordonnés, malgré son emportement, comme un bon père. Un an avant sa retraite, il avait fait, avec la fille du capitaine lieutenant Lochess, disent ses états de service, avec une paysanne appartenant à sa mère, selon sa généalogie, un mariage d'amour qui contraria si fort sa mère, qu'il n'osa plus se présenter devant elle avant la grave maladie qu'elle fit en 1817 et où elle demanda à le voir. A sa mort, il entra en possession de sa grosse fortune, et partagea d'abord son temps entre Moscou et la campagne, mais bientôt il se fixa définitivement dans sa propriété de Saratoff. Son mariage d'amour ne l'empêcha pas de se séparer de sa femme, qui se retira dans une autre propriété, à quelques verstes de lui: avec son instruction et son voltairianisme, il n'avait pas tardé à se désenchanter de cette bonne et affectueuse personne, malheureusement beaucoup trop rustique pour lui, et en outre d'une extrême piété avec un penchant pour la vie monastique, puisqu'elle prit le voile une fois veuve sous le nom de Madeleine et mourut en 1857 au couvent de Tikhvine, à Kirsanoff. Kolytchoff était à la tête d'une grosse fortune; tant par héritage que par suite d'acquisitions, il possédait 2276 têtes de paysans, dont plus de la moitié au gouvernement de Saratoff, où il habitait lui-même la bourgade de Khmélinka: il avait là une bibliothèque considérable qu'il ne cessait d'enrichir en livres et périodiques, en particulier sur les sciences spéciales, tant russes qu'étrangers. Passionné pour les expériences de physique, curieux de descriptions de voyages, de géographie, d'histoire russe, il composa des généalogies et traduisit le Chant d'Igor. Ses travaux d'histoire naturelle lui valurent le titre de membre honoraire de la Société moscovite des Amateurs de Sciences Naturelles. Excellent cœur, toujours prêt à rendre service, il travaillait à propager l'instruction parmi ses paysans, et, tout irréligieux qu'il était, éleva des églises dans ses propriétés. „Il s'était fait dans le voisinage", dit le baron Bodé-Kolytchoff, „une réputation de maniaque, sortant souvent dans un équipage de sa façon attelé de deux chameaux, portant moustaches et toute sa barbe", ce qui sentait alors sa libre-pensée, „toujours en camisole rouge et gardant l'habit ou la redingote pour les grandes circonstances". Il mourut le 24 janvier 1836, et fut inhumé près de l'église du bourg de Krasnoïé-Koléno, gouvernement de Saratoff. Il avait fait en 1832 un testament par lequel la partie acquise de ses biens, soit 2476 hectares au district de Balachoff, reviendrait à Justine Serguéeff, alors une enfant de la bourgeoisie de l'endroit, pour devenir, lors de l'extinction de sa race, propriété de la noblesse de Saratoff, à charge par celle-ci d'employer les revenus à l'éducation d'enfants nobles. La petite fille étant morte avant Kolytchoff, la terre passa tout de suite à la noblesse de Saratoff; la valeur en atteint actuellement un demi-million de roubles, et les revenus ont servi à constituer un capital de 100.000 roubles. Les bourses fondées ainsi suffisent à l'éducation d'une cinquantaine d'enfants. La vie de Kolytchoff a fourni à l'écrivain Saloff, un vieil habitant de Saratoff, le sujet de son récit La Tombe sacrée; il y est fait allusion à une particularité tragique de cette vie: Kolytchoff avait épousé sans le savoir une fille naturelle de sa mère, qui ne le lui révéla qu'à son lit de mort.... Sous le même titre, l'Archive Russe a publié en 1904 une biographie de Kolytchoff.

(D'après un original appartenant à la comtesse N. Sollohub, Moscou.)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АРСЕНЬЕВЪ, 1789—1847, сынъ генералъ-поручика Василія Дмитріевича (р. 1755 г., † 1826 г.), отъ брака его съ Евдокіей Александровной Соймоновой (р. 1754 г., † 1819 г.), родился 6 Марта 1789 г.; въ 1806 г. изъ камеръ-пажей былъ выпущенъ на службу въ Преображенскій полкъ подпоручикомъ. Въ 1809 г. графъ М. С. Воронцовъ, бывшій въ большой дружбѣ съ его покойнымъ братомъ Дмитріемъ, взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Арсеньевъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1811 г., гдѣ подъ Рущукомъ заслужилъ золотое оружіе за храбрость, и въ Наполеоновскихъ войнахъ 1812—1815 годовъ. Произведенный въ 1816 г. въ полковники, онъ въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командиромъ Смоленскаго пѣхотнаго полка. До 1819 г. Арсеньевъ оставался во Франціи въ составѣ оккупаціоннаго корпуса, а въ 1820 г. вышелъ въ отставку. Назначеніе графа М. С. Воронцова на постъ Новороссійскаго генералъ-губернатора привлекло и Арсеньева на службу въ Новороссійскій край: въ 1824 г. онъ получилъ мѣсто члена верховнаго совѣта Бессарабской области, а съ 1826 по 1830 г. былъ чиновникомъ для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ и исправлялъ должности предсѣдателя Бессарабскаго областного уголовнаго суда и Бессарабскаго гражданскаго губернатора. Въ 1830 г. Арсеньевъ вышелъ въ отставку, но черезъ 2 года снова поступилъ на службу и былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія и завѣдывающимъ колоніей питомцевъ Воспитательнаго дома. Состоя въ этой должности, онъ былъ награжденъ орденами св. Станислава 1-й степени (1835 г.) и св. Анны 1-й степени (1841 г.) и чиномъ тайнаго совѣтника (1843 г.). Въ 1843 г. Арсеньевъ былъ назначенъ завѣдывающимъ Инвалиднымъ домомъ Шереметевой. Онъ скончался 19 Марта 1847 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Н. В. Арсеньевъ былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Арсеньевой (р. 1790 г., † 1864 г.), происходившей изъ того же рода, что и онъ, но дѣтей не имѣлъ. Сослуживецъ Арсеньева по Бессарабіи Ф. Ф. Вигель оставилъ въ своихъ Запискахъ такую его характеристику: „Снисходительные люди называли его ограниченнымъ человѣкомъ; но право не было границъ его простоумію.... Съ добрымъ сердцемъ, съ благородными чувствами, сіе безвинное, безобидное существо, не возбуждая ни въ комъ недоброжелательства, могло бы спокойно и незамѣтно прожить цѣлый вѣкъ. Но на бѣду женился онъ на злой толстушкѣ Авдотьѣ Ивановнѣ.... и во всемъ ее слушался“. При оцѣнкѣ этой характеристики слѣдуетъ принять во вниманіе дурныя отношенія Вигеля съ его сослуживцемъ и въ особенности съ супругой послѣдняго.

(Съ портрета Тропинина; собственность княгини М. А. Львовой, въ Москвѣ.)

NICOLAS VASSILIEWITCH ARSÉNIEFF, 1789—1847, fils du général lieutenant Basile Dmitriewitch Arsénieff (1755—1826) et d'Eudoxie Alexandrowna, née Soïmonoff (1754—1819), naquit le 6 mars 1789. Premier page, puis sous-lieutenant en 1806 au régiment Préobragensky, il fut pris en 1809 comme aide de camp par le comte M. Worontzoff, grand ami de feu son frère Dmitri. Après la campagne de Turquie de 1811, où sa valeur à Rouchtchouk lui valut une épée d'or, il fit les guerres napoléoniennes de 1812 à 1815. Colonel en 1816, il devint l'année suivante commandant du régiment d'infanterie de Smolensk, et resta en France avec le corps d'occupation jusqu'en 1819, après quoi il donna sa démission en 1820. La nomination du comte M. Worontzoff au poste de général gouverneur de la Nouvelle-Russie appela également Arsénieff dans le pays: membre du conseil supérieur de la région de Bessarabie en 1824, il fut de 1826 à 1830 fonctionnaire pour missions spéciales près du général gouverneur et fit fonctions de président de la cour d'assises régionale et gouverneur civil. Il quitta le service en 1830, mais pour y rentrer deux ans plus tard comme tuteur honoraire à la curatelle de Moscou et directeur de la colonie des Enfants-Trouvés. A ce poste, il fut décoré de St-Stanislas de 1re classe en 1835 et Ste-Anne de 1re classe en 1841, puis promu en 1843 conseiller privé. Il devint cette même année gérant de la Maison d'Invalides de Mme Chérémeteff. Il mourut le 19 mars 1847, et fut inhumé au monastère Novospassky.

Arsénieff avait épousé Eudoxie Ivanowna, née Arsénieff (1790—1864), de la même famille que lui, mais il n'eut pas d'enfants. Wiegel, qui fut au service avec lui en Bessarabie, dit dans ses Mémoires: „Les gens indulgents le disaient borné; mais vraiment il était d'une simplicité sans bornes.... Avec son bon cœur et sa noblesse de sentiments, l'innocente et inoffensive créature pouvait, sans éveiller la moindre malveillance, passer toute une vie paisible et cachée. Mais, hélas! il épousa cette grosse mauvaise pièce.... dont il faisait toutes les volontés". Il convient d'ajouter comme correctif que Wiegel était au plus mal avec Arsénieff, et surtout avec sa femme.

(D'après un original de Tropinine, appartenant à la princesse M. Lvoff, Moscou.)

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧААДАЕВЪ, 1794—1856, младшій сынъ подполковника Якова Петровича Чаадаева († 1807 г.), отъ брака его съ княжной Паталіей Михайловной Щербатовой († 1797 г.), родился 27 Мая 1794 года. П. Я. Чаадаевъ рано потерялъ родителей и ребенкомъ былъ взятъ подъ опеку графомъ Н. П. Толстымъ; воспитаніемъ дѣтей вѣдала родная ихъ тетка, дочь историка, княжна Анна Михайловна Щербатова. Дѣтство и юность Чаадаева протекли въ домѣ его опекуна, пышнаго и образованнаго вельможи Екатерининскихъ временъ. Иностранцевъ-гувернеровъ смѣнили лучшіе Московскіе профессора, которыхъ Чаадаевъ слушалъ потомъ и въ университетѣ. Университетъ Муравьевской эпохи и товарищи по университету, въ числѣ которыхъ были Грибоѣдовъ, братья Перовскіе, Н. Н. Тургеневъ, Якушкинъ, конечно, не могли не оставить слѣда въ душѣ умнаго юноши: объ этомъ говорятъ и дальнѣйшія отношенія его къ своимъ друзьямъ и его неизмѣнна страсть къ самообразованію. Громъ оружія, раздавшійся въ 1812 году, ускорилъ начало его житейской карьеры, по примѣру предковъ: 12 Мая онъ вступилъ въ Семеновскій полкъ, въ Августѣ принялъ боевое крещеніе въ Бородинскомъ бою, въ Сентябрѣ перевелся въ гусары (въ Ахтырскій полкъ) и участвовалъ въ длинномъ рядѣ сраженій; съ 11 Декабря 1817 г. состоялъ адъютантомъ у Н. В. Васильчикова; 21 Февраля 1821 г., къ удивленію многихъ, вышелъ въ отставку, дѣйствительныхъ причинъ которой не доискались и донынѣ біографы Чаадаева. Какъ бы то ни было, но отставка произвела громадное впечатлѣніе и на самого Чаадаева, блестящаго адъютанта, свѣтскаго джентльмена и красавца, которому, казалось, все сулило, при его умѣ, завидную карьеру.... Другъ Пушкина, котораго поэтъ въ 1818 г. приглашалъ „отчизнѣ посвятить души высокіе порывы“, рѣшилъ даже оставить Россію: „Отечествомъ моимъ будетъ Швейцарія“, писалъ онъ; „мнѣ невозможно оставаться въ Россіи по многимъ причинамъ“. Однако, онъ уѣхалъ за границу лишь въ Іюлѣ 1823 г., уѣхалъ нервно разстроенный, для поправленія здоровья, а лѣтомъ 1826 г. уже вернулся въ Москву еще болѣе слабымъ физически и во всякомъ случаѣ не такимъ, какимъ вернулся Грибоѣдовскій Чацкій, въ которомъ тогда кое-кто изъ современниковъ хотѣлъ видѣть Чаадаева. Впрочемъ, на чужбинѣ, во Франціи, Швейцаріи, Италіи и Германіи, несмотря на недуги, онъ успѣлъ много пріобрѣсти познаній по части философіи, исторіи и богословія. Если прежде Чаадаевъ, по выраженію Пушкина, былъ „всегда мудрецъ, а иногда мечтатель и вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель“, то теперь онъ сталъ затворникомъ, ипохондрикомъ, близкимъ къ помѣшательству. Источниковъ душевнаго разлада, затянувшагося на много лѣтъ и приведшаго этотъ „гордый умъ“ къ мистицизму, такъ и не отыскали изслѣдователи жизни и дѣятельности Чаадаева, но они создали рядъ портретовъ этого выдающагося русскаго „однодума“ на основаніи его переписки и ставшихъ знаменитыми его „Философическихъ писемъ“, которыя онъ началъ писать въ 1829/30 годахъ. Однако, „кризисъ“ миновалъ, Чаадаевъ къ 1830-мъ годамъ не только акклиматизировался въ лучшемъ Московскомъ обществѣ, но даже сдѣлалъ однажды попытку поступить вновь на службу. Скоро онъ выработалъ себѣ, по словамъ біографа, и тотъ образъ жизни, которому оставался вѣренъ уже до самой смерти, въ теченіе 25 лѣтъ. Онъ, завсегдатай Англійскаго клуба, почетный гость салоновъ и гостиныхъ; его можно видѣть всюду, гдѣ собирается Московское общество; по понедѣльникамъ онъ принимаетъ у себя.... По въ свѣтѣ, однако, онъ занималъ довольно своеобразное положеніе—положеніе вполнѣ свѣтскаго человѣка и учителя. Это, по выраженію князя Вяземскаго, былъ „преподаватель съ подвижной каѳедры, которую онъ переносилъ изъ салона въ салонъ“. Чаадаевъ скоро по имени сталъ извѣстенъ всей интеллигентной Россіи. Эту славу принесло ему его первое и послѣднее „Философическое письмо“, напечатанное при его жизни въ „Телескопѣ“ и навлекшее жестокую кару на издателя журнала—Надеждина; кромѣ того, самый журналъ былъ закрытъ, а авторъ официально признанъ сумасшедшимъ. Впрочемъ, черезъ годъ „медико-полицейскій надзоръ“ былъ снятъ съ Чаадаева, подъ условіемъ „не смѣть ничего писать“. Въ оправданіе свое Чаадаевъ написалъ „Апологію сумасшедшаго“, но и она увидѣла свѣтъ лишь въ посмертномъ изданіи „Œuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le prince Gagarine“. П. Я. Чаадаевъ скончался 14 Апрѣля 1856 г. и похороненъ, согласно завѣщанію, въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ Ав. С. Поровой (р. 5 Сентября 1799 г., † 3 Іюня 1835 г.), съ которой, какъ говорятъ, у него былъ единственный въ его жизни романъ, который оборвался за смертью любившей Чаадаева дѣвушки.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ.)

PIERRE YAKOVLEWITCH TCHAADAEFF, 1794—1856, fils cadet du lieutenant-colonel Jacob Pétrowitch Tchaadaeff († 1807) et de la princesse Natalie Mikhaïlowna, née Chtcherbatoff († 1797), naquit le 27 mai 1794. Orphelin de bonne heure, il devint le pupille du comte N. Tolstoï, et son éducation fut confiée à sa tante, la princesse Anne Mikhaïlowna Chtcherbatoff, fille de l'historien. Il passa ainsi son enfance et sa jeunesse chez le grand seigneur magnifique et éclairé du temps de Catherine, son tuteur, entouré d'abord de gouverneurs étrangers, puis des meilleurs professeurs de Moscou, dont il suivit plus tard les cours à l'Université. L'Université de Mouravieff, avec des camarades comme Griboïédoff, les frères Pérowsky, N. Tourguéneff, Yakouchkine, ne pouvait être sans laisser de traces dans cette âme jeune et ouverte, comme en témoignent à la fois ses relations ultérieures avec ses amis et son souci constant de continuer à s'instruire. Le fracas du canon de 1812 le lança de bonne heure dans la carrière, à l'exemple de ses ancêtres: enrôlé le 12 mai au régiment Sémenowsky, il reçut en août le baptême du feu à Borodino, passa en septembre aux hussards d'Akhtyrka, et prit part à toute une série de batailles. Il était aide de camp du général H. Vassiltchikoff depuis le 11 décembre 1817, lorsqu'à la surprise générale, il donna sa démission le 21 février 1821, sans que ses biographes aient encore pu découvrir au juste pourquoi. Quoi qu'il en soit, l'impression produite fut violente sur le brillant aide de camp lui-même, destiné, semblait-il, en raison de ses relations, de sa distinction, de sa prestance et de son esprit, à la plus enviable carrière.... Et l'ami de Pouchkine, auquel le poète conseillait en 1818 de

„Consacrer au pays ses beaux élans de l'âme",

songea même à quitter la Russie. „Ma patrie sera la Suisse", écrivait-il; „il m'est impossible de rester ici pour beaucoup de raisons". Il ne quitta pourtant la Russie qu'en juillet 1823: parti pour soigner à l'étranger ses nerfs fort ébranlés, dès l'été de 1826 il rentrait à Moscou encore plus faible physiquement et, en tout cas, bien différent à son retour du Tchatzky de Griboïédoff, dans lequel alors on persistait encore parfois à voir son portrait. Partout d'ailleurs, en France, en Suisse, en Italie et en Allemagne, il avait pu, en dépit de sa santé, faire beaucoup de philosophie, d'histoire et de théologie. S'il avait été, comme dit Pouchkine,

„Toujours un sage et parfois un rêveur,
„De la foule frivole observateur fidèle",

c'était maintenant un reclus, un hypocondriaque, confinant à la folie. L'origine du désarroi moral qui se prolongea de longues années et conduisit au mysticisme cet „esprit altier", a échappé à toutes les recherches; mais la correspondance de l'éminent „monomane" russe et ses Lettres philosophiques, devenues célèbres et dont les premières datent de 1829/1830, ont fait le sujet d'une série d'études. La crise passa pourtant, et, peu après 1830, il était tout acclimaté dans la meilleure société de Moscou: il avait même fait une tentative pour reprendre du service. Et il adopte alors, dit son biographe, le genre de vie auquel il restera désormais fidèle jusqu'à sa mort, durant vingt-cinq ans: habitué du Club Anglais, hôte favori des salons mondains, on le voit partout où se réunit la société moscovite; il a ses lundis.... Mais dans le monde il a pourtant une situation assez singulière, celle d'un parfait homme du monde et d'un maître, „d'un maître nomade", dit le prince Viazemsky, „transportant sa chaire de salon en salon". Il se fit bientôt un nom dans toute la Russie pensante, et il le dut à sa première et dernière Lettre philosophique, qui, publiée de son vivant dans le Télescope, valut à Nadejdine, l'éditeur, un châtiment rigoureux, fit suspendre le journal et déclarer l'auteur officiellement fou. Au bout d'un an, d'ailleurs, Tchaadaeff vit lever cette „surveillance médicale de la police", à la condition „de ne plus écrire". Il composa pourtant pour sa justification son Apologie d'un fou, qui ne vit le jour que dans l'édition posthume des Œuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le prince Gagarine.

Tchaadaeff mourut le 14 avril 1856, et fut inhumé, selon le vœu formulé dans son testament, au monastère Donskoï, à Moscou, près d'Eudoxie Noroff (5 septembre 1799—3 juin 1835), jusqu'au dernier jour l'héroïne, dit-on, de l'unique roman de sa vie.

(D'après un original de la Bibliothèque Impériale Publique, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1799—1864, сынъ Александра Ивановича, родного племянника фаворита Екатерины II, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Грековой, родился 9 Мая 1799 г., въ Вѣнѣ, и въ 1820 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Произведенный въ 1822 г. въ корнеты, онъ съ 1823 по 1825 г. исполнялъ обязанности ремонтера. Въ полку Васильчиковъ сблизился съ членомъ тайнаго общества Свистуновымъ и, подъ его вліяніемъ, самъ вступилъ въ то же общество въ началѣ 1825 года. Впослѣдствіи, будучи арестованъ, онъ на допросѣ показалъ, что не придавалъ тайному обществу значенія и не старался вникнуть въ подробности; онъ зналъ только, что общество желаетъ конституціоннаго правленія, но какого именно, не могъ себѣ уяснить. Онъ старался держаться подальше отъ общества послѣ того, какъ ему было сказано, что „онъ не долженъ всего знать“, а только то, „что захотятъ открыть“.... 19 Декабря 1825 г. Васильчиковъ пріѣхалъ въ Москву къ матери, и въ тотъ же день у него поселились члены тайнаго общества Свистуновъ и Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ. На слѣдующій день оба они были арестованы, а 26 Декабря былъ арестованъ и самъ Васильчиковъ; 29 онъ былъ доставленъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ, гдѣ былъ допрошенъ Левашевымъ. На вопросъ, почему онъ, отстранившись отъ общества, не сообщилъ о немъ правительству, Васильчиковъ отвѣтилъ: „Хотя я вскорѣ узналъ и чувствовалъ свою неосторожность и даже, могу сказать, глупость, но объявить объ обществѣ не хотѣлъ, гнушаясь названія доносчика. Впрочемъ, общество сіе и намѣреніе онаго полагалъ столь маловажными, что не заслуживали они вниманія правительства“. Въ тотъ же день Васильчиковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. На первомъ показаніи его, данномъ Комитету 10 Января 1826 г., находится помѣта Бенкендорфа: „Совершенно раскаивается“. Васильчиковъ не былъ преданъ суду. 15 Іюня послѣдовала относительно его слѣдующая Высочайшая резолюція: „Продержать еще мѣсяцъ въ крѣпости, выписать въ полки 5-го Кавалерійскаго корпуса“; 7 Іюля онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ Тверской драгунскій полкъ, а 15 выпущенъ изъ крѣпости. Въ 1827 г. онъ былъ переведенъ корнетомъ въ Серпуховскій уланскій полкъ, а въ 1828 г.—въ Харьковскій уланскій и, состоя въ немъ, участвовалъ въ Турецкой войнѣ. За отличіе при Акъ-Аданарѣ Васильчиковъ получилъ орденъ св. Анны 4 степени. Будучи раненъ въ томъ же сраженіи въ ногу, онъ былъ уволенъ въ Москву для лѣченія, а въ Августѣ 1830 г. получилъ отставку отъ службы, „съ учрежденіемъ за нимъ строгаго надзора и съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы“. Лишенный возможности жить въ Москвѣ, онъ поселился въ окрестностяхъ ея, въ селѣ Всесвятскомъ, но черезъ нѣкоторое время, благодаря ходатайству родныхъ, получилъ разрѣшеніе жить въ Москвѣ. 9 Мая 1839 г. онъ получилъ отъ Государя прощеніе.

П. А. Васильчиковъ скончался въ Москвѣ 20 Іюля 1864 г. и погребенъ въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ, рядомъ съ умершей раньше женой, Екатериной Петровной, рожденной Демидовой (р. 1801 г., † 1851 г.). У него былъ сынъ Николай (р. 1830 г., † 1833 г.) и дочь Екатерина (р. 1832 г., † 1894 г.), замужемъ была за Самуиломъ Александровичемъ Панчулидзевымъ.

(Съ миніатюры 1831 г., принадлежащей П. А. Демидову, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS ALEXANDROWITCH VASSILTCHIKOFF, 1799—1864, fils d'un neveu du favori de Catherine II, Alexandre Ivanowitch Vassiltchikoff, et de Catherine Ivanowna, née Grékoff, naquit à Vienne le 9 mai 1799. Entré en 1820 sous-officier au régiment des Chevaliers-Gardes, il passa cornette en 1822, et, de 1823 à 1825, fut chargé de la remonte. Il fit au régiment la connaissance de Svistounoff, qui, membre d'une société secrète, l'y affilia à son tour en 1825. Plus tard, lorsqu'il eut été arrêté, il déposa à l'instruction n'avoir pas attribué d'importance à cette société ni demandé d'explications, s'être borné à savoir qu'elle avait pour but l'établissement d'un gouvernement constitutionnel de la nature duquel il n'avait pas d'autre idée, enfin ne l'avoir plus fréquentée que de loin en apprenant qu'il „ne devait pas tout connaître" et qu'on ne lui dirait que „ce qu'on voudrait".... Le 19 décembre 1825, il allait à Moscou chez sa mère, qui prenait chez elle le jour même deux membres de la société secrète, Svistounoff et Hippolyte Mouravieff-Apostol, arrêtés dès le lendemain. Le 26, Vassiltchikoff l'était à son tour, et le 29, il arrivait au Palais d'Hiver où Lévachoff lui fit subir un interrogatoire. On lui demanda pourquoi il avait quitté la société sans rien révéler au Gouvernement: „Je n'ai pas tardé", dit-il, „à reconnaître et à comprendre toute mon imprudence, et, je puis même dire, ma sottise, mais si je n'ai pas parlé, c'est que j'ai reculé devant le rôle de délateur. Aussi bien, cette société et ses intentions ne m'ont pas paru d'une importance à pouvoir intéresser le Gouvernement". Il fut interné le jour même à la forteresse de Pierre-et-Paul. Sa première déposition, du 10 janvier 1826, porte la mention suivante de Benkendorf: „A passé condamnation". Et il ne fut pas mis en jugement; l'Empereur signa le 15 juin une résolution ainsi conçue: „Encore un mois de forteresse; puis le verser dans un régiment du 5e corps de cavalerie". Enrôlé le 7 juillet porte-enseigne au régiment de dragons de Tver, Vassiltchikoff était mis en liberté le 15. En 1827, il passa cornette aux uhlans de Serpoukhoff, et l'année suivante à ceux de Kharkoff, avec lesquels il fit la guerre de Turquie. Sa valeur à Ak-Adanar lui valut Ste-Anne de 4e classe et la blessure qu'il y reçut à la jambe lui fit donner un congé de convalescence à Moscou: en août 1830, il était mis à la retraite, mais en même temps „soumis à une surveillance rigoureuse et frappé d'interdiction de séjour dans les capitales". Faute de pouvoir habiter Moscou, il se fixa dans les environs, au bourg de Vsésviatzkoïé, mais les démarches de sa famille réussirent bientôt à faire lever l'interdiction de séjour. Le 9 mai 1839, il était définitivement gracié par l'Empereur.

Vassiltchikoff mourut à Moscou le 20 juillet 1864, et fut inhumé au monastère Simonoff aux côtés de sa femme, Catherine Pétrowna, née Démidoff (1801—1851). Il eut un fils, Nicolas (1830—1833), et une fille, Catherine (1832—1894), mariée à Samuel Alexandrowitch Pantchoulidzeff.

(D'après une miniature, 1831, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

239

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ВАСИЛЬЧИКОВА (?), 1801—1851, дочь тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Демидова (р. 1740 г., † 1826 г.), младшаго брата основателя Ярославскаго лицея, отъ брака его съ Екатериной Алексѣевной Жеребцовой (р. 1748 г., † 1810 г.), родилась 19 Ноября 1801 года. Была замужемъ за отставнымъ корнетомъ Николаемъ Александровичемъ Васильчиковымъ (р. 1799 г., † 1864 г.), замѣшаннымъ въ дѣлѣ декабристовъ и поэтому до 1839 г. находившимся подъ надзоромъ полиціи.

Отъ этого брака у Е. П. Васильчиковой былъ сынъ Николай (р. 1830 г., † 1833 г.) и дочь Екатерина (р. 1832 г., † 1894 г.), бывшая замужемъ за Самуиломъ Александровичемъ Панчулидзевымъ. Е. П. Васильчикова скончалась 10 Іюля 1851 г. и погребена въ Москвѣ, въ Симоновѣ монастырѣ.

(Съ миніатюры А. Мингаръ, 1826 г.; собственность П. А. Демидова, въ С.-Петербургѣ.)

239

CATHERINE PÉTROWNA VASSILTCHIKOFF (?), 1801—1851, fille du conseiller privé Pierre Grigoriewitch Démidoff (1740—1826), frère cadet du fondateur du Lycée de Yaroslavl, et de Catherine Alexéewna, née Jérebtzoff (1748—1810), naquit le 19 novembre 1801. Elle épousa le cornette en retraite Nicolas Alexandrowitch Vassiltchikoff (1799—1864), qui, impliqué dans l'affaire des Décabristes, resta sous la surveillance de la police jusqu'en 1839.

Mme Vassiltchikoff eut de ce mariage un fils, Nicolas (1830—1833), et une fille, Catherine (1832—1894), mariée à Samuel Alexandrowitch Pantchoulidzeff. Elle mourut le 10 juillet 1851, et fut inhumée à Moscou, au monastère Simonoff.

(D'après une miniature de A. Mingard, 1826, appartenant à P. Démidoff, St-Pétersbourg.)

240

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 17..—1833, былъ третій сынъ бригадира Василія Алексѣевича (р. 1754 г., † 1830 г.), отъ брака его съ Екатериной Платоновной Овцыной (р. 1754 г., † 1832 г.), родной братъ извѣстнаго князя Платона Васильевича. Свѣдѣній о немъ сохранилось очень немного. Извѣстно только, что онъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, числился по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и былъ кавалеромъ въ знаменитомъ посольствѣ графа Головкина въ Китай, въ 1805 г., но доѣхалъ только до Маймачина и, при сокращеніи свиты посла, попалъ въ число уѣхавшихъ обратно въ Петербургъ. Въ 1812 г. Васильчиковъ былъ Новгородскимъ губернаторомъ. Можетъ-быть, онъ же, во время Отечественной войны, служилъ въ Новгородскомъ ополченіи, но вообще, когда говорится объ Алексѣѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ, трудно опредѣлить, что относится къ нему, а что—къ его одноименному троюродному брату, Алексѣю Васильевичу Васильчикову, женатому на А. П. Архаровой, тоже служившему въ вѣдомствѣ Иностранныхъ дѣлъ и имѣвшему званіе дѣйствительнаго камергера, а позднѣе бывшаго дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ (см. т. III, № 206). Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, подъ именемъ 2-го, въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ сенаторомъ и засѣдалъ съ 1829 по 1832 г. въ 5 Департаментѣ, а въ 1833 г. въ Общемъ Собраніи Сената. Въ Сенатскомъ архивѣ формулярнаго списка его не найдено. Тамъ признаютъ только одного Васильчикова и, повидимому, смѣшали вмѣстѣ обоихъ.

Вигель, товарищъ Васильчикова по посольству графа Головкина, посвятилъ ему слѣдующія строки въ своихъ Запискахъ: „Алексѣй Васильевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ братьевъ Васильчиковыхъ, изъ коихъ Платонъ Васильевичъ болѣе всѣхъ возвысился въ почестяхъ и сдѣлался извѣстнѣе. Ихъ рыцарями назвать было не можно: имя благородныхъ витязей имъ было приличнѣе, ибо всѣ они были русскіе дворяне въ душѣ, и давно уже Псковская губернія гордится ихъ родомъ. Нашъ Васильчиковъ былъ не слишкомъ высокаго ума, зато высокъ былъ онъ сердцемъ, и если бъ одного усердія, прилежанія было достаточно, чтобъ сдѣлаться искуснымъ въ дѣлахъ гражданской службы, то могъ бы онъ быть со временемъ лучшимъ изъ нашихъ государственныхъ людей“.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность М. В. Воейковой, въ СП.-стербургѣ.)

240

ALEXIS VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF, 17..—1833, troisième fils du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff (1754—1830) et de Catherine Ilarionowna, née Ovtzyne (1754—1832), était frère du célèbre prince Hilarion Vassiltchikoff. De sa vie on ne connaît presque rien; on sait seulement qu'il fut chambellan actuel, fonctionnaire au Collège des Affaires étrangères et chevalier de la fameuse ambassade du comte Golovkine en Chine, en 1805: il fut, du reste, rappelé à Pétersbourg lors de la réduction de l'escorte, sans avoir dépassé Maïmatchine. Gouverneur de Novgorod en 1812, peut-être est-ce lui qui fit la Guerre Patriotique avec la milice de cette ville; mais, quand il s'agit d'Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, on a peine à le distinguer d'un cousin issu de germain qui épousa Alexandrine Arkharoff, portant identiquement les mêmes noms, également fonctionnaire aux Affaires étrangères, également chambellan actuel, et plus tard conseiller privé actuel et sénateur (v. T. III, № 206). Un Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, dit 2e, conseiller privé, fut sénateur et siégea de 1829 à 1832 au 5e département et en 1833 à l'Assemblée plénière du Sénat. Les Archives du Sénat, où on n'a pu retrouver ses états de service, ne connaissent qu'un Vassiltchikoff, et confondent probablement les deux.

Wiegel, qui fit partie avec Vassiltchikoff de l'ambassade du comte Golovkine, lui consacre dans ses Mémoires les lignes suivantes: „C'était un des quatre frères Vassiltchikoff dont le plus heureux dans la carrière et le plus connu fut Hilarion. On ne saurait les qualifier de chevaliers: l'appellation de nobles paladins convient mieux à ces aristocrates russes dans l'âme qui font depuis longtemps la gloire du gouvernement de Pskoff. Notre Vassiltchikoff n'était pas d'un esprit élevé, mais il avait en revanche le cœur haut placé, et, si c'était assez d'un zèle et d'une application soutenus pour devenir un fonctionnaire civil de valeur, il eût pu faire avec le temps un de nos meilleurs hommes d'état".

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant à Mme M. Voeïkoff, St-Pétersbourg.)

241

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 1781—1849, младшій сынъ бригадира Василія Алексѣевича (р. 1754 г., † 1830 г.), отъ брака съ Екатериной Платоновной Овцыной (р. 1754 г., † 1832 г.), братъ князя Платона Васильевича, дослужился въ военной службѣ до чина генералъ-майора; былъ Луганскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Затѣмъ, въ 1830-хъ годахъ, въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника, былъ Орловскимъ губернаторомъ. Жалобы о безпорядкахъ въ губерніи и слухи о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ самого губернатора вызвали назначеніе ревизіи сенатора Д. П. Бѣгичева, при чемъ ревизующему сенатору предлагалось „произвести изслѣдованіе о всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ“ губернатора Васильчикова, „равно и о справедливости слуховъ“. Ревизія Орловской губерніи обнаружила безпорядки и упущенія. Государь приказалъ отдать подъ судъ Васильчикова. Впрочемъ, Бѣгичевъ не признавалъ губернатора виновнымъ и сдѣлалъ только заключеніе, что всѣ безпорядки въ губерніи „ясно открываютъ его совершенную неспособность и незнаніе дѣла“. 12 Января 1841 г., Васильчиковъ былъ уволенъ отъ должности губернатора и преданъ суду Правительствующаго Сената, который, однако, тоже его оправдалъ по обвиненіи въ злоупотребленіяхъ, признавъ возможнымъ только поставить ему на видъ, что слѣдовало имѣть „больше вниманія и осмотрительности“. Это рѣшеніе, Высочайше утвержденное, послѣдовало въ 1846 году.

П. В. Васильчиковъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Максимовнѣ Пребстингъ, бывшей въ первомъ бракѣ за Гаюмъ, и имѣлъ сына Николая (р. 1816 г., † 1843 г.) и дочь Екатерину (р. 1818 г., † 1895 г.), бывшую въ замужствѣ за Дмитріемъ Николаевичемъ Ермоловымъ.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова; собственность М. В. Воейковой, въ С.-Петербургѣ.)

241

NICOLAS VASSILIEWITCH VASSILTCHIKOFF, 1781—1849, fils cadet du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff (1754—1830) et de Catherine Ilarionowna, née Ovtzyne (1754—1832), était frère du célèbre prince Hilarion Vassiltchikoff. Il parvint au grade de général major et fut maréchal de la noblesse du district de Louga. Passé au service civil, il était, après 1830, gouverneur d'Orel avec rang de conseiller d'état actuel, lorsqu'il y eut des plaintes au sujet de désordres dans l'administration et des bruits d'actes illicites du gouverneur lui-même. Le sénateur Béguitcheff fut envoyé sur les lieux avec mission de „faire une enquête sur tous les actes et mesures" incriminés, „et aussi sur les bruits sérieux". A la suite des désordres et négligences que fit découvrir cette revision, l'Empereur décréta Vassiltchikoff d'accusation. D'ailleurs, sans relever de charges contre lui, le reviseur faisait simplement observer que toutes les irrégularités constatées „témoignaient nettement de sa complète incapacité et de son incompétence". Aussi fut-il relevé de ses fonctions le 12 janvier 1841 et renvoyé devant le Sénat, qui l'acquitta sur le chef d'abus, mais en lui infligeant un blâme pour „son manque d'attention et de circonspection". La sentence fut ratifiée par l'Empereur en 1846.

Vassiltchikoff épousa la comtesse Elisabeth Maximowna Prœbsting, en premières noces Mme Hahn, dont il eut un fils, Nicolas (1816—1843), et une fille, Catherine (1818—1895), mariée à Dmitri Nikolaewitch Ermoloff.

(D'après une aquarelle de P. Sokoloff, appartenant à Mme M. Voéïkoff, St-Pétersbourg.)

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ, 1732—1782, сынъ Ивана Аѳанасьевича Мордвинова, родился 5 Ноября 1732 г. и, по окончаніи образованія въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ въ 1747 г., поступилъ въ инженерныя войска. Назначенный начальникомъ инженерной и артиллерійской школъ, онъ преобразовалъ эти школы въ Артиллерійскій и Инженерный корпусъ и въ 1775 г. основалъ, подъ именемъ „Гимназіи Чужестранныхъ Единовѣрцевъ“, особый корпусъ, называвшійся въ просторѣчіи „Греческимъ“, для воспитанія дѣтей грековъ. Съ 1774 по 1780 г. Мордвиновъ, съ титуломъ „инженеръ-генерала“, управлялъ всею инженерною частью и всѣми сухопутными и водяными сообщеніями въ Россіи. 1 Января 1780 г. Мордвиновъ былъ уволенъ отъ должности инженеръ-генерала, съ оставленіемъ лишь „при управленіи и наблюденіи надъ Артиллерійскимъ и Инженернымъ кадетскимъ корпусомъ, надъ Гимназіею Чужестранныхъ Единовѣрцевъ и при другихъ, ему порученныхъ, комиссіяхъ“.

Мордвиновъ умеръ 7 Октября 1782 года. Отъ брака съ Екатериной Александровной Саблуковой Мордвиновъ имѣлъ сыновей, Дмитрія, Николая и Владиміра, и 2 дочерей: Александру (въ замужствѣ за Н. Н. Муравьевымъ), Варвару (въ первомъ бракѣ за Александромъ Ѳедоровичемъ Муравьевымъ, во второмъ—за Павломъ Марковичемъ Полторацкимъ).

(Съ портрета, принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому; с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

242

MICHEL IVANOWITCH MORDVINOFF, 1732—1782, fils d'Ivan Afanassiewitch Mordvinoff, naquit le 5 novembre 1732, et, à sa sortie du Corps des Cadets en 1747, prit du service dans le génie. Nommé directeur des écoles d'artillerie et du génie, il en fit le Corps d'Artillerie et du Génie, et fonda en 1775, sous le nom de Gymnase des dissidents étrangers, un Corps spécial destiné aux enfants d'origine grecque et couramment dénommé pour cette raison le Corps Grec. De 1774 à 1780, il eut sous sa direction, avec le titre de „général-ingénieur", tout le génie et toutes les communications terrestres et fluviales de Russie. Relevé le 1er janvier 1780 de ses fonctions de général-ingénieur, il ne conserva que „la direction et la surveillance du Corps d'Artillerie et du Génie et du Gymnase des dissidents étrangers, ainsi que ses autres fonctions".

Mordvinoff mourut le 7 octobre 1782. Il avait épousé Catherine Alexandrowna Sabloukoff, dont il eut plusieurs fils, Dmitri, Nicolas, Vladimir, et deux filles, Alexandrine, mariée à N. Mouravieff, et Varvara, mariée en premières noces à Alexandre Féodorowitch Mouravieff, et en secondes noces à Paul Markowitch Poltoratzky.

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ ЕРОѲЕЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 17..—1770, сынъ подполковника Ероѳея Ѳедоровича († 1739 г.), получилъ образованіе въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1738 г., а въ 1750 г. выпущенъ изъ него инженеръ-поручикомъ и, какъ лучшій ученикъ, оставленъ при немъ въ качествѣ преподавателя фортификаціи. Въ 1752 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ первую часть „Начальнаго основанія математики“ (вторая часть осталась неизданной), одного изъ первыхъ по времени русскихъ математическихъ сочиненій. По словамъ Н. И. Новикова, Муравьевъ въ молодости писалъ „весьма изрядныя стихотворенія, а особливо пѣсни, которыя весьма много похваляются“. Въ 1761 г. онъ былъ уже инженеръ-генералъ-майоромъ, а въ 1764 г. назначенъ Главнымъ директоромъ при строеніи государственныхъ дорогъ. Въ 1766 г. Н. Е. Муравьевъ принялъ участіе въ составленіи инструкціи о Генеральномъ межеваніи земель, а въ 1767 г., въ качествѣ депутата отъ Вотской пятины, засѣдалъ въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія и былъ въ числѣ 5 лицъ, баллотировавшихся при ея открытіи въ маршалы или предсѣдатели ея. Послѣдніе годы своей жизни онъ былъ генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и Рижскимъ генералъ-губернаторомъ. Лифляндское дворянство приняло его родъ въ число родовъ Лифонскаго рыцарства. Незадолго до смерти Муравьевъ отправился за границу для лѣченія и въ 1770 г. скончался въ Монпелье. Тѣло его было перевезено на родину и погребено въ родовомъ имѣніи, селѣ Мроткинѣ, Лужскаго уѣзда. По отзыву его внука, Н. Н. Муравьева-Карсскаго, Н. Е. Муравьевъ былъ человѣкъ умный и ученый, и въ зрѣломъ возрастѣ продолжавшій свое образованіе. Екатерина II называла его умъ математическимъ и, по преданію, питала такое довѣріе къ его безкорыстію, что однажды возвратила ему надорваннымъ представленный имъ отчетъ по какой-то постройкѣ, сказавъ, что, имѣя совершенное къ нему довѣріе, не желаетъ повѣрять его распоряженій.

Н. Е. Муравьевъ былъ женатъ на Аннѣ Андреевнѣ Волковой, послѣ его смерти вступившей во второй бракъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Урусовымъ, и имѣлъ единственнаго сына, Николая (р. 1768 г., † 1840 г.), основателя Училища колонновожатыхъ и отца 3 сыновей: декабриста, покорителя Карса и усмирителя Польскаго возстанія.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

NICOLAS ÉROFÉEWITCH MOURAVIEFF, 17..—1770, fils d'un lieutenant-colonel mort en 1739, fit ses études au Corps des Cadets, où il entra en 1738; sorti en 1750 lieutenant du génie et le premier de sa promotion, il y resta comme professeur de fortification. Il publia en 1752 la première partie, la seule parue, de ses Principes fondamentaux de Mathématiques, un des plus vieux ouvrages de mathématiques de Russie. Au témoignage de Novikoff, il aurait fait dans sa jeunesse „des vers fort bien tournés, et surtout des chansons dont on dit grand bien". Général major du génie dès 1761, il fut nommé en 1764 directeur général de la construction des routes nationales. Il coopéra en 1766 à la rédaction de l'instruction relative au Cadastre général, puis, en 1767, député d'une région du gouvernement de Novgorod à la Commission du projet de Code, fut un des cinq maréchaux, ou présidents, élus dans son sein. Les dernières années de sa vie, il fut général lieutenant, sénateur et général gouverneur de Riga. Sa famille fut admise par la noblesse livonienne à la Chevalerie de Livonie. Il mourut en 1770 à Montpellier, où il venait d'arriver en vue d'y faire une cure; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée dans son bien patrimonial de Mrotkine, district de Louga. Son petit-fils Mouravieff-Karssky le représente comme un homme intelligent, un savant, qui ne cessa jamais de s'instruire. Catherine II lui trouvait l'esprit mathématique et avait, dit-on, tant de confiance dans son désintéressement, qu'elle lui retourna un jour un devis de bâtiment déchiré en ajoutant qu'elle était parfaitement sûre de sa probité et n'avait pas besoin de contrôler ses comptes.

Mouravieff avait épousé Anne Andréewna Volkoff, qui, veuve de lui, se remaria au prince Alexandre Vassiliewitch Ouroussoff. Il eut d'elle un fils unique, Nicolas (1768—1840), fondateur de l'Ecole des Guides, père de trois fils, le décabriste, le vainqueur de Kars et le pacificateur de la Pologne.

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

244

АНАСТАСІЯ МИХАЙЛОВНА ЗАГРЯЖСКАЯ, 1728—1779, дочь князя Михаила Михайловича Голицына младшаго, генералъ-адмирала русскаго флота (р. 1685 г., † 1764 г.), отъ второго брака его съ Татьяной Кирилловной Нарышкиной (р. 1704 г., † 1757 г.), родилась 17 Сентября 1728 года. Замужемъ была съ 13 Ноября 1758 года за гвардіи майоромъ Николаемъ Артемьевичемъ Загряжскимъ (р. 1729 г., † 1788 г.). Бракъ былъ бездѣтный.

Скончалась А. М. Загряжская въ Москвѣ, на 51 году, 11 Мая 1779 года и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, въ церкви во имя Донской Божіей Матери. На стѣнѣ церкви, передъ надгробной плитой находится ея портретъ, писанный масляными красками.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

244

ANASTASIE MIKHAÏLOWNA ZAGRIAJSKY, 1728—1779, fille du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne jeune (1685—1764), général amiral de la flotte russe, et de sa seconde femme, Tatiana Kirillowna Narychkine (1704—1757), naquit le 17 septembre 1728. Elle épousa le 13 novembre 1758 le major de la Garde Nicolas Artémiewitch Zagriajsky (1729—1788), dont elle n'eut pas d'enfants.

Mme Zagriajsky mourut à Moscou dans sa 51e année le 11 mai 1779, et fut inhumée au monastère Donskoï, dans l'église Notre-Dame-du-Don, où l'on voit son portrait à l'huile sur le mur en face de sa tombe.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

245

НИКОЛАЙ АРТЕМЬЕВИЧЪ ЗАГРЯЖСКІЙ, 1729—1788, сынъ генералъ-аншефа Артемія Григорьевича (р. 1674 г., † 1754 г.), отъ брака его съ княжной Анастасіей Борисовной Барятинской (р. 1699 г.), служилъ въ Конной гвардіи и въ 1758 г. былъ въ чинѣ секундъ-майора. Дослужившись до чина генералъ-майора, онъ скончался 24 Декабря 1788 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Съ 13 Ноября 1758 г. П. А. Загряжскій былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Голицыной (р. 1728 г., † 1779 г.), но потомства не оставилъ.

(Съ портрета Рокотова; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

245

NICOLAS ARTÉMIEWITCH ZAGRIAJSKY, 1729—1788, fils du général en chef Arthème Grigoriewitch Zagriajsky (1674—1754) et de la princesse Anastasie Borissowna, née Bariatinsky (née 1699), servit dans la Garde à cheval, où il était second major en 1758. Il parvint au grade de général major, mourut le 24 décembre 1788, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Zagriajsky avait épousé le 13 novembre 1758 la princesse Anastasie Mikhaïlowna Golitzyne (1728—1779), qui ne lui donna pas de postérité.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

246

АЛЕКСѢЙ ПАУМОВИЧЪ СЕНЯВШИНЪ, 1722—1797, сынъ сподвижника Петра Великаго вице-адмирала Наума Якимовича, отъ брака его съ Неонилой Ѳедоровной Языковой, родился 5 Октября 1722 года; 12 лѣтъ отъ роду началъ онъ службу во флотѣ за заслуги отца прямо съ чина шкмана. Прослуживъ съ 1734 г. по 1762 г., Сенявинъ вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана 1 ранга. Въ 1766 г. онъ вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ генералъ-казначеемъ, но черезъ 2 года вернулся на морскую службу. Переименованный въ контръ-адмиралы, Сенявинъ получилъ порученіе построить на старыхъ Петровскихъ верфяхъ на Дону суда, которыя могли бы пройти въ Азовское и Черное моря. Новый родъ судовъ (такъ называемые „новопзобрѣтенные корабли“, или, по выраженію Екатерины II, „нововыдуманныя суда“), удовлетворявшій условіямъ плаванія на мелководныхъ мѣстахъ и боевымъ требованіямъ, былъ готовъ въ 1771 г. и помогъ овладѣть Крымомъ. Въ 1773 г. А. П. Сенявинъ со своей флотиліей успѣшно дѣйствовалъ на Черномъ морѣ, а въ 1774 г. отразилъ у Керченскаго пролива нападеніе Турецкаго флота и, несмотря на неравенство силъ, принудилъ его отступить. Вице-адмиралъ съ 1769 г. и адмиралъ съ 1775 г., онъ въ 1788 г. вышелъ въ отставку по болѣзни, но въ 1794 г. былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи; 30 Ноября 1794 г. онъ получилъ орденъ св. Андрея, а 22 Сентября 1795 г.—Владиміра 1 ст. за „ревностные труды по управленію дѣлъ Морского департамента, особливо же по разнымъ вооруженіямъ флотовъ“.

А. П. Сенявинъ скончался 11 Августа 1797 г. и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отъ брака съ Анной-Елизаветой фонъ Брадке (р. 1733 г., † 1776 г.) онъ имѣлъ одного сына, Григорія (флота капитанъ-командоръ; р. 1767 г., † 1831 г.), и 4 дочерей: Анну (р. 1768 г., † 1820 г.), Екатерину († 1784 г.; въ замужствѣ за графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ), Анастасію (за Василіемъ Ивановичемъ Нелидовымъ) и Марію (р. 1772 г., † 1822 г.; за Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ).

(Съ портрета Рокотова; собственность графини Е. П. Воронцовой-Дашковой, въ Одессѣ.)

ALEXIS NAOUMOWITCH SÉNIAVINE, 1722—1797, fils du vice-amiral, compagnon d'armes de Pierre-le-Grand, et de Nénila Féodorowna, née Yazykoff, naquit le 5 octobre 1722, et fut enrôlé d'emblée enseigne de marine à 12 ans en considération des services de son père. Admis à la retraite capitaine de 1er rang en 1762, il reprit du service en 1766 comme trésorier général, mais rentra au bout de deux ans dans la marine: il y permuta contre-amiral, et fut chargé de construire, aux docks jadis créés par Pierre-le-Grand sur le Don, des vaisseaux capables de tenir la mer sur les mers Noire et d'Azoff. Ces bâtiments, dits alors „nouveau modèle", adaptés pour la navigation dans les parages de hauts-fonds et pour les nécessités du temps de guerre, furent prêts en 1771 et coopérèrent à la conquête de la Crimée. A la tête de sa flottille, Séniavine opéra avec succès en 1773 sur la Mer Noire, puis, l'année suivante, repoussa, dans le détroit de Kertch, une attaque de la flotte turque, qui fut contrainte à la retraite, malgré l'infériorité numérique des Russes. Vice-amiral en 1769, amiral en 1775, il donna sa démission en 1788 pour raisons de santé, mais fut nommé en 1794 membre du Collège des Amirautés; il fut ensuite décoré, le 30 novembre 1794 de St-André et le 22 septembre 1795 de St-Vladimir de 1re classe, „pour le zèle qu'il avait apporté à la direction des affaires du département de la Marine, et en particulier à diverses questions d'armement".

Séniavine mourut le 11 août 1797, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé Anne-Elisabeth von Bradke (1733—1776), dont il eut un fils, Grégoire (1767—1831), capitaine commandeur de marine, et quatre filles, Anne (1768—1820), Catherine († 1784), mariée au comte Simon Romanowitch Worontzoff, Anastasie à Basile Ivanowitch Nélidoff, et Marie (1772—1822) à Alexandre Lvowitch Narychkine.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Odessa.)

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ УШАКОВЪ, 1745—1817, сынъ Ѳедора Игнатьевича Ушакова, владѣвшаго с. Бурнаковымъ, въ Романовскомъ уѣздѣ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Ушаковъ участвовалъ въ первой и во второй Турецкихъ войнахъ, но игралъ второстепенную роль, пока, въ 1790 г., не былъ назначенъ начальникомъ Черноморскаго флота. Онъ прославился бомбардировкой Синопа и побѣдой надъ турками у Гаджибея. Въ 1798 г., уже въ союзѣ съ турками, онъ дѣйствовалъ противъ французовъ въ Средиземномъ морѣ, взялъ штурмомъ крѣпость Корфу и занялъ всѣ Іоническіе острова. Пожалованный въ 1800 г. въ адмиралы, Ушаковъ возвратился въ Россію и въ 1802 г. былъ назначенъ командиромъ Балтійскаго учебнаго флота. Уволенный въ 1807 г. отъ службы, за болѣзнью, онъ провелъ послѣдніе годы жизни въ своемъ Темниковскомъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ Октябрѣ 1817 года.

Суворовъ любилъ и уважалъ Ушакова, какъ „грозу турокъ, потрясшаго Константинополь и Дарданеллы“, называлъ его не иначе какъ своимъ „другомъ“. На самомъ дѣлѣ, было много общаго между Ушаковымъ и знаменитымъ генералиссимусомъ. Страшный для турокъ „Ушакъ-паша“ былъ и искуснымъ военачальникомъ, и храбрымъ воиномъ. Подобно Суворову, Ушаковъ въ большихъ чинахъ оставался простымъ русскимъ человѣкомъ, съ тѣми вкусами и привычками, которые онъ вынесъ изъ темниковскаго захолустья. Онъ любилъ богослуженіе и ежедневно выстаивалъ всѣ церковныя службы. Подобно Суворову, Ѳ. Ѳ. Ушаковъ отличался различными странностями и причудами. Къ числу особенностей характера Ушакова принадлежалъ необыкновенный страхъ передъ женщинами. Въ присутствіи женщины храбрый адмиралъ „приходилъ въ страшное замѣшательство, не зналъ, что говорить, что дѣлать, стоялъ на одной ногѣ, вертѣлся, краснѣлъ“. Подъ конецъ жизни онъ сталъ вообще чуждаться людей и умеръ въ деревнѣ, одинокій и всѣми забытый.

(Съ портрета, находящагося въ Морскомъ корпусѣ, въ С.-Петербургѣ.)

247

THÉODORE FÉODOROWITCH OUCHAKOFF, 1745—1817, fils de Théodore Ignatiewitch Ouchakoff, le propriétaire du bourg de Bournakovo, gouvernement de Yaroslavl, descendait d'une vieille famille noble. Il passa par l'Ecole Navale, puis fit la première et la seconde guerres de Turquie, mais sans jouer qu'un rôle secondaire, jusqu'au jour où il fut nommé en 1790 chef de la flotte de la Mer Noire. Ses premiers titres de gloire furent le bombardement de Sinope et la victoire de Hadji-Bey sur les Turcs. Puis, en 1798, alors avec le concours des Turcs, il opéra contre les Français dans la Méditerranée, enleva Corfou d'assaut et occupa toutes les Iles Ioniennes. Amiral en 1800, il rentra en Russie et fut nommé commandant de la flotte-école de la Baltique. Il fut mis à la retraite en 1807 pour raisons de santé, et passa ses dernières années dans son domaine de Temnikovo, où il mourut en octobre 1817.

Ouchakoff, „redoutable aux Turcs et qui avait fait trembler Constantinople et les Dardanelles", était aimé et estimé de Souvoroff, qui ne l'appelait jamais autrement que son ami. Et de fait, entre le grand capitaine et Ouchak-Pacha, la terreur des Turcs, l'officier de valeur, intrépide au feu, il y avait bien des points communs. Comme Souvoroff, Ouchakoff conservait, au rang éminent où il était parvenu, la bonne simplicité russe, avec tous les goûts et habitudes de son ermitage de Temnikovo. Il aimait le service divin et entendait chaque jour tous les offices d'un bout à l'autre. Comme Souvoroff, il avait des bizarreries et des excentricités. Entre autres singularités, les femmes lui inspiraient une appréhension particulière: en présence d'une dame, le brave amiral „était pris d'un trouble affreux, ne sachant que dire ni que faire, se posant sur une jambe et sur l'autre, rougissant et perdant contenance". Sur ses vieux jours, il finit d'ailleurs par devenir tout à fait sauvage, et mourut dans sa campagne, solitaire et complètement oublié.

(D'après un original conservé à l'Ecole Navale, St-Pétersbourg.)

248

Князь ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕСВИЦКІЙ, 17..—1806, третій сынъ вице-адмирала князя Василія Ѳедоровича (р. 1704 г., † 1771 г.), женатаго на Богданѣ Ивановнѣ Ушаковой. Князь П. В. Несвицкій служилъ въ Конной гвардіи, и въ то время, когда его отецъ былъ С.-Петербургскимъ губернаторомъ, онъ, въ чинѣ секундъ-ротмистра, былъ въ числѣ сторонниковъ Императрицы Екатерины и способствовалъ возведенію ея на престолъ. Въ день коронаціи онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Оставивъ черезъ 2 года л.-гв. Конный полкъ, князь Несвицкій былъ пожалованъ въ камергеры, затѣмъ въ тайные совѣтники и получилъ въ 1777 г. орденъ св. Анны 1-й степени. Позднѣе Несвицкій былъ сдѣланъ оберъ-шенкомъ и пожалованъ 22 Сентября 1793 г. Александровской звѣздой, а въ Апрѣлѣ 1797 г.—лентой св. Андрея Первозваннаго.

Князь П. В. Несвицкій былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ, фамилія которой неизвѣстна, но дѣтей не имѣлъ.

Умеръ онъ 15 Апрѣля 1806 года. Со смертью его и его трехъ братьевъ эта линія князей Несвицкихъ пресѣклась въ мужскомъ поколѣніи.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

248

Le prince IVAN VASSILIEWITCH NÉSVITZKY, 17..—1806, troisième fils du prince Basile Féodorowitch Nésvitzky (1704—1771), vice-amiral, et de Bogdane Ivanowna, née Ouchakoff, servit dans la Garde à cheval. Son père était gouverneur de St-Pétersbourg lors du coup d'état de 1762; lui-même, capitaine de cavalerie en second, fut des partisans de Catherine et coopéra à son élévation au Trône. Le jour du couronnement, il fut fait gentilhomme de la chambre. Il quitta le régiment deux ans plus tard pour devenir chambellan, puis conseiller privé, et fut décoré en 1777 de Ste-Anne de 1re classe. Il fut dans la suite grand échanson et reçut le 22 septembre 1793 l'étoile de St-Alexandre, et en avril 1797 le cordon de St-André.

Le prince Nésvitzky épousa Anastasie Ivanowna (nom de famille inconnu), dont il n'eut pas d'enfants. Il mourut le 15 avril 1806. Avec sa mort et celle de ses trois frères, cette branche princière s'éteignit dans la ligne masculine.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ НАГАЕВЪ, 1704—1781, потомокъ дворянскаго рода татарскаго происхожденія, вышелъ изъ небогатой семьи и родился въ Мартѣ 1704 г. въ селѣ Сертыкинѣ, Московской губерніи. Одиннадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Морскую академію и въ 1721 г. произведенъ въ мичманы. Нагаевъ сдѣлалъ нѣсколько плаваній изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно; въ одно изъ этихъ плаваній фрегатъ, которымъ онъ командовалъ, затонулъ, и Нагаевъ былъ отданъ подъ судъ, но оправданъ. Въ 40-хъ годахъ онъ былъ совѣтникомъ Академической Экспедиціи, а съ 1757 по 1761 г. директоромъ Морского шляхетнаго корпуса, въ образованіи котораго принималъ участіе. Въ 1762 г. Нагаевъ назначенъ былъ членомъ комиссіи для приведенія флота въ лучшее состояніе и произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1764 г. получилъ чинъ вице-адмирала и назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта; въ 1765 г. награжденъ орденомъ св. Анны и назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи; въ 1767 г. засѣдалъ въ Комиссіи для составленія проэкта уложенія въ качествѣ депутата отъ Васильевскаго острова и Адмиралтействъ-Коллегіи; въ 1769 г. произведенъ въ адмиралы; въ 1773 и 1774 гг., въ отсутствіи графа П. Чернышева, управлялъ коллегіей, а въ 1775 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью, съ награжденіемъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Нагаевъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ гидрографовъ и картографовъ; имъ составлены карты: части Каспійскаго моря, Камчатскаго моря и устьевъ Амура, устьевъ рѣки Колымы и Медвѣжьихъ острововъ, Ладожскаго озера, Москвы-рѣки. Главный его трудъ—атласъ картъ Балтійскаго моря, въ теченіе 60 лѣтъ служившій русскимъ морякамъ руководствомъ для плаванія. Большинство картъ, за исключеніемъ картъ Сибирскихъ, было результатомъ его личныхъ изслѣдованій. По словамъ Веревкина, біографа Нагаева, „въ жилищѣ его не было мѣста, не занятаго бумагами, книгами или картами. Только во время сна онъ не имѣлъ въ рукахъ грифеля, пера или карандаша“. Нагаевъ собиралъ также матеріалы для біографій русскихъ моряковъ и письма Петра Великаго, впослѣдствіи изданныя Берхомъ. Скончался онъ въ Петербургѣ 8 Января 1781 года.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

249

ALEXIS IVANOWITCH NAGAEFF, 1704—1781, descendant d'une famille noble d'origine tatare, naquit de parents peu aisés en mars 1704 au bourg de Sertykino, gouvernement de Moscou. Entré à 11 ans à l'Académie Navale, il fut promu enseigne en 1721. Il fit entre Cronstadt et Arkhangel un certain nombre de croisières, au cours de l'une desquelles la frégate qu'il commandait sombra: mis en jugement, il fut cependant acquitté. Il fut après 1740 conseiller aux bureaux de l'Académie, et, de 1757 à 1761, directeur de l'Ecole Navale, à la réforme de laquelle il coopéra. En 1762 membre de la Commission de perfectionnement de la marine et promu contre-amiral, il devint en 1764 vice-amiral et commandant en chef du port de Cronstadt, fut en 1765 décoré de Ste-Anne et fait membre du Collège des Amirautés, fit partie en 1767 de la Commission du projet de Code comme délégué de Vassili-Ostroff et des Amirautés, passa amiral en 1769, puis fit en 1773 et 1774 l'intérim de la direction du Collège des Amirautés en l'absence du comte I. Tchernycheff, enfin, fut admis à la retraite en 1775 pour raisons de santé et décoré de St-Alexandre Newsky.

Un des premiers hydrographes et cartographes russes, Nagaeff dressa la carte de régions de la Mer Caspienne, de la Mer du Kamtchatka et des bouches de l'Amour, de celles de la Kolyma et des Iles-aux-Ours, du Lac Ladoga, de la Moskova. Son grand travail fut un atlas de la Baltique dont les cartes furent soixante ans en usage dans la marine russe. La plupart de ces cartes, sauf celles de la Sibérie, étaient le résultat de ses explorations personnelles. „Il n'y avait pas un coin chez lui", dit son biographe Vérevkine, „qui ne fût couvert de papiers, de livres et de cartes. Tant qu'il n'était pas au lit, il avait la craie, la plume ou le crayon à la main". Nagaeff recueillit également des matériaux pour la biographie des marins russes et fit une collection de lettres de Pierre-le-Grand publiée plus tard par Berg. Il mourut à Pétersbourg le 8 janvier 1781.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

250

ЮРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛИСЯНСКІЙ, 1773—1837, участникъ перваго русскаго кругосвѣтнаго путешествія, извѣстный сотрудникъ знаменитаго адмирала Крузенштерна, родился 2 Августа 1773 года. Воспитанникъ Морского корпуса съ 1783 г., Лисянскій 20 Марта 1786 г. былъ произведенъ въ гардемарины. Во время Шведской войны былъ въ крейсерствѣ у Гельсингфорса и на фрегатѣ „Подражиславъ“ участвовалъ въ Гохландскомъ сраженіи; въ 1789 г. былъ произведенъ въ мичманы и участвовалъ, въ этомъ году и въ слѣдующемъ, во всѣхъ крупныхъ морскихъ бояхъ со шведами. Въ 1793 г. произведенъ въ лейтенанты и командированъ въ Англію для службы „волонтеромъ“ на судахъ Англійскаго флота. Здѣсь онъ участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ съ французами и плавалъ около береговъ Африки, Азіи и Америки. По возвращеніи въ Россію, Лисянскій былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты 27 Марта 1798 г. и назначенъ командиромъ фрегата „Автроплъ“. Въ 1803 г., за 18 морскихъ кампаній, получилъ орденъ св. Георгія 4 класса. Въ этомъ же году издалъ переведенную имъ съ англійскаго книгу Клерка „Движеніе флотовъ“. Командуя шлюпомъ „Нева“, отправился вмѣстѣ съ Крузенштерномъ (шлюпъ „Надежда“) въ кругосвѣтное путешествіе, съ цѣлью достичь моремъ береговъ Россійско-Американскихъ колоній; при этомъ онъ заходилъ на острова Тенериѳъ и св. Екатерины, въ Бразилію. Въ 1804 г., обогнувъ мысъ Горнъ, Лисянскій, на Сандвичевыхъ островахъ, отдѣлился отъ шлюпа „Надежда“ и взялъ самостоятельный курсъ на о. Кадьякъ, потомъ отправился къ Ситхѣ, гдѣ оказалъ помощь главному начальнику русскихъ Сѣверо-Американскихъ колоній, Баранову, въ возвращеніи взятаго и разореннаго калошами г. Новоархангельска. Въ 1805 г., на возвратномъ пути, открылъ острова Лисянскаго и Крузенштерна и въ Кантонѣ опять соединился съ „Надеждой“. Обогнувъ мысъ Доброй Надежды, послѣ 142-дневнаго плаванія, Лисянскій пришелъ въ Портсмутъ, а оттуда 26 Іюня 1806 г. возвратился въ Кронштадтъ и былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1809 г., 8 Января, Лисянскій былъ уволенъ отъ службы. Въ 1812 г. онъ издалъ описаніе своего кругосвѣтнаго плаванія, обнаруживъ выдающуюся наблюдательность. Заглавіе книги: „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ“, съ приложеніемъ обстоятельнаго и точнаго Атласа. Позднѣе свое сочиненіе Лисянскій перевелъ на англійскій языкъ и издалъ въ Лондонѣ въ 1814 году. Книги эти въ настоящее время довольно рѣдки, а имя путешественника предано незаслуженному забвенію. Насколько помнятъ еще Крузенштерна, настолько же мало извѣстенъ, внѣ круга спеціалистовъ, спутникъ и его сотрудникъ Лисянскій.

Ю. Ѳ. Лисянскій умеръ въ Петербургѣ, въ чинѣ капитана 1 ранга, 22 Февраля 1837 года и похороненъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, пастелью, изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

YOURI FÉODOROWITCH LISSIANSKY, 1773—1837, connu comme collaborateur du célèbre amiral Krusenstern, avec lequel il fit le premier voyage russe autour du monde, naquit le 2 août 1773. Entré à l'Ecole Navale en 1783, il fut promu garde-marine le 20 mars 1786. Lors de la guerre de Suède, il croisa en vue d'Helsingfors et, avec la frégate Podragislav, prit part à la bataille de Hogland; enseigne en 1789, il fut, cette même année et la suivante, de toutes les grandes batailles navales avec les Suédois. Promu lieutenant en 1793 et envoyé en Angleterre comme volontaire à bord de la marine anglaise, il fit la guerre navale avec la France et des croisières sur les côtes d'Afrique, d'Asie et d'Amérique. De retour en Russie, il passa capitaine lieutenant le 27 mars 1798 et reçut le commandement de la frégate Avtroïl. En 1803, ses dix-huit campagnes sur mer lui valurent St-Georges de 4e classe. Il publia la même année sa traduction du Mouvement des flottes de l'anglais Clarke. A la tête de la chaloupe Néva, il entreprit le tour du monde avec Krusenstern montant la chaloupe Nadejda, en vue d'aborder l'Amérique Russe par mer. Touchant Ténériffe et l'île Ste-Catherine au Brésil, il doubla en 1804 le cap Horn, se sépara ensuite de la Nadejda aux Iles Sandwich et mit le cap sur l'île Kadiak, puis sur Sitkha, où il prêta main forte au commandant en chef de l'Amérique Russe, Baranoff, pour recouvrer la ville de Novo-Arkhangelsk, prise et saccagée par les indigènes. En 1805, au retour, il découvrit les Iles Lissiansky et Krusenstern, et rallia la Nadejda à Canton. Il doubla ensuite le cap de Bonne-Espérance, et, après 142 jours de mer, aborda à Portsmouth. Rentré à Cronstadt le 26 juin 1806, il fut promu capitaine de 2e rang. Il prit sa retraite le 8 janvier 1809, et fit paraître en 1812 sous le titre de Voyage autour du monde en 1803, 1804, 1805 et 1806, avec un Atlas exact et détaillé, une relation qui témoigne de qualités d'observation peu communes et qui parut à Londres en 1814, traduite en anglais par l'auteur lui-même. L'ouvrage est aujourd'hui assez rare et le nom du navigateur est tombé dans un oubli bien immérité: autant Krusenstern est célèbre, autant est ignoré, en dehors d'un petit nombre de spécialistes, son compagnon et collaborateur Lissiansky.

Lissiansky mourut capitaine de premier rang à Pétersbourg le 22 février 1837, et fut inhumé au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un pastel de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

251

Князь ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1786—1812, сынъ тайнаго совѣтника, посла при шведскомъ дворѣ, владѣльца знаменитаго, нынѣ Юсуповскаго, подмосковнаго села Архангельскаго, князя Николая Алексѣевича Голицына (р. 1751 г., † 1809 г.), женатаго на Маріи Адамовнѣ Олсуфьевой (р. 1757 г., † 1820 г.), служилъ въ гражданской службѣ и въ первыхъ годахъ XIX столѣтія былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Когда начались Наполеоновскія войны, онъ поспѣшилъ вступить въ ряды арміи и участвовалъ въ кампаніяхъ 1805—1807 годовъ, а затѣмъ въ Отечественной войнѣ. При Бородинѣ, въ чинѣ майора, онъ былъ раненъ и 20 Сентября 1812 года скончался въ г. Владимірѣ, гдѣ и похороненъ.

(Съ портрета Молинари; собственность княжны А. П. Голицыной, с. Никольское-Урюпино, Московской губ.)

251

Le prince DMITRI NIKOLAEWITCH GOLITZYNE, 1786—1812, fils du prince Nicolas Alexéewitch Golitzyne (1751—1809), conseiller privé, ambassadeur près la cour de Suède, possesseur d'Arkhangelskoïé, le célèbre bourg des environs de Moscou appartenant aujourd'hui aux princes Youssoupoff, et de Marie Adamowna, née Olsoufieff (1757—1820), fut fonctionnaire civil, et devint gentilhomme de la chambre peu après 1800. Dès le début des guerres napoléoniennes, il s'empressa de prendre du service aux armées et fit toutes les campagnes de 1805 à 1807, puis la Guerre Patriotique. Blessé à Borodino (il était alors major), il mourut le 20 septembre 1812 à Vladimir, où il fut inhumé.

(D'après un original de Molinari, appartenant à la princesse A. Golitzyne, Nikolskoïé-Ourupino, gouv. de Moscou.)

Княгиня МАРІЯ АДАМОВНА ГОЛИЦЫНА, 1757—1820, дочь любимаго секретаря Екатерины II, Адама Васильевича Олсуфьева († 1784 г.), отъ второго брака его съ Анной Васильевной Салтыковой, родилась 22 Іюля 1757 года. Въ 1780 г. она вышла замужъ за двоюроднаго своего брата по матери, шталмейстера князя Николая Алексѣевича Голицына (р. 1751 г., † 1809 г.), впослѣдствіи посланника при Шведскомъ дворѣ. Бракъ этотъ былъ однимъ изъ первыхъ, допущенныхъ въ Россіи, браковъ между двоюродными, прецедентомъ коему послужилъ, какъ „начальная", по словамъ Карабанова, „причина великаго зла", бракъ князя Григорія Орлова съ его двоюродной сестрой, Зиновьевой. Изъ многочисленнаго потомства князя Николая Алексѣевича и княгини Маріи Адамовны Голицыныхъ (16 человѣкъ дѣтей) въ живыхъ осталось только три сына и одна дочь, остальные всѣ умерли въ раннемъ возрастѣ. Сдѣлавшись послѣ смерти своего мужа владѣтельницей принадлежавшаго ему подмосковнаго села Архангельскаго, княгиня Марія Адамовна Голицына продала его за 100.000 рублей ассигнаціями князю Н. Б. Юсупову. Въ саду Архангельскаго находился выстроенный княгиней Маріей Адамовной домъ, называвшійся „Капризъ". Поссорившись какъ-то съ мужемъ, княгиня не захотѣла жить съ нимъ въ одномъ домѣ и выстроила для себя отдѣльный домикъ на возвышенности, безъ крыльца, съ отлогой дорожкой, ведшей къ самому порогу дверей. Она любила жить широко и открыто, весело проводить время и не стѣсняла себя въ расходахъ, чѣмъ сильно разстроила состояніе мужа.

Княгиня Марія Адамовна Голицына имѣла званіе статсъ-дамы и скончалась въ Петербургѣ 13 Декабря 1820 года. Погребена она на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Изъ сыновей ея — старшій, князь Алексѣй Николаевичъ (р. 1781 г.), умеръ въ чинѣ майора, второй, Дмитрій, умеръ въ томъ же чинѣ въ 1812 г. отъ раны, полученной при Бородинѣ, третій, князь Михаилъ Николаевичъ, женатый на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Вяземской, почетный опекунъ, извѣстенъ былъ, какъ писатель; дочь ея, княжна Марія Николаевна, умерла дѣвицею, 14 лѣтъ отъ роду.

(Съ портрета Молинари; собственность княжны А. П. Голицыной, с. Никольское-Урюпино, Московской губ.)

252

La princesse MARIE ADAMOWNA GOLITZYNE, 1757—1820, fille du secrétaire préféré de Catherine II, Adam Vassiliewitch Olsoufieff († 1784) et de sa seconde femme, Anne Vassiliewna Saltykoff, naquit le 22 juillet 1757. Elle épousa en 1780 un cousin germain du côté de sa mère, le prince Nicolas Alexéewitch Golitzyne (1751—1809), écuyer, plus tard ambassadeur près la cour de Suède. Ce fut un des premiers en Russie de ces mariages consanguins, qui reconnaissent comme précédent, „cause primordiale", dit Karabanoff, „d'un mal considérable", celui du prince Grégoire Orloff avec sa cousine germaine, Mlle Zinovieff. Des seize enfants de la princesse Golitzyne, quatre seulement parvinrent à l'âge d'homme, trois fils et une fille. Elle vendit 100.000 roubles assignats au prince N. Youssoupoff le bourg d'Arkhangelskoïé, aux environs de Moscou, devenu sa propriété à la mort de son mari. A la suite d'une brouille avec lui, ne voulant plus rester sous son toit, elle s'était fait bâtir dans le jardin une maison appelée Caprice, sur une hauteur, sans perron, avec une rampe d'accès montant jusqu'au seuil même de la porte. Son goût pour la vie large, les réceptions, les distractions et la dépense, compromit sérieusement la fortune de son mari.

La princesse Golitzyne avait le chiffre de dame d'honneur. Elle mourut à Pétersbourg le 13 décembre 1820, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

De ses fils, l'aîné, Alexis (né 1781), mourut major, le second, Dmitri, mourut en 1812, également major, d'une blessure reçue à Borodino; le troisième, Michel, tuteur honoraire, épousa la princesse Anne Nikolaewna Viazemsky: il est connu comme écrivain. La fille de la princesse Marie Golitzyne, Marie, mourut sans alliance, à 14 ans.

(D'après un original de Molinari, appartenant à la princesse A. Golitzyne, Nikolskoïé-Ourupino, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1781—1863, сенаторъ, Московскій почтъ-директоръ, старшій сынъ дипломата дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Якова Ивановича Булгакова и француженки Екатерины Любимовны Эмберъ (Imbert; позднѣе за докторомъ Шумлянскимъ), родился 15 Ноября 1781 г. въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его былъ тогда чрезвычайнымъ посланникомъ; въ 1790 г., вмѣстѣ съ братомъ, получилъ фамилію и гербъ Булгаковыхъ. Воспитывался въ Петербургской нѣмецкой школѣ св. Петра. Записанный съ 1789 г. сержантомъ въ Преображенскій полкъ, въ 1796 г. поступилъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Съ 1802 г. состоялъ при миссіи въ Неаполѣ и Палермо; въ 1809 г., чтобы жить въ Москвѣ вмѣстѣ съ отцомъ, причислился къ Московскому Архиву Иностранныхъ дѣлъ; въ 1812 г. назначенъ чиновникомъ для особыхъ порученій къ Ростопчину, особенную любовь котораго и довѣріе сумѣлъ заслужить, при чемъ самъ относился къ нему съ глубокимъ благоговѣніемъ и почитаніемъ; въ этой должности онъ состоялъ и при преемникѣ Ростопчина, Тормасовѣ. Произведенный въ 1819 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованный въ 1826 г. въ камергеры, продолжалъ числиться при Архивѣ, пока въ 1832 г. не былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ, къ большому удовольствію москвичей и чиновниковъ Почтоваго вѣдомства, еще живо помнившихъ искренно всѣми любимаго его брата, К. Я. Булгакова, положившаго не мало труда на устройство Московскаго почтамта. Самъ мастеръ писать письма, страстный любитель новостей, А. Я. Булгаковъ имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ для удовлетворенія этой своей слабости; по выраженію князя Вяземскаго, онъ „купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ рѣкѣ“. Поэтому для него было большимъ ударомъ перемѣщеніе въ 1856 г. съ должности почтъ-директора въ Сенатъ. Булгаковъ быстро осунулся и, 7 лѣтъ спустя, умеръ въ Дрезденѣ въ 1863 году.

Женатъ былъ 2 раза: на княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Хованской (р. 7 Мая 1785 г., † 9 Апр. 1841 г.), отъ которой имѣлъ 2 сыновей: Константина, извѣстнаго повѣсу, и Павла, и дочерей: Екатерину (за Соломирскимъ) и Ольгу (за княземъ Долгорукимъ), и вторымъ бракомъ—на Мацневой.

Сынъ француженки, уроженецъ юга, Булгаковъ по внѣшности и темпераменту, отражавшемуся на его живомъ лицѣ и въ тѣлодвиженіяхъ, напоминалъ южанина, по убѣжденіямъ же и вкусамъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Не имѣя глубокаго ума, считался образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, былъ пріятенъ въ обществѣ, умѣлъ хорошо подмѣчать слабости людей и ихъ искусно передразнивать; мастеръ разсказывать, любилъ чтеніе и самъ былъ не чуждъ литературы, хотя и безъ особеннаго успѣха. Былъ друженъ со многими выдающимися людьми своего времени: съ Вяземскимъ, Тургеневымъ, Закревскимъ, Воронцовымъ, пользовался благоволеніемъ Государя Николая Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича, котораго умѣлъ развлекать въ Москвѣ своими остроумными разсказами. Человѣкъ общительный, онъ имѣлъ обширный кругъ знакомства; часто получалъ отъ брата Петербургскія новости, Булгаковъ являлся въ Москвѣ какъ бы живой газетой и любилъ первый сообщить какое-нибудь особенно пріятное извѣстіе. Въ его обширной перепискѣ, по словамъ князя Вяземскаго, отразились „весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія, слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица, съ вѣрностью и живостью“. По Булгаковъ, кромѣ писемъ, оставилъ еще интересныя „Записки“, только незначительная часть которыхъ была напечатана, изданія же остальной—приходится ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ.

(Съ портрета Астрахова, 1809 г.; собственность Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE YAKOVLEWITCH BOULGAKOFF, 1781—1863, sénateur, directeur des Postes de Moscou, fils aîné du diplomate Jacob Boulgakoff, conseiller privé actuel, et d'une française, Catherine Imbert, qui épousa plus tard le docteur Choumliansky, naquit le 15 novembre 1781 à Constantinople, où son père était alors envoyé extraordinaire, et reçut en 1790, ainsi que son frère, le nom et les armes des Boulgakoff. Il fit ses études à l'école allemande St-Pierre, à Pétersbourg. Enrôlé en 1789 sergent au régiment Préobragensky, il prit en 1796 du service au Collège des Affaires étrangères, fut attaché en 1802 à la mission diplomatique de Naples et Palerme, et, en 1809, pour rester près de son père à Moscou, se fit donner un emploi aux Archives du ministère des Affaires étrangères. En 1812, il fut nommé fonctionnaire des commissions spéciales près du comte Rostoptchine, dont il sut se concilier l'affection et la confiance particulières: lui-même, de son côté, lui témoignait une vénération et une estime profondes, et resta en fonctions près de son successeur Tormassoff. Il passa en 1819 conseiller privé actuel, puis fut fait en 1826 chambellan, toujours sans quitter les Archives; enfin, en 1832, il fut nommé directeur des Postes de Moscou, à la grande satisfaction des moscovites et des fonctionnaires de cette administration: personne n'avait oublié son frère Constantin, si chaleureusement apprécié à Moscou pour les soins qu'il avait apportés à l'organisation de la Poste. Maître lui-même dans l'art de la correspondance, amateur passionné de nouvelles, Boulgakoff avait maintenant à sa disposition de riches matériaux pour satisfaire sa faiblesse: comme dit Viazemsky, il „plongeait et nageait dans les lettres comme le poisson dans l'eau". Aussi ce fut pour lui un coup terrible quand il dut, en 1856, quitter les Postes pour le Sénat: il baissa rapidement et mourut à Dresde au bout de sept ans, en 1863.

Il fut marié deux fois; de la princesse Natalie Vassiliewna Khovansky (7 mai 1785—9 avril 1841), il eut deux fils, Constantin, connu par ses frasques, et Paul, et deux filles, Catherine, mariée à Solomirsky, et Olga, au prince Dolgorouky; il épousa en secondes noces Mlle Matzneff.

Fils d'une française, originaire du midi, Boulgakoff était un vrai méridional par son extérieur et par son tempérament, qui perçait dans sa mobilité d'expression et ses gestes: mais comme idées et comme goûts, il était foncièrement russe. Sans avoir un esprit profond, il passait pour l'homme le plus cultivé de son temps; il était agréable en société, savait saisir les faiblesses des gens et possédait le talent de les parodier. Passé maître dans l'art de raconter, il aimait la lecture, et s'essaya même comme écrivain, mais sans trop de succès. Il était lié avec beaucoup d'hommes éminents de son temps, Viazemsky, Tourguéneff, Zakrewsky, Vorontzoff, et jouissait de la faveur de l'Empereur Nicolas et du Grand-Duc Michel Pavlowitch, qu'il sut distraire à Moscou par ses récits spirituels. Eminemment sociable, il avait un cercle de relations très étendu; tenu par son frère au courant des événements de Pétersbourg, il était pour Moscou une sorte de gazette vivante, et aimait être le premier à répandre une nouvelle particulièrement heureuse. Son immense correspondance est, dit Viazemsky, un écho, „plein d'exactitude et de vivacité, de toute la vie, de tout le mouvement de l'Etat et de la société, des événements, bruits, affaires et racontars, des institutions et des hommes". Mais Boulgakoff, outre ses lettres, a encore laissé d'intéressants Mémoires, dont il n'a été publié qu'une toute petite partie: on ne saurait trop impatiemment attendre le reste.

(D'après un original d'Astrakhoff, 1809, appartenant à Mlle C. Boulgakoff, St-Pétersbourg.)

КОНСТАНТИНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУЛГАКОВЪ, 1782—1835, Петербургскій почтъ-директоръ и управляющій Почтовымъ департаментомъ, родился въ Константинополѣ 31 Декабря 1782 г.; учился вмѣстѣ со старшимъ братомъ А. Я. Булгаковымъ въ Училищѣ св. Петра и въ 1797 г. поступилъ въ Архивъ Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ. Въ 1802 г. причисленъ къ посольству въ Вѣнѣ и заслужилъ расположеніе какъ князя А. Б. Куракина, такъ и графа А. К. Разумовскаго, довѣрившихъ Булгакову секретныя дѣла. Въ 1807 г. сопровождалъ Поццо-ди-Борго въ Архипелагъ, а съ 1810 по 1812 г. состоялъ правителемъ Дипломатической канцеляріи главнокомандующихъ Молдавской арміей, графа Каменскаго и Кутузова. Оба полюбили способнаго, всегда бодраго и веселаго Булгакова, и первый въ своемъ завѣщаніи поручалъ его покровительству Государя, а второй любилъ говорить: „Когда вижу Булгакова, у меня сердце радуется!“ Посланный въ Константинополь адмираломъ Чичаговымъ, Булгаковъ блестяще исполнилъ порученіе, достигнувъ ратификаціи султаномъ мирнаго договора. Въ 1813 г. онъ управлялъ Гродненской губерніей, затѣмъ состоялъ при князѣ П. М. Волконскомъ и Нессельроде, а въ день вступленія русскихъ въ Парижъ находился при Александрѣ I, и ему поручено было принимать прошенія; затѣмъ сопровождалъ Государя въ Лондонъ, а графа Нессельроде на Вѣнскій конгрессъ. Въ 1816 г., незадолго передъ тѣмъ женившійся на дочери Валахскаго вестіарія, румынкѣ Маріи Константиновнѣ Варламъ, Булгаковъ отказался отъ мѣста посланника въ Даніи и былъ назначенъ Московскимъ почтъ-директоромъ. Въ Москвѣ онъ заслужилъ всеобщую любовь; почтовые чиновники, провожая его, благодарили за заботы объ ихъ нуждахъ и „всевозможныя благодѣянія“, которыя онъ „возвышалъ искреннимъ и всегда ободряющимъ обращеніемъ, благосклонными и съ отеческой нѣжностью соединенными наставленіями“. Въ 1819 г. переведенъ на ту же должность въ Петербургъ, въ 1821 г. награжденъ Владиміромъ 2-й ст., въ 1826 г. произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1832 г. получилъ Бѣлаго Орла. Булгаковъ умеръ отъ удара 29 Октября 1835 г., всего 53 лѣтъ, и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Булгаковъ сдѣлалъ много полезнаго въ почтовомъ дѣлѣ: ускорилъ движеніе почты, впервые устроилъ городскую почту, уменьшилъ таксу, ввелъ дилижансы, экстра-почту, заключилъ конвенцію съ Пруссіей.... Государи Александръ I и Николай Павловичъ, Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна выражали ему свое благоволеніе. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ, К. Я. Булгаковъ пользовался общей симпатіей. Живой и общительный, онъ и внѣшностью напоминалъ старшаго брата, но его нравственныя правила и убѣжденія были чище, его сердечность глубже, его доброта была совершенно чужда своекорыстныхъ соображеній. Онъ былъ всѣмъ доступенъ и со всѣми вѣжливъ, особенно съ подчиненными; его готовность помочь всякому была общеизвѣстна, и онъ являлся, какъ говоритъ П. А. Вяземскій, „средоточіемъ, къ которому стекались повсемѣстныя просьбы“. Онъ обладалъ „особенной ловкостью“ убѣждать людей холодныхъ и недоступныхъ, и его ходатайства достигали цѣли; онъ никогда ничего не просилъ для себя и никому никогда не отказывалъ самъ, такъ что почти всѣ считали себя въ долгу передъ нимъ. Домъ его часто бывалъ полонъ гостей, и эти собранія были „биржей животрепещущихъ новостей“, но самъ Булгаковъ былъ надежнымъ хранителемъ извѣстныхъ ему тайнъ. Устраивая у себя благотворительные вечера и лотереи, онъ любилъ самъ отыскивать бѣдныхъ и оказывать имъ помощь. Его обширная переписка, изданная въ „Русскомъ Архивѣ“, является богатой и интересной хроникой русскаго общества начала XIX вѣка и дастъ обильный матеріалъ для симпатичной характеристики самого писавшаго.

Марія Константиновна Булгакова (съ 1832 г. кавалерств. дама орд. св. Екатерины 2 класса) пережила мужа на 43 г., умерла 83 лѣтъ (р. 3 Апр. 1796 г., † 17 Апр. 1879 г.) и похоронена рядомъ съ нимъ. У нихъ были дѣти: сынъ Александръ и дочери: Софія (за графомъ Перовскимъ), Марія и Екатерина.

(Съ портрета Молинари; собственность Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.)

CONSTANTIN YAKOVLEWITCH BOULGAKOFF, 1782—1835, directeur des Postes et gérant du département des Postes à Pétersbourg, naquit à Constantinople le 31 décembre 1782. Il fit ses études avec son frère aîné Alexandre à l'école St-Pierre, et, en 1797, entra aux Archives des Affaires étrangères à Moscou. En 1802, il fut attaché à l'ambassade de Vienne et se concilia la bienveillance aussi bien du prince Kourakine que du comte Razoumowsky, qui lui avaient confié les affaires secrètes. En 1807, il accompagna Pozzo-di-Borgo dans l'Archipel, et, en 1810—1812, fut à la tête de la chancellerie diplomatique du comte Kamensky et de Koutouzoff, commandants en chef de l'armée de Moldavie. Tous deux le prirent en affection pour sa capacité, son entrain et sa gaîté; le premier le confie dans son testament à la protection de l'Empereur, et le second répète: „Quand je vois Boulgakoff, mon cœur se réjouit". Envoyé à Constantinople par l'amiral Tchitchagoff, Boulgakoff s'acquitta brillamment de sa mission en obtenant du sultan la ratification de la paix. En 1813, il administra le gouvernement de Grodno, puis fut attaché au prince P. Volkonsky et au comte Nesselrode, et, le jour de l'entrée des Russes à Paris, se trouva aux côtés d'Alexandre Ier, avec la mission de recevoir les suppliques; il accompagna ensuite l'Empereur à Londres et le comte Nesselrode au congrès de Vienne. En 1816, peu après son mariage avec une roumaine, Marie Konstantinowna Varlame, fille d'un dignitaire valaque, il renonça au poste d'ambassadeur en Danemark, pour se faire nommer directeur des Postes à Moscou. Il se fit, là aussi, universellement aimer, et, à son départ, les fonctionnaires placés sous ses ordres lui exprimèrent leur gratitude pour sa sollicitude à leur égard et pour ses „bienfaits de toute nature", qu'il „relevait par son attitude franche et toujours encourageante, par ses instructions d'une bienveillance et d'une tendresse paternelles". En 1819, il passa avec la même fonction à Pétersbourg, en 1821, reçut St-Vladimir de 2e classe, en 1826, fut promu conseiller privé et, en 1832, décoré de l'Aigle Blanc. Boulgakoff mourut d'apoplexie le 29 octobre 1835, à l'âge de 53 ans seulement, et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Il fit beaucoup de bien aux Postes: il accéléra les échanges, fit desservir pour la première fois l'intérieur de la ville, abaisser la taxe, employer les diligences, créa la poste extraordinaire, conclut une convention avec la Prusse. Les Empereurs Alexandre et Nicolas, les Impératrices Marie Féodorowna et Alexandra Féodorowna lui témoignèrent leur gratitude. Ses qualités personnelles lui attirèrent toutes les sympathies. Gai et sociable comme son frère aîné, il lui ressemblait aussi physiquement; mais il était plus pur de principes et de convictions, sa cordialité était plus profonde, sa bonté dégagée de considérations d'intérêt. Accessible à tous, aimable avec tous, surtout avec ses subordonnés, on le savait toujours disposé à rendre service: il était, selon l'expression de Viazemsky, „le point de concentration de sollicitations venues de partout". Il avait „un talent particulier" pour venir à bout des gens au cœur froid et à l'accès difficile, et son entremise était toujours couronnée de succès; il ne demandait jamais rien pour lui et ne refusait lui-même jamais rien à personne, de sorte que presque tout le monde se sentait en reste avec lui. Sa maison était souvent pleine d'invités: c'était „une bourse de nouvelles d'un intérêt palpitant", mais lui gardait scrupuleusement les secrets dont il avait connaissance. Il organisait chez lui des soirées et des loteries de bienfaisance, et aimait aller lui-même à la recherche des pauvres et leur porter secours. Son immense correspondance, publiée dans l'Archive Russe, est une riche et intéressante chronique de la société russe du commencement du XIXe siècle, et donne, sous nombre de rapports, une idée bien sympathique de la personnalité de l'auteur.

Marie Konstantinowna Boulgakoff, née le 3 avril 1796, dame de l'Ordre de Ste-Catherine de 2e classe depuis 1832, mourut à l'âge de 83 ans, le 17 avril 1879, après avoir survécu de 43 ans à son mari, et fut inhumée à ses côtés. Ils eurent un fils, Alexandre, et trois filles, Sophie, plus tard Mme Pérowsky, Marie et Catherine.

(D'après un original de Molinari, appartenant à Mlle C. Boulgakoff, St-Pétersbourg.)

152

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ,
1739 — 1791

Le Prince Grégoire Alexandrowitch Potemkine,
1739 — 1791

153

Елена Александровна Энгельгардтъ,
172. — 17..

Hélène Alexandrowna Engelhardt,
172. — 17..

154

Графъ Ксаверій Петровичъ Браницкій,
1731 — 1817

Le Comte Xavier Pétrowitch Branicki,
1731 — 1817

155

Графъ Владиславъ Ксаверіевичъ Браницкій,
1782 — 1843

Le Comte Vladislas Ksavériewitch Branicki,
1782 — 1843

156

Пис. Isabe, 1814 г. — Peint par Isabey, 1814

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельродe,
1780 — 1862

Le Comte Charles Vassiliewitch Nesselrode,
1780 — 1862

157

Пис. Isabe, 1814 г. — Peint par Isabey, 1814

Графиня Марія Дмитріевна Нессельродe,
1786 — 1849

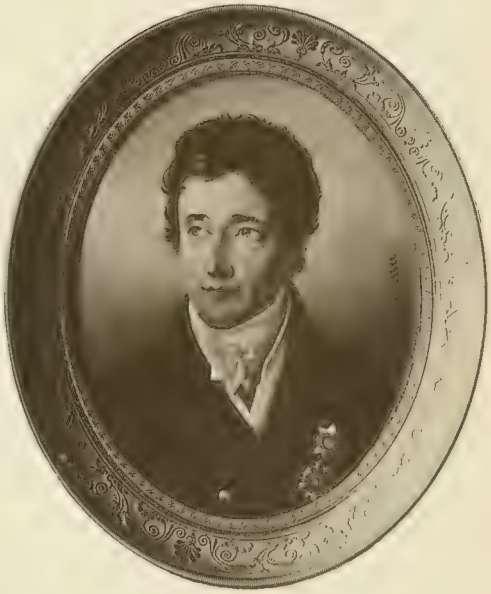
La Comtesse Marie Dmitrievna Nesselrode,
1786 — 1849

158

Князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій,
1752 — 1836

Le Prince André Kirillowitch Razoumowsky,
1752 — 1836

159



Пис. Mansion, 1822 г. — Peint par Mansion, 1822

Графъ Никита Петровичъ Панинъ,
1771 — 1837

Le Comte Nikita Pétrowitch Panine,
1771 — 1837

160

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Григорій Николаевичъ Тепловъ, — *Grégoire Nikolaewitch Tépleff,*

1711 — 1779 — *1711 — 1779*

161

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Алексѣй Степановичъ Волковъ, — *Alexis Stépanowitch Volkoff,*

1726 — 178. — *1726 — 178.*

162

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, — *Le Comte Arthème Ivanowitch Worontzoff,*

1748 — 1799 — *1748 — 1799*

163

Пис. Левицкій — Peint par Lévitzky

Графиня Прасковія Ѳедоровна Воронцова, — *La Comtesse Prascovie Féodorowna Worontzoff,*

1750 — 1797 — *1750 — 1797*

164

Станиславъ
Сестренцевичъ-Богушъ,
1731 — 1826

Stanislas
Siestrencewicz de Bohusz,
1731 — 1826

165

Станиславъ-Августъ
Понятовскій,
1732 — 1798

Stanislas-Auguste
Poniatowsky,
1732 — 1798

166

Князь Константинъ Ксаверіевичъ
Любомирскій,
1786 — 18..

Le Prince Constantin Ksavériewitch
Lubomirsky,
1786 — 18..

167

Княгиня Екатерина Николаевна
Любомирская,
1789 — 1870

La Princesse Catherine Nikolaewna
Lubomirsky,
1789 — 1870

168

Баронъ Сергій Николаевичъ Строгановъ, 1738 — 1777

Le Baron Serge Nikolaewitch Stroganoff, 1738 — 1777

169

Баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ, 1740 — 1789

Le Baron Alexandre Nikolaewitch Stroganoff, 1740 — 1789

170

Пис. Монье, 1808 г.

Peint par Monnier, 1808

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, 1774 — 1817

Le Comte Paul Alexandrowitch Stroganoff, 1774 — 1817

171

Пис. Сwinцовъ

Peint par Svintzoff

Графъ Александръ Павловичъ Строгановъ, 1795 — 1814

Le Comte Alexandre Pavlowitch Stroganoff, 1795 — 1814

172

Пис. Соколовъ, 1823 г. — Peint par Sokoloff, 1823

Графъ Валентинъ Григорьевичъ Строгановъ, 1801 — 1833 — *Le Comte Valentin Grigoriewitch Stroganoff, 1801 — 1833*

173

Пис. Изабе, 1818 г. — Peint par Isabey, 1818

Графиня Юлія Петровна Строганова, 1782 — 1864 — *La Comtesse Julie Pétrowna Stroganoff, 1782 — 1864*

174

Пис. Сапожковъ, 1821 г. — *Peint par Sontzoff, 1821*

Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, 1794 — 1882 — *Le Comte Serge Grigoriewitch Stroganoff, 1794 — 1882*

175

Пис. Сапожковъ, 1821 г. — *Peint par Sontzoff, 1821*

Графиня Наталія Павловна Строганова, 1796 — 1872 — *La Comtesse Natalie Pavlowna Stroganoff, 1796 — 1872*

176

Иванъ Ивановичъ Мелиссино, 1718 — 1795 — *Ivan Ivanowitch Mélissino, 1718 — 1795*

177

Пис. Доу — *Peint par Dawe*

Алексѣй Петровичъ Мелиссино, 1761 — 1813 — *Alexis Pétrowitch Mélissino, 1761 — 1813*

178

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ, 1778 — 1864 — *Le Comte Pierre Pétrowitch Pahlen, 1778 — 1864*

179

Пис. Олешкевичъ, 1823 г. — *Peint par Oleshkewitch, 1823*

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, 1798 — 1870 — *Alexis Féodorowitch Lvoff, 1798 — 1870*

180

Пис. Левицкій Peint par Levitzky

Прокофій Акинфіевичъ
Демидовъ,
1710 — 1788

Procope Akinfiewitch
Démidoff,
1710 — 1788

182

Никита Акинфіевичъ
Демидовъ,
1724 — 1789

Nikita Akinfiewitch
Démidoff,
1724 — 1789

183

Александръ Григорьевичъ
Демидовъ,
1737 — 1803

Alexandre Grigoriewitch
Démidoff,
1737 — 1803

181

Григорій Акинфіевичъ
Демидовъ,
1715 — 1761

Grégoire Akinfiewitch
Démidoff,
1715 — 1761

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

184

Графиня Софія Александровна Головкина,
1766 — 1831

La Comtesse Sophie Alexandrowna Golovkine,
1766 — 1831

185

Инс. Бодуенъ *Peint par Baudouin*

Прасковія Матвѣевна Демидова,
1730 — 1813

Prascovie Matvéevna Démidoff,
1730 — 1813

186

Григорій Александровичъ Демидовъ,
1765 — 1827

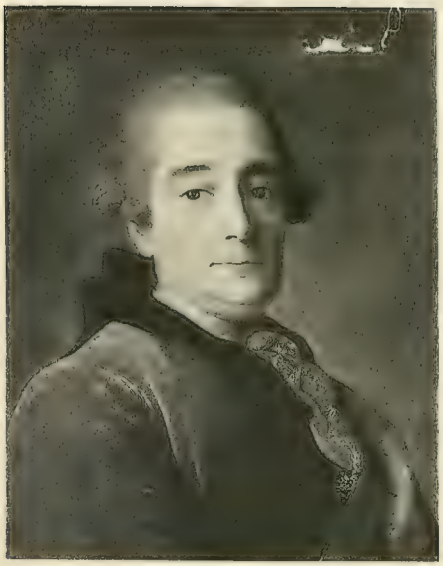
Grégoire Alexandrowitch Démidoff,
1765 — 1827

187

Екатерина Петровна Демидова,
1783 — 1830

Catherine Pétrowna Démidoff,
1783 — 1830

188



Инс. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ, 17..—1782 — *Le Prince Serge Vassiliewitch Gagarine, 17..—1782*

189

Инс. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Княгиня Прасковія Павловна Гагарина, 171.—1775 — *La Princesse Prascovie Pavlowna Gagarine, 171.—1775*

190

Инс. Виже-Лебренъ, 1801 г. — Peint par Vigée-Lebrun, 1801

Князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ, 1784—1852 — *Le Prince Serge Sergiéevitch Gagarine, 1784—1852*

191

Князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ, 1783—1842 — *Le Prince Nicolas Sergiéevitch Gagarine, 1783—1842*

192

Пис. Лаперне — Peint par Lagrenée

Графъ Александръ Никитичъ Панинъ, 1791—1850 — Le Comte Alexandre Nikititch Panine, 1791—1850

193

Пис. Лаперне — Peint par Lagrenée

Графиня Александра Сергѣевна Панина, 1800—1872 — La Comtesse Alexandrine Sergudewna Panine, 1800—1872

194

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, 1801—1874 — Le Comte Victor Nikititch Panine, 1801—1874

195

Графиня Наталія Павловна Панина, 1810—1899 — La Comtesse Natalie Pavlowna Panine, 1810—1899

196

Графиня Марія Николаевна Скавронская, 1729 — 1804

La Comtesse Marie Nikolaewna Skavronsky, 1729 — 1804

197

Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, 1738 — 1821

Paul Grigoriewitch Démidoff, 1738 — 1821

198

Пис. Левицкій

Peint par Lévitzky

Прасковія Ивановна Гурьева, 1757 — 1813

Prascovie Ivanowna Gourieff, 1757 — 1813

199

Екатерина Александровна Новосильцова, 1755 — 1842

Catherine Alexandrowna Novossiltzoff, 1755 — 1842

200

Князь Владиміръ Михайловичъ Яшвиль,
1764 — 1815

Le Prince Vladimir Mikhaïlowitch Yachvil,
1764 — 1815

201

Александръ Алексѣевичъ Жеребцовъ,
1754 — 1807

Alexandre Alexéewitch Jérebtzoff,
1754 — 1807

202

Петръ Александровичъ Талызинъ,
1761 — 1801

Pierre Alexandrowitch Talyzine,
1761 — 1801

203

Графъ Павелъ Ивановичъ Тизенгаузенъ,
1774 — 1862

Le Comte Paul Ivanowitch Tiesenhausen,
1774 — 1862

204

Густавъ-Георгій фонъ-Фелькерзамъ,
1734 — 1801

Gustave-Georges von Fœlkersam,
1734 — 1801

205

Графиня Варвара Николаевна Головина,
1766 — 1821

La Comtesse Varvara Nikolaewna Golovine,
1766 — 1821

206

Пис. Кедаль — *Peint par Quadal*

Графиня Прасковія Николаевна Фредро,
1790 — 18..

La Comtesse Prascovie Nikolaewna Frédro,
1790 — 18..

207

Пис. Герень — Peint par Guérin

Графиня Елизавета Николаевна Потоцкая,
1795 — 18..

La Comtesse Elisabeth Nikolaewna Potocki,
1795 — 18..

208

Графъ Максимиліанъ Фредро,
1784 — 1845

Le Comte Maximilien Frédro,
1784 — 1845

209

Пис. Соколовъ, 1824 — Peint par Sokoloff, 1824

Александръ Степановичъ Талызинъ, 1795—1858 — *Alexandre Stépanowitch Talyzine, 1795—1858*

210

Ольга Николаевна Талызина, 1803—1882 — *Olga Nikolaewna Talyzine, 1803—1882*

211

Петръ Ѳедоровичъ Мезенцевъ, 1734—179. — *Pierre Féodorowitch Mézentzeff, 1734—179.*

212

Владиміръ Петровичъ Мезенцевъ, 1779—1833 — *Vladimir Pétrowitch Mézentzeff, 1779—1833*

213

Митрополитъ Серафимъ (Глаголевскій), 1757 — 1843

Le Métropolite Séraphin (Glagolewsky), 1757 — 1843

214

Пис. Соколовъ *Peint par Sokoloff*

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, 1773 — 1844

Le Prince Alexandre Nikolaewitch Golitzyne, 1773 — 1844

215

Князь Александръ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, 1752 — 1830

Le Prince Alexandre Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, 1752 — 1830

216

Князь Борисъ Николаевичъ Юсуповъ, 1794 — 1849

Le Prince Boris Nikolaewitch Youssoupoff, 1794 — 1849

217

Писъ. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Марія Александровна Дмитріева-Мамонова, 1768 — 1794

Marie Alexandrowna Dmitrieff-Mamonoff, 1768 — 1794

218

Писъ. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Марія Ивановна Дубовицкая, 179. — 1821

Marie Ivanowna Doubovitzky, 179. — 1821

219

Писъ. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Елизавета Петровна Дубовицкая, 1791 — 1847

Elisabeth Pétrowna Doubovitzky, 1791 — 1847

220

Писъ. Тончи — Peint par Tonci

Княгиня Варвара Петровна Щербатова, 1774 — 1843

La Princesse Varvara Pétrowna Chtcherbatoff, 1774 — 1843

221

Дарія Васильевна Потемкина, 1704 — 1780

Daria Vassiliewna Potemkine, 1704 — 1780

222

Марія Васильевна Олешева, 1743 — 17..

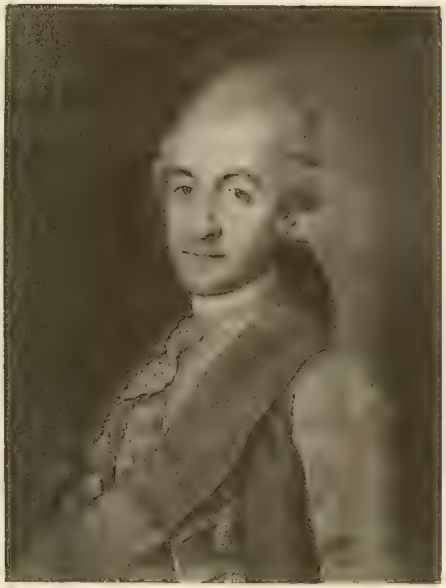
Marie Vassiliewna Olécheff, 1743 — 17..

223

Андрей Алексѣевичъ Всеволожскій, 17..— 1774

André Alexéewitch Vsévolojsky, 17..— 1774

224



Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій, 17..— 1822

Serge Alexéewitch Vsévolojsky, 17..— 1822

225

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій, 1775 — 1834

Le Prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky, 1775 — 1834

226

Князь Павелъ Алексѣевичъ Долгорукій, 1763 — 1829

Le Prince Paul Alexéewitch Dolgorouky, 1763 — 1829

227

Князь Николай Алексѣевичъ Долгорукій, 1713 — 1790

Le Prince Nicolas Alexéewitch Dolgorouky, 1713 — 1790

228

Пис. Дау

Князь Александръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, 1778 — 1817

Peint par Dawe

Le Prince Alexandre Féodorowitch Chtcherbatoff, 1778 — 1817

229

Пис. Дау

Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, 1769 — 1817

Peint par Dawe

Le Prince Alexis Ivanowitch Gortchakoff, 1769 — 1817

230

Пис. Кюгельхенъ — Peint par Kügelchen

Дмитрій Николаевичъ Дурново, 1769 — 1834 — Dmitri Nikolaewitch Dournovo, 1769 — 1834

231

Николай Дмитріевичъ Дурново, 174. — 1816 — Nicolas Dmitriewitch Dournovo, 174. — 1816

232

Марія Никитична Дурново, 1776 — 1847 — Marie Nikititchna Dournovo, 1776 — 1847

233

Пис. Мигуаръ — Peint par Mihéer

Николай Дмитріевичъ Дурново, 1793 — 1828 — Nicolas Dmitriewitch Dournovo, 1793 — 1828

234

Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ, 1762 — 1834

Alexis Davydowitch Pantchoulidzeff, 1762 — 1834

235

Сергѣй Васильевичъ Колычовъ, 1791 — 1836

Serge Vassilievitch Kolytcheff, 1791 — 1836

236

Пис. Тропининъ

Peint par Tropinine

Николай Васильевичъ Арсеньевъ, 1789 — 1847

Nicolas Vassilievitch Arsénieff, 1789 — 1847

237

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, 1794 — 1856

Pierre Yakovlevitch Tchadaeff, 1794 — 1856

238

Николай Александровичъ Васильчиковъ, 1799 — 1864

Nicolas Alexandrowitch Vassiltchikoff, 1799 — 1864

239

Пис. А. Мингаръ, 1826 — Peint par A. Mingard, 1826

Екатерина Петровна Васильчикова (?), 1801 — 1851

Catherine Pétrowna Vassiltchikoff (?), 1801 — 1851

240

Пис. Соколовъ *Peint par Sokoloff*

Алексей Васильевичъ Васильчиковъ, 17 . . — 18 . .

Alexis Vassiliewitch Vassiltchikoff, 17 . . — 18 . .

241

Пис. Соколовъ *Peint par Sokoloff*

Николай Васильевичъ Васильчиковъ, 1781 — 1849

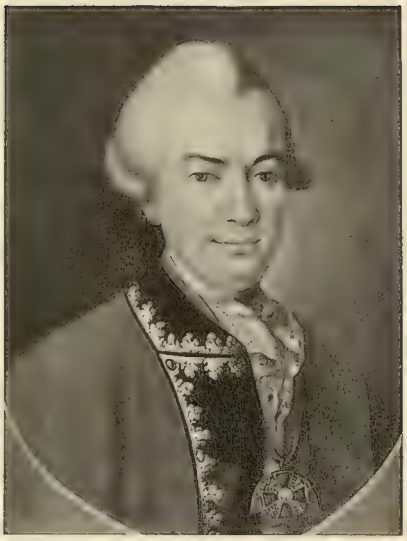
Nicolas Vassiliewitch Vassiltchikoff, 1781 — 1849

242

Михаилъ Ивановичъ Мордвиновъ, 1725 — 1782

Michel Ivanowitch Mordvinoff, 1725 — 1782

243



Николай Ерофеевичъ Муравьевъ, 17 .. — 1770

Nicolas Erofeewitch Mouravieff, 17 .. — 1770

244

Пис. Рокотовъ *Peint par Rokotoff*

Анастасія Михайловна Загряжская, 1728 — 1779

Anastasie Mikhaïlowna Zagriajsky, 1728 — 1779

245

Пис. Рокотовъ *Peint par Rokotoff*

Николай Артемiевичъ Загряжскiй, 1729 — 1788

Nicolas Artémiewitch Zagriajsky, 1729 — 1788

246

Пис. Рокотовъ — Peint par Rokotoff

Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ, 1722 — 1797 — Alexis Naoumowitch Séniavine, 1722 — 1797

247

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ, 1743 — 1817 — Théodore Féodorowitch Ouchakoff, 1743 — 1817

248

Князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій, 1740 — 1806 — Le Prince Ivan Vassiliewitch Nésvitzky, 1740 — 1806

249

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ, 1704 — 1781 — Alexis Ivanowitch Nagaeff, 1704 — 1781

250

Юрій Ѳедоровичъ Лисянскій, 1773 — 1837 — Youri Féodorowitch Lissiansky, 1773 — 1837

251

Пис. Молинари — Peint par Molinari

Князь Дмитрій Николаевичъ Голицынъ, 1786 — 1812

Le Prince Dmitri Nikolaewitch Golitzyne, 1786 — 1812

252

Пис. Молинари — Peint par Molinari

Княгиня Марія Адамовна Голицына, 1757 — 1820

La Princesse Marie Adamowna Golitzyne, 1757 — 1820

253

Пис. Астрахов, 1810 г. (съ Молинари) — Peint par Astrakhoff, 1810 (d'après Molinari)

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, 1781 — 1863

Alexandre Yakovlewitch Boulgakoff, 1781 — 1863

254

Пис. Молинари — Peint par Molinari

Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, 1782 — 1835

Constantin Yakovlewitch Boulgakoff, 1782 — 1835

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

2007088101